

Правительство
Москвы

Правительство Москвы
Комитет по культуре города Москвы
Московский институт
социально-культурных программ

Российская Академия наук
Институт социально-политических исследований

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура

Выпуск № 2 (15)

Москва, 2007

УДК 008

ББК 71

П71

Научный редактор — доктор социологических наук **В.К. Сергеев**

Ответственный за выпуск — **В.Г. Донской**

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура // Научный сборник. — М.: Серебряные нити, 2007. — Вып. 2 (15). — 152 с.

Научный сборник рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

- © Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы «Московский институт социально-культурных программ», 2007
- © ИПЦ «Социум», 2007

Молодёжное движение Республики Беларусь в контексте социальной политики союзного государства по поддержке талантливой молодёжи

*БОГАЧЁВА Ирина Брониславовна,
ректор Белорусского государственного
института проблем культуры,
кандидат педагогических наук, доцент*

Братские народы Беларуси и России издавна связывает единая история. Как Беларусь, так и Россия проповедают сходные общечеловеческие ценности — христианские, гуманистические, национальные, этнокультурные, социальные. Вот почему сейчас особенно актуальным является вопрос дальнейшего взаимодействия и взаимовлияния двух славянских народов.

Ярким событием в жизни народов обеих стран стало 10-летие со дня подписания Договора об образовании Сообщества России и Беларуси. За этот период каждая национальная культура не только развивалась, но и перенимала лучшие достижения соседней. Особое значение имели обмен опытом, творческими достижениями между лучшими представителями культуры двух стран, культурные, научные контакты в процессе формирования единого культурно-информационного пространства.

Проведение совместных коллегий Министерством культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации и Министерством культуры Республики Беларусь является чрезвычайно важным фактором в процессе становления межкультурных контактов.

Так, в январе 2001 г. в Москве состоялось первое совместное заседание коллегий, в повестке дня которого были вопросы сотрудничества и перспективы его развития до 2005 г. Второе заседание прошло в сентябре 2003 г. в Минске. Итогом этого мероприятия стало принятие плана общих творческих акций по празднованию 60-летия освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков и 60-летия Победы в Великой Отечественной войне. В результате было принято решение объявить 2004 год Годом культуры Республики Беларусь в Российской Федерации, а 2005-й — Годом культуры Российской Федерации в Республике Беларусь.

Плодотворным в сотрудничестве двух министерств стало начало 2006 года, когда был утверждён перспективный План мероприятий Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ, Федерального агентства по культуре и кинематографии и Министерства культуры Республики Беларусь на 2006 — 2010 гг. В совместных мероприятиях 2001 — 2006 гг. большое место было отведено развитию связей молодёжных движений двух стран.

Творческая молодёжь Беларуси и России была представлена в 300 творческих акциях, среди которых такие международные музыкальные фестивали, как «Белорусская музыкальная осень», «Минская весна», фестиваль духовной музыки «Магутны Божа» (г. Могилев), Фестиваль им. И. Соллертинского (г. Витебск), фестиваль органной музыки «Званы Сафіі» и фестиваль старинной и современной камерной музыки (г. Полоцк), Международный фестиваль джаза (г. Минск) и ряд других.

Лучшие представители молодёжи приняли самое активное участие в следующих совместных культурных акциях двух стран: Международный театральный фестиваль «Белая Вежа» (Брест), Международный фестиваль «Славянские театральные встречи» (Гомель, Брянск, Чернигов), Международный фестиваль моноспектаклей «Я» (Минск), Международный фестиваль театрального искусства «Панорама» (Минск), Международные театральные форумы «Золотой витязь» и «М. art. Контакт», Международный фестиваль современной хореографии (IFMC) и Международный театрально-телевизионный фестиваль «Молодость века» (Москва), Международный фестиваль русских театров стран СНГ и Балтии «Встречи в России» (Санкт-Петербург), фестиваль «Голоса истории» (Вологда), Международный фестиваль на Волге «Театральный круг» (Тольятти), Международные театральные фестивали «Актёры России — Михаилу Щепкину» (Белгород), Вампиловский фестиваль (Иркутск) и Международный молодёжный театральный фестиваль «Русская классика» (г.Лобня, Подмосковье).

Кульминационным моментом культурного сотрудничества двух стран, безусловно, является Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске», в рамках которого весьма интересное мероприятие — проведение Дня молодёжи.

Творческое взаимодействие и взаимосвязь между Беларусью и Россией выражаются не только в проведении фестивалей, дней культуры, выставок, конкурсов, мастер-классов, но и в организации таких форм сотрудничества, как Первый форум творческой и научной интеллигенции государств-участников СНГ (14 — 15 апреля 2006 г. в

Москве), «круглый стол» на тему «Россия — Беларусь: диалог народов, диалог культур», который прошёл в рамках Первого белорусско-российского экономического форума «Россия и Беларусь: практика реальной интеграции» (6 — 9 сентября 2005 г. в Минске), «круглый стол» в рамках Международной конференции «Молодёжь и искусство — мост в будущее» (16 августа 2006 г. в Минске), заседание Комиссии по гуманитарно-культурному сотрудничеству при Совете делового сотрудничества Республики Беларусь и Москвы (23 августа 2006 г. в Гродно), фестиваль «Культура сближает народы» (14 — 20 сентября 2006 г. в Краснодарском крае), фестиваль «Молодёжь за Союзное государство» (5 — 12 августа 2006 г. в Анапе) и др.

На сегодняшний день в Республике Беларусь молодые люди составляют 4-ю часть всего населения — 2 млн. 323 тыс. 459 человек. Это определило необходимость логически выстроить всю систему работы с молодёжью в форме разработки современных воспитательных концепций, программ, системы мероприятий с целью формирования патриотических основ будущего гражданина страны. Наиболее яркой из них стала республиканская программа «Молодёжь Беларуси» на 2006 — 2010 гг.».

В стране насчитывается более 150 молодёжных и детских организаций. В Белорусской пионерской организации сегодня состоят свыше 400 тыс. школьников. Наиболее авторитетным считается Белорусский республиканский союз молодёжи, членами которого являются свыше 300 тыс. юношей и девушек из различных регионов страны. В Республиканский союз общественных объединений «Белорусский комитет молодёжных организаций» входят 37 молодёжных и детских объединений.

Активно действует Специальный фонд Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодёжи, основанный в соответствии с Указом президента А.Г.Лукашенко № 473 от 20 ноября 1995 г. с целью создания условий для поиска, становления и творческого развития одарённых молодых людей. Фонд принял на себя эту почётную обязанность. Его деятельность в течение 10 лет — свидетельство постоянной заботы государства о выявлении и дальнейшем развитии юных талантов. Фонд назначает стипендии и премии за высокие творческие достижения в искусстве, оказывает материальную помощь молодым дарованиям, содействует организации культурных акций, стимулирующих и пропагандирующих молодёжное и детское искусство, а также способствующих профессиональному становлению и росту молодых талантов, выделяет финансовые

средства на приобретение музыкальных инструментов, сценических костюмов, материалов и оборудования, используемых в учебном и творческом процессах.

Первым председателем Совета фонда в 1996 г. стал народный артист СССР Н.Н.Ерёменко. И уже в первый год работы решением Совета были выделены средства первым 28 стипендиатам, оказана материальная помощь 23 представителям творческой молодёжи, присуждена премия лауреату Международного конкурса «Музыка надежды» И.Лепёшкиной, оказано содействие в проведении Международного конкурса музыкантов-исполнителей «Фортепиано. Минск-96», ставшего одним из самых значительных событий года и привлекшего к себе внимание всей музыкальной общественности Республики.

В 1997 г. стипендиатами фонда стали свыше 50 человек. Материальная помощь была оказана 20 юношам и девушкам. С этого момента активное участие фонда в конкурсной и фестивальной жизни страны стало постоянным. Были выделены средства на призовые фонды, «Гран-при» победителям конкурсов музыкантов-исполнителей на духовых и ударных инструментах, Международного конкурса юных пианистов им. И.А.Цветаевой, Международного конкурса «Музыка надежды», Международного конкурса юных композиторов им. М.Богдановича. Премии фонда получили также победители Республиканского конкурса учащихся детских художественных школ и средних специальных учебных заведений искусств, хоровая капелла мальчиков и юношей Дворца профсоюзов г. Бреста. Благодаря поддержке фонда был издан каталог выставки художников творческих академических мастерских Министерства культуры. Даже простое перечисление указанных мероприятий свидетельствует о том, что уже в первые 2 года деятельность фонда органично вошла в культурную жизнь страны.

В течение 1998 г. государственную поддержку получили 63 стипендиата, 15 дарованиям оказана материальная помощь, премиями были отмечены 4 музыкальных коллектива — духовой оркестр «Фанфары Беларуси» Белорусской государственной академии музыки, Образцовый детский фольклорный ансамбль «Дударики», камерный оркестр и хор мальчиков Республиканского лицея при Белорусской государственной академии музыки. Поддержка каждого из этих коллективов позволила им в дальнейшем ярко проявить себя в творческой жизни страны.

Фонд продолжает оказывать содействие различным конкурсам, фестивалям, выставкам, пленэрам. Среди них — Республиканская

молодёжная выставка «Время. Пространство. Личность», Международный детский пленэр им. М.Чюрлёниса, литературный конкурс, посвящённый 200-летию со дня рождения А.Мицкевича. В поле зрения специалистов фонда попал также детский музыкальный театр «Сказка».

В 1999 г. пришло время подводить некоторые итоги деятельности Спецфонда. Порядок получения стипендий и различных поощрений был определён новым «Положением об оказании материальной помощи талантливым учащимся и студентам, имеющим творческие достижения». Были утверждены также «Положение об экспертно-художественной комиссии Специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодёжи» и «Положение о поощрении талантливых учащихся и студентов, имеющих творческие достижения». В этом году стипендиатами фонда стали 136 человек, материальная помощь оказана 44-м, премиями фонда отмечены 25 молодых людей.

Очень многое было сделано в тот год для поддержки белорусских талантов, для их продвижения по избранному пути. Были установлены призовые фонды победителям Республиканского конкурса исполнителей на народных инструментах им. И.И.Жиновича, Республиканского конкурса исполнителей на духовых и ударных инструментах, Республиканского пленэра учащихся средних специальных учебных заведений культуры и искусства, Международного конкурса юных композиторов им. Ю.В.Семеняко, III Республиканского художественного конкурса.

Финансовые средства были выделены на приобретение костюмов для лучших детских коллективов (ансамбль танца «Надзея» детской школы искусств г. Рогачёва, хор «Камерата» детской музыкальной школы г. Слонима), закупку материалов для мастерской-лаборатории по художественной росписи ткани Белорусского государственного университета культуры, а также выплату грантов Паричскому Дому детского и юношеского творчества и квартету труб «Интрада» Белорусской государственной академии музыки.

Благодаря поддержке фонда были выпущены компакт-диск с записями и буклет выставки работ стипендиатов. Можно сказать, что издание компакт-дисков и буклетов в дальнейшем станет доброй традицией.

Впервые в Музее современного изобразительного искусства экспонировалась выставка-конкурс претендентов на получение премий Спецфонда. Будущими стипендиатами были представлены не толь-

ко живописные полотна, но и гобелены, батик, керамика, куклы, костюмы, композиции из соломки и другие произведения изобразительного искусства.

В 2000 г. для многих стипендиатов фонда открылись двери в большое искусство. По инициативе фонда была проведена Первая Творческая школа, которая объединила 70 юных музыкантов и художников 10 — 16 лет из всех регионов Республики и подарила им уникальную возможность на протяжении 12 дней пройти стажировку у крупнейших мастеров искусств Беларуси — ведущих профессоров Академии музыки и Академии искусств, народных художников Беларуси М.А.Савицкого, Г.Х.Ващенко, М.В.Данцига, В.И.Стельмашонка, заслуженных деятелей искусств Республики А.В.Барановского, Н.И.Счастной, заведующих кафедрами Белорусской государственной академии искусств К.П.Шаранговича и В.В.Немцова. Мастер-классы для юных музыкантов провели заслуженный деятель искусств Республики, профессор Белорусской государственной академии музыки Л.С.Шеломенцева, профессора В.В.Шацкий, З.В.Качарская, Л.П.Юшкевич, А.Б.Янпольский, В.Г.Черныш, В.М.Зеленин, доценты А.И.Химченко, Э.В.Кучинский, Р.Д.Кривель, старший преподаватель С.А.Микулик.

Специальный фонд в 2000 г. оказал поддержку в проведении II Международного конкурса музыкантов-исполнителей «Фортепиано. Минск-2000», II Республиканского пленэра учащихся средних специальных учебных заведений культуры и искусства.

Ещё одним значительным событием года стали Первые Дельфийские игры, которые прошли в Москве. Эти престижные творческие соревнования, в которых приняли участие представители 26 стран, ознаменовались победами и наших юных талантов. В номинации «Струнно-смычковые инструменты» одержал победу, получил золотую медаль учащийся Республиканского колледжа при Белорусской государственной академии музыки А. Шишков.

Фонд оказал содействие в организации выставки художественных работ учащихся и педагогов детских школ г. Дзержинска, Гродно, Могилёва, Мозыря, Пинска.

Всего в 2000 г. стипендиатами фонда стали 116 представителей творческой молодёжи, 63 человека получили материальную помощь. Была оказана значительная поддержка творческим коллективам: приобретены костюмы для образцовых ансамблей «Самогуды» (г. Молодечно), «Забава» (пос. Сосновый бор Гомельской области) и хора «Ласточка» (г. Петриков). Гранты на приобретение материалов для занятий изобразительным творчеством получили Минское худо-

жественное училище им. А.К.Глебова, Белорусская государственная академия искусств. Белорусская государственная академия музыки, Республиканский музыкальный колледж при ней, Мозырская детская школа искусств приобрели новые музыкальные инструменты. Также было поддержано участие юных белорусских музыкантов в международных конкурсах в Японии и Франции, в Творческой школе межрегионального благотворительного общественного фонда «Новые имена» в Москве.

Значительным событием года стал концерт стипендиатов, посвящённый 5-летнему юбилею фонда, который прошёл в зале Белорусской государственной филармонии. Своё мастерство продемонстрировали лучшие стипендиаты фонда — лауреаты республиканских и международных конкурсов: квартет труб «Интрада», ансамбль цимбалистов «Золотая струна» Минского музыкального училища им. М.И.Глинки, гобоист П.Кундянок, пианист А.Поночевный и многие другие.

В 2001 г. Указом президента Республики № 365 от 30 ноября был утверждён новый председатель Совета фонда — известный белорусский музыкант, художественный руководитель Государственного академического народного хора Республики Беларусь им. Г.И.Цитовича, председатель Общественного объединения «Белорусский союз музыкальных деятелей», профессор Белорусской государственной академии музыки, народный артист Республики М.П.Дриневский.

В этом году стипендиатами фонда стали свыше 50 представителей творческой молодёжи, материальная помощь оказана 28 юным дарованиям.

Усилия фонда в 2001 г. были направлены на оказание материальной помощи коллективам всех регионов Республики: народному ансамблю танца «Гродненские кружева», молодёжному хору «Элегия» из г. Барановичи, образцовому ансамблю классического танца «Пирует» г. Витебска, оркестру русских народных инструментов Молодечненского музыкального училища, образцовому ансамблю танца «Лялечки» Обуховского центрального Дома культуры Гродненской области.

Были учреждены призовые фонды Международного конкурса камерных ансамблей им. М.К.Огинского и Международного конкурса юных композиторов им. Ю.В.Семеняко, IV Пленэра «Радуга надежды» и многих других конкурсов, фестивалей, выставок.

В работе Творческой школы 2001 г. в Минске приняли участие 80 юных талантов из столицы и различных регионов Республики по 2-м направлениям — изобразительное искусство и музыка (духовые

и ударные инструменты). Лучшие педагоги страны — народный художник СССР М.А.Савицкий, народные художники Беларуси М.В.Данциг, В.И.Стельмашонок, заслуженные артисты Республики Беларусь В.В.Будкевич, Б.В.Ничков проводили занятия с воспитанниками Минского художественного училища им. А.К.Глебова, Гомельского художественного училища, Гродненского училища искусств им. А.Пашкевич, Минской гимназии-колледжа искусств им. И.О.Ахремчика. По итогам Творческой школы состоялись концерты в Большом зале Белгосфилармонии, в Несвиже — в рамках Белорусского фестиваля камерной музыки, в Витебске и Новополоцке — в рамках Международного фестиваля искусств «Белорусская музыкальная осень».

В 2002 г. был издан новый Указ № 284 от 3 июня «Об утверждении состава Совета Специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодёжи». Теперь фонд возглавила заместитель председателя Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по образованию, культуре, науке и научно-техническому прогрессу Н.П.Авдеева.

В 2002 г. стипендиатами фонда стали 185 человек. При его активном участии были организованы и проведены «Певческая академия» в Гомеле, III Международный конкурс юных пианистов им. И.А.Цветаевой. В мероприятиях приняли участие юные и зрелые музыканты из Беларуси, России, Украины, Узбекистана. Первую премию в младшей группе конкурса юных пианистов получил 11-летний А.Шаплыко, ученик Солигорской детской музыкальной школы.

При поддержке фонда в ноябре 2002 г. успешно прошёл I Международный конкурс исполнителей на народных инструментах им. И.И.Жиновича. Лауреатами 1-й премии конкурса стали воспитанники Белорусской государственной академии музыки И.Квашевич (аккордеон) и А.Хохол (цимбалы).

В 2002 г. лауреаты и стипендиаты фонда в составе белорусской команды приняли участие в Первых Дельфийских играх стран-участниц СНГ в г. Брянске. Команда Беларуси заняла 3-е место в общем зачёте среди 11 стран, завоевав 4 золотых, 3 серебряных и 4 бронзовых медали.

Этот год был ознаменован большими достижениями и на международном уровне. Лауреатами престижных фортепианных конкурсов стали А.Поночевный (XII Международный конкурс им. П.И.Чайковского) и К.Красницкий (III Международный конкурс пианистов им. С.В.Рахманинова), обоим молодым музыкантам были присуждены именные премии фонда.

В 2002 г. по инициативе фонда была создана Творческая школа «Республиканский юношеский симфонический оркестр». Проект поддержали Министерство культуры, Министерство образования, а также Белорусский государственный институт проблем культуры. В рамках проекта были организованы мастер-классы ведущих педагогов страны. Заключительное выступление оркестра под управлением известного дирижёра А.Анисимова состоялось в зале Национального академического театра оперы Республики Беларусь.

Как и прежде, особое внимание фонда было уделено регионам. Впервые централизованно, за счёт средств Спецфонда, приобретены музыкальные инструменты (фортепиано и баяны) для районных детских школ искусств Республики, которые распределены в соответствии с заявками управлений культуры облисполкомов. Эти акции позволили обновить инструментарий детских школ искусств, повысить уровень преподавания и концертно-просветительской деятельности учебных заведений.

Финансовая поддержка со стороны фонда была оказана VII Международному конкурсу юных композиторов им. Ю. В. Семеняко, IV Международному детскому конкурсу «Музыка надежды».

Обогащению музыкальной педагогики, стимулированию активности учащихся и студентов в достижении высоких результатов на примере опытных мастеров способствовали мастер-классы ведущих педагогов Европы. Большое внимание представителей скрипичного жанра привлекли прошедшие в 2002 г. уроки профессора О.М.Пархоменко, воспитавшей лауреатов самых различных конкурсов, прекрасных музыкантов с мировыми именами. На её занятиях в течение 4-х дней побывало около 60 учащихся и преподавателей из всех областей страны.

В 2003 г. следующим Указом президента № 138 от 7 апреля внесены изменения и дополнения в Положение о Спецфонде. В соответствии с ним Совет фонда утвердил новое «Положение о поощрении талантливых учащихся, студентов, педагогов, молодых деятелей культуры и искусства, которые имеют творческие достижения». С этого момента были определены такие виды поощрений: гранд-премии, премии, поощрительные премии, стипендии, материальная помощь, гранты.

Благодаря внесённым изменениям и дополнениям были значительно расширены возрастные рамки для кандидатов в стипендиаты — до 31 года включительно. Впервые в 2003 г. введено звание «Лауреат Специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодёжи» с вручением нагрудного знака. Зва-

ние присуждается обладателям гранд-премий за выдающиеся творческие достижения в сфере культуры и искусства. Поощрениями фонда отмечены 253 человека, из них 156 — стипендиями, 34 — поощрительными премиями, 6 — премиями, 2 — именными премиями, 55 ребят получили материальную помощь.

В этом же году состоялся Международный рейтинговый турнир по спортивным бальным танцам «Минск-Орен-2003». Денежный грант на учреждение призового фонда выделил Спецфонд. В турнире приняло участие более 400 пар из 8 стран мира. Лучших результатов среди белорусов добились стипендиаты фонда — студентка О.Столяр и выпускник А.Леонтьев Белорусского государственного университета культуры, которые вышли в финал и заняли 4-е место.

Получила дальнейшее развитие Творческая школа «Республиканский юношеский симфонический оркестр». Её участники, представлявшие все регионы Республики, подготовили под руководством дирижёра Александра Анисимова концертную программу, которая была с успехом исполнена в г. Минске, а также в Германии во время презентации Международных молодёжных Дельфийских игр.

При поддержке фонда в 2003 г. успешно прошли также I Международный конкурс исполнителей на струнных смычковых инструментах им. М.Ельского, V Международный конкурс «Музыка надежды» и II Международный конкурс исполнителей на народных инструментах им. И.И.Жиновича, подтвердившие высокий уровень достижений национального исполнительства. Фонд учредил премии победителям Всемирного конкурса детского рисунка, литературного конкурса, посвящённого 200-летию со дня рождения А.Мицкевича, Республиканского конкурса по созданию фирменного стиля Специального фонда Президента.

Фондом профинансировано проведение: I Отчётной художественной выставки работ стипендиатов, мастер-класса для студентов Белорусской государственной академии искусств в Санкт-Петербурге, республиканских выставок «Майстры і вучні», «Чароўная палітра» и ряда других значимых творческих акций.

С этого времени становятся традиционными отчётные концерты, художественные выставки работ стипендиатов фонда, по результатам которых выпускаются компакт-диски, каталоги и буклеты, пополняющие фонды библиотек, учебных заведений Беларуси, дипломатических представительств Республики за рубежом с целью популяризации творческих достижений страны.

Фонд поддержал участие творческой молодёжи Республики в

крупных культурных международных форумах: ансамбля цимбалистов Белорусской государственной академии музыки в VII Всемирном конгрессе цимбалистов в г. Аппенцель (Швейцарская конфедерация); вокально-хореографического ансамбля «Валачобнікі» Белорусского государственного университета культуры в X Международном фестивале народных традиций в г. Вико-Экуэнс (Италия); студентов театрального факультета Белорусской государственной академии искусств в V Международном фестивале кукольных театров в г. Магдебурге (Германия). Благодаря поддержке фонда учащиеся Республиканского учебного комплекса гимназия-колледж при Белорусской государственной академии музыки смогли продемонстрировать своё мастерство на международных конкурсах в России, Чехии, Испании, Литве. Фонд выделил средства на организацию стажировок студентов художественного факультета Белорусской государственной академии искусств в Мюнстерской художественной академии (Германия) и молодого преподавателя Гродненской школы-интерната для слепых и слабовидящих детей в Пражской консерватории (Чехия), располагающей методиками работы с данной категорией музыкально одарённых.

Заметным событием года стала встреча президента Республики А.Г.Лукашенко со стипендиатами Спецфонда — учащимися-победителями творческих конкурсов и фестивалей, которая состоялась во Дворце Республики.

В 2004 г. в Кишинёве прошли II Молодёжные Дельфийские игры стран-участниц СНГ. Триумф белорусской команды был абсолютно закономерен — 12 медалей разного достоинства (5 золотых, 3 серебряных, 4 бронзовых), 7 дипломов и 3-е место в общекомандном зачете. Золотыми медалистами стали учащиеся Республиканского учебного комплекса гимназия-колледж при Белорусской государственной академии музыки П.Нетук (фортепиано), В.Шацкая (фортепиано), В.Бережная (скрипка), студент Белорусской государственной академии музыки И.Филиппов (гобой) и учащийся Могилёвского музыкального училища им. Н.А.Римского-Корсакова — А.Махтадуй (туба).

В целом в 2004 г. фонд поддержал 11 наиболее значимых проектов по развитию детского и юношеского творчества, выделив солидные средства на организацию международных и республиканских конкурсов, выставок, публикаций и других мероприятий по выявлению и поощрению молодых талантов, пропаганде их творчества. Самыми значительными мероприятиями стали:

— I Международный конкурс вокалистов им. Л.П.Александровской;

— VI Международный детский конкурс исполнителей на духовых и ударных инструментах «Музыка надежды»;

— IV Национальный конкурс красоты «Мисс Беларусь-2004»;

— VI Республиканский конкурс учеников детских художественных школ, художественных отделений школ искусств, общеобразовательных школ с художественным и архитектурно-художественным уклонами, учащихся средних специальных учебных заведений искусств;

— Республиканская художественная выставка работ стипендиатов Специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодёжи «Свет казак, легенд і паданняў зямлі беларускай»;

— Отчётный концерт стипендиатов, посвящённый 60-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

За творческие достижения и активную концертную, выставочную деятельность, а также для осуществления значимых творческих проектов в 2004 г. фонд присуждал индивидуальные и коллективные гранты и премии. Среди награждённых — образцовый ансамбль классического танца «Пируэт» г. Витебска, ансамбль танца «Полесьяночка» г. Пинска, ансамбль цимбалистов «Золотая струна» Минского государственного музыкального училища им. М.Глинки, хор учащихся младших классов «Светлячок» детской музыкальной школы г. Молодечно, образцовый вокально-хореографический ансамбль «Руны» детской школы искусств г. Полоцка и многие другие коллективы.

2005 год — юбилейный для фонда и особенный для всей страны: мероприятия, культурные акции, проводимые в Республике и за её пределами, посвящены 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, а также Году культуры Российской Федерации в Республике Беларусь.

В ознаменование этих дат впервые в истории фонда была проведена важная культурная акция «Совместный концерт стипендиатов Специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодёжи и Российского межрегионального благотворительного фонда «Новые имена». В Большом зале Белгосфилармонии юные таланты ведущих белорусских и российских учебных заведений продемонстрировали исполнительское мастерство и творческие достижения. В рамках данного мероприятия прошли мастер-классы для талантливой молодёжи Беларуси с участием крупнейших российских исполнителей и педагогов.

В 2005 г. фонд поддержал проведение в Гродно VIII Международного конкурса им. Ю.В.Семеняко, в котором приняли участие 48 талантливых музыкантов из разных стран.

В целом в 2005 г. 201 человек стали стипендиатами, 94 получили поощрительные премии, 20 человек отмечены премиями и званием дипломанта, 23 — гранд-премиями и званием лауреата. Таким образом, Спецфонд отметил поощрениями 443 человека, среди которых — учащиеся, студенты, педагоги, молодые деятели культуры и искусства.

Значительным событием в деятельности фонда стало участие белорусской делегации во II Международном фестивале «Москва встречает друзей». Мероприятие было посвящено 60-летию Победы в Великой Отечественной войне и прошло в Москве под девизом «Дети мира против террора». По приглашению Международного благотворительного фонда В.Спивакова в фестивале приняли участие стипендиаты Специального фонда Президента Беларуси. В Москве Республику представляли ансамбль танца «Весялушка», образцовый вокально-хореографический ансамбль «Руны», скрипач С.Белозерцев, цимбалистка Е.Воронцова, капелла мальчиков Республиканского учебного комплекса гимназия-колледж при Белорусской государственной академии музыки, виолончелист И.Каризна, пианистка Э.Сейфуллаева, пианист Д.Солодуха, трио «Лицей» и др.

В рамках мероприятий Года культуры Российской Федерации в Республике Беларусь в 2005 г. в Минске прошли мастер-классы ведущих педагогов учебных заведений Москвы. В них приняли участие более 60 юных музыкантов и художников Беларуси — учащиеся музыкальных школ и школ искусств, колледжей, училищ, студенты Белорусской государственной академии музыки и Белорусской государственной академии искусств, а также более 200 педагогов учебных заведений.

Спецфонд оказал поддержку фестивалю балетного искусства «Творчество юных — родной Беларуси», который проводился Белорусским государственным хореографическим колледжем и был посвящён 60-летию со дня его основания. Средства, выделенные фондом, были использованы для постановки спектакля «Дон Кихот».

Благодаря финансовой поддержке фонда в рамках празднования 60-летия Белорусской государственной академии искусств был поставлен студенческий спектакль, приобретены материалы для занятий по изобразительному искусству, выделены средства для издания художественного альбома «Академический рисунок» с работами преподавателей и студентов.

Фонд финансировал выступление симфонического оркестра Белорусской государственной академии музыки «Молодая Беларусь» в Берлине на VI Европейском молодёжном фестивале.

Выделены средства фонда на выпуск компакт-диска «Таланты Беларусі-2005», мультимедийного издания «Славутыя настаўнікі-майстры мастацтваў — таленавітай моладзі».

В 2005 г. прошёл VII Республиканский конкурс учеников детских художественных школ, художественных отделений школ искусств, общеобразовательных школ с художественным и архитектурно-художественным уклонами, учащихся средних специальных учебных заведений искусств. Следует отметить проведение Республиканской художественной выставки работ стипендиатов Специального фонда, посвящённой 60-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне, а также успешное участие белорусской делегации в III Молодёжных Дельфийских играх стран-участниц СНГ (в Киеве) — 3 золотых медали, 6 — серебряных, 2 — бронзовых. В командном зачёте сборная Беларуси заняла 1-е место среди 18 стран. 14 декабря во Дворце Республики стипендиаты выступили в отчётном концерте, посвящённом 10-летию деятельности фонда.

Спецфонд оказал содействие в проведении Международного конкурса пианистов «Минск-2005». Лауреатами и дипломантами конкурса стали стипендиаты фонда: Т.Щербаков — 1-я премия, В.Нетук, В.Шацкая, К.Красницкий и В.Стахивич — дипломы. Особым достижением юбилейного года стала победа в III Международном телевизионном детском конкурсе песни «Евровидение-2005» стипендиата фонда К.Ситник.

Весьма плодотворным в деятельности Спецфонда оказался 2006 г. Поощрения фонда (гранд-премии, стипендии, премии, поощрительные премии) получили 223 человека и 18 художественных коллективов. Звания лауреата удостоены 39 талантливых юношей и девушек и 8 коллективов из всех регионов Республики. Среди стипендиатов фонда лауреаты самых престижных международных конкурсов — П.Бойко и М.Ли́ла, Д.Варламова и Е.Громы́ко, А.Кунец и И.Матюхов, И. Дедусенко и А.Денисеня и много других молодых талантов.

В 2006 г. юные дарования смогли продемонстрировать своё мастерство на международных и республиканских конкурсах, пленэрах, выставках, концертах и других художественно-творческих мероприятиях. Совместно с Министерством культуры Беларуси и при непосредственной поддержке фонда представители Республики имели возможность выступить на таких престижных национальных

художественно-творческих состязаниях, как Международный конкурс камерных ансамблей им. М.Огинского (Сморгонь), Республиканский открытый конкурс исполнителей на народных инструментах имени И.Жиновича (Минск), Международный детско-юношеский пленэр им. И.Репина (Витебск, Витебский район), Международный детский конкурс «Музыка надежды» (Гомель), Республиканский художественный конкурс (Минск), художественные выставки и отчётные концерты лауреатов, дипломантов, стипендиатов фонда и кандидатов на его поощрения (областные, минские городские, республиканские итоговые).

При действенном участии фонда в 2006 г. были поддержаны молодёжные Дельфийские игры государств-участников СНГ, Международная конференция «Молодёжь и искусство — мост в будущее», фестиваль «Молодёжь — за Союзное государство» в Анапе.

Стипендиаты фонда принимали активное участие в Международном фестивале детского творчества «Золотая пчёлка», Национальном телевизионном конкурсе юных талантов «Сузор'е надзей», Республиканском конкурсе детского рисунка «На сваёй зямлі», а также в многочисленных региональных праздниках и конкурсах. Приятно отметить, что 2-й год подряд успешно выступили на конкурсе детской песни «Евровидение» участники от Беларуси, за что и были в итоге отмечены поощрениями Спецфонда.

В 2006 г. фонд выделил средства на приобретение необходимых инструментов, материалов, оборудования, сценических костюмов для учреждений культуры и искусства. Специальные гранты его были вручены Сморгонской детской школе искусств, Гомельскому государственному училищу, Полоцкой детской школе искусств, образцовому хору «Тоника» детской музыкальной школы № 1 им. Л.Александровской в Минске, Белорусской академии музыки, Минскому суворовскому военному училищу.

В 2007 г. Специальный фонд Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодёжи, как и прежде, оказывает всестороннюю помощь и поддержку молодым дарованиям. В стране 2007 год объявлен Годом ребёнка.

Во все времена искусство обладало уникальной способностью сближать людей, заставляя их сопереживать друг другу, открывать для себя удивительную многоцветную палитру чувств, выраженную в слове, звуке, движении и живописных полотнах. Произведения искусства помогали постигать вековую мудрость народного творчества, глубину и самобытность народных традиций. Поиски талантов — от

самых юных до молодых деятелей культуры и искусства — как в народном, самодеятельном, так и в профессиональном искусстве находят поддержку у государства в лице Специального фонда Президента Республики Беларусь, что способствует развитию белорусского искусства и культуры.

Литература

1. Бунцэвіч Н.Ю. Мы — разам / Н.Ю. Бунцэвіч // Культура. — 2006. — 18–24 сакавіка.
2. Гарбачова Л.В. Культура і мастацтва Беларусі ў люстэрку перыядычнага друку / Л.В.Гарбачова, Л.Г.Гушчынская, В.Я.Мазура, К.У.Прэнц // Беларуская культура сёння: гадавы агляд. — Мн., 2004. — С. 176 — 209.
3. Мазура В.Я. Найбольш важныя падзеі сучаснага фестывальнага руху ў галіне прафесійнага тэатральнага мастацтва Беларусі: Стан, праблемы і тэндэнцыі развіцця (у кантэксце міжнароднага вопыту) / В.Я.Мазура // Актуальныя праблемы культуры і мастацтва. — Мн., 2004. — С. 34 — 63.
4. Попова В. Талант заметят: Молодёжь наших стран-соседей готовит новые проекты / В.Попова // Советская Белоруссия. — 2006. — 24 августа. (Союз.)
5. Специальный фонд Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодёжи // Информационный бюллетень. — Мн., 2005.
6. То же. — 2006.

Актуализация проблемы безопасности духовной культуры в российском обществе

*СЕРГЕЕВ Владимир Владимирович,
заместитель директора Московского
института социально-культурных
программ, кандидат социологических наук*

В последние годы трудно найти страну, которая бы переживала столь стремительные политические, экономические, социальные и культурные изменения, как Россия. В результате радикальных реформ в ней сложилась абсолютно новая культурная ситуация, которая не разрешила прежних противоречий, но добавила к ним новые, став ещё более уязвимой. Поэтому необходимость в её позитивной социально ориентированной трансформации чрезвычайно актуальна, что требует мировоззренческого, методологического обеспечения реформирования этой сферы жизнедеятельности общества.

Комплексное, исследовательское решение этих вопросов может способствовать совершенствованию общественной и государственной, художественной и иных типов деятельности. Это может способствовать и пока ещё плохо осуществляемой идее единства культуры и цивилизации.

С течением времени всё более становится ясным то, что выход из кризиса возможен только на основе отхода от старых способов мышления и устаревших или слепо заимствованных культурных идеологем — на базе современной методологии, организации социальных процессов, гуманистического мировоззрения, инновационных идей, сформированных с учётом новой реальности. Главная задача сегодня — сохранение самостоятельности и развитие многообразного единства российской культуры.

Забота о государственной и национальной безопасности является приоритетной для всех государств, следовательно, и для России, и культура — этот продукт интеллектуальной и вообще духовной деятельности — всегда будет основой в деле защиты интересов государства. Все выдающиеся деятели отечественной культуры были одновременно ответственными гражданами и патриотами своей страны и постоянно подчёркивали и отстаивали общенациональный и гражданский пафос культуры.

Современное состояние общественной жизни прямо диктует необходимость более углублённой связи между властью и культурой.

Такой связи, к сожалению, сейчас нет. Отсюда в значительной степени проистекает большинство проблем и негативных, асоциальных явлений в духовной культуре, которой придаётся исключительно прикладное, декоративное значение. Понятие «духовная культура» по содержанию в интерпретации политиков, государственных чиновников сужается до различных жанров искусства, сводится к развлечениям, организации досуга, в то время как духовная культура — предтеча и духовный исток культуры материальной, всего человеческого бытия. Это то, что отличает человека от животного.

В настоящее время сохранение и обеспечение безопасности духовной культуры — необходимое условие, позволяющее России и её народам отстоять основополагающие принципы, нормы, традиции, уклад, национальное самосознание и культурную самобытность, культурную самоидентификацию, складывавшиеся на всём долгом пути их исторического развития. За годы социальных, политических и экологических трансформаций Россия утратила в значительной степени многое из своего культурного достояния, изменились ценностные ориентиры её граждан и прежде всего подрастающих поколений, претерпели изменения международные и внутренние информационно-культурные связи, национальные, традиционные культуры народов России испытывают жёсткий прессинг извне масс-культуры, разрушающей духовный мир человека и традиционные культурные ценности. Некогда целостное российское культурное пространство распадается на отдельные, всё менее связанные в культурном отношении сегменты, не объединённые, как прежде, общими ценностями, нормами, а зачастую противостоящие, противоборствующие в культурном, духовном смысле друг другу.

Политические, экологические неудачи, торможение процессов демократизации, государственного строительства — всё это напрямую связано с кризисом духовной культуры, которая является базисным целостным явлением, обеспечивает сохранение и единство нации, передачу духовных ценностей от поколения к поколению, охраняет нацию от внешних культурных, духовных, информационных угроз, в то время как духовная, информационная, культурная сфера всё более становится театром глобального противоборства.

Именно поэтому в современном научном знании культуре отводится решающая роль не только в социально-экономическом развитии общества, но и в формировании новой гуманитарной парадигмы XXI века, ориентированной на наукообеспечение и безопасность России.¹

«Духовная безопасность любого общества непосредственно определена состоянием и условиями его устойчивой жизнедеятельно-

сти, которая обеспечивает сохранение и защиту нравственного и социокультурного потенциала того или иного народа, опирающегося на свои традиционные устои и идеалы. Девальвация традиционных духовных основ способствует усилению напряжённости на разных уровнях социокультурных отношений в социуме, что является основным фактором, способствующим возникновению и развитию деструктивных начал во всех сферах общественной жизни. Возникновение феномена безопасности связано с политикой осмысления опасностей, угроз, рисков и вызовов для жизни человека, функционирования семьи, общества, государства».²

Гибель государства и разложение нации, как показывает история, всегда связаны с разрушением основ культуры и духовности, внедрением ложных и грубых идей, уничтожением моральных принципов, подменой ценностей, что лишает возможности формировать адекватный ответ историческим и геополитическим вызовам, обеспечить безопасность не только духовную и культурную, но и военную. В условиях мирового духовного кризиса возрастание целого комплекса глобальных проблем — культурная составляющая активно ведущейся борьбы за передел мира — всё более приобретает военно-стратегический характер.

Обеспечение духовной, культурной безопасности является приоритетной задачей, так как состояние культуры выражает моральный дух нации, её способность отвечать на исторические вызовы времени.

Сегодня духовную угрозу информационно-культурному пространству России представляет целый ряд факторов, среди них: интенсивные модернизационные процессы, некритичное заимствование извне и насильственное внедрение экономических, политических и культурных моделей, разрушение базовых ценностей христианской культуры и экспансия нетрадиционных религий, манипулирование с помощью СМИ общественным сознанием, целенаправленное навязывание асоциальных и противоправных эталонов поведения и стилей жизни и др.

«Современный духовно-нравственный кризис человека, протекающий в форме перманентной внутривидовой войны людей за выживание и человеческое развитие, — это не что иное, как системный кризис нашего видового развития. Этим кризисом охвачены не только каждый из нас, индивидов, составляющих систему уже мировых общественных отношений, но и сам способ организации жизни на всех уровнях её регуляции. Сердцевину этого кризиса образует кризис способа духовной и интеллектуальной организации как государственных и общественных структур управления, так и каждой чело-

веческой личности. Именно поэтому проблемы общественной безопасности обступают нас со всех сторон и в различных аспектах, а мы вынуждены их решать буквально по всем параметрам обеспечения своего существования и развития. Рассмотрение безопасности общества через призму духовной культуры позволяет выявить не только различные комплексы социокультурных взаимосвязей и даёт возможность воссоздать целостную картину общественного развития, но и помогает объяснить многие противоречивые процессы в современной социальной и духовной жизни России. В связи с этим духовная, культурная безопасность является особым предметом, которым пора серьёзно озаботить наше общественное сознание. Нам необходимо найти спасительные для разума пути преодоления системного кризиса».³

Исследование процессов развития мировой культуры и культур разных народов ведётся уже на протяжении 300 лет. Однако и сегодня знания в этой важнейшей для развития человечества области разрознены, исследования философов, социологов, культурологов, искусствоведов трудносопоставимы. Такая же ситуация и с исследованием российской культуры, которая является основой развития общественных процессов и во многом, иногда в решающей степени, зависит от состояния коллективной памяти общества, которая и задаёт определённые стандарты миропонимания. Однако эти стандарты изменяются под воздействием множества различных факторов, и в зависимости от этого одни и те же события прошлого, а в связи с этим и настоящего воспринимаются по-разному, часто получая совершенно противоположные оценки и толкования. Современная российская культура в целом и культура отдельной личности в решающей степени зависят от того, какие культурные артефакты и образцы предлагают им средства массовой информации и коммуникаций, какие политические, экономические, культурные и прочие цели и задачи при этом ставят они перед собой.

«Архетипы культуры — это своего рода ДНК любой нации, сосредоточившие в себе потенциалы, всевозможные направления, формы и характер продуктов культуры и даже её будущую гибель. Гипотетически архетипы определяют самобытность той или иной новой культуры, разрушение их ведёт к деформациям в устройстве общества, к возникновению и развитию кризисных ситуаций, которые могут привести к различного рода негативным последствиям».⁴

Процесс утраты культурных традиций в России, о чём мы нынче так много говорим и пишем, начался не сегодня, а без малого 100 лет назад как закономерное последствие октябрьского переворота

1917 г. в связи с необходимостью новой власти обосновать и утвердить новую идеологию, оправдать те потрясения и потери, которые она принесла миллионам людей. Практически большая часть истории и культуры была перечёркнута и фальсифицирована. Строительство «нового мира» осуществлялось на руинах многовековой российской истории. В ходе становления новой культуры Советской России одновременно шла выборочная реставрация культуры старой, того, что могло «работать» в интересах новой идеологии, нового государства и новой власти. Во время второго переворота, спустя 80 лет, осуществлялись те же принципы, реализовывались и реализуются по сей день те же модели переоценки ценностей, формирования общественного мнения и общественных запросов в сфере культуры, только в соответствии с современной ситуацией в России и в мире на смену «пролеткульту» пришёл, точнее, был введён, «масскульт», выполняющий те же, что и 100 лет назад, задачи — мобилизацию масс, осуществление новых идей всё тех же исторических персонажей. И снова, как тысячелетие, так и столетие назад, культурное наследие стало обузой, помехой в реализации многих из этих идей, а значит, его нужно либо отбросить, забыть, либо изменить, фальсифицировать, подстроить для обоснования новых идеологем.

Сегодня всё чаще раздаются голоса о кризисе культуры в России, разрушении культурных основ всей народной жизни. Объясняется это обычно экономическими проблемами, нехваткой бюджетных средств. На самом же деле кризис культуры всегда связан с духовными основаниями, кризисом духовности.

«Культурный проект» младодемократов заключался в тотальном отрицании всего накопленного многонациональной культурой российского, а затем советского государства, высмеиванием традиций, народной культуры, русской и советской классики. Взамен этого народу, прежде всего молодёжи, был предложен суррогат западной масс-культуры в области литературы, музыки, кино, театра. Цель была достигнута. За годы реформ выросло поколение, оторванное от своих корней, — «поколение «пепси» с расщеплённым сознанием, с утраченными ориентирами, бездуховными целями, путающееся в представлении о добре и зле. Культурная «шоковая терапия» нанесла ущерб людям гораздо больший, чем экономическая, привела общество к взрыву насилия и преступности, росту числа самоубийств, пьянства, наркомании, бродяжничества, сексуальной распущенности, девальвации института семьи и брака. Диссидентствующая интеллигенция сумела навязать всему народу диссидентскую культуру, отвращающую его от культуры национальной, глубинной, подлинной. Главенствующей

щим принципом вестернизированной масс-культуры, предлагаемой вот уже два десятка лет россиянам, стала пропаганда вульгарного социал-дарвинизма, где человек человеку уже не «друг, товарищ и брат», а «человек человеку волк». От идеи и принципов соборности, которыми традиционно питалось на протяжении многих веков российское самосознание, общество, человека толкнули к поступкам крайнего индивидуализма и эгоизма. А.Амосов в своей программной статье «Моё мировоззрение», опубликованной в академическом журнале «Вопросы философии», пишет: «Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству... За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За личность и свободу — её сильное меньшинство. Но прогресс общества определяет сильных, эксплуатирующих слабых».

Вот в чём главная причина кризиса культуры, вот откуда исходят угрозы для её безопасности и духовной безопасности личности — в утверждении и пестовании зверя в человеке. Реформаторы 90-х направили средства культуры на уничтожение человеческого в человеке, уничтожение таких исконно высоких понятий, как любовь, верность, долг, честь, истина, правда, добродетель, на которых держатся семья, род, отечество, государство. Преодоление кризиса культуры возможно лишь через возврат государства и творческой интеллигенции к исконно духовным ценностям российской культуры и духовности, к бережному восстановлению и глубинных пластов.

США первыми в мире создали мощную индустрию масс-культуры, в потребление которой втягивается всё большее число, миллиарды людей во всех странах мира. Дошла очередь и до России. Обладая высокими техническими возможностями, масс-культура выносит на рынок упакованный в привлекательную обёртку некачественный и вредный продукт, идеологическое содержание которого целенаправленно принижает человека, делает его мышление инфантильным и сильно повышает его восприимчивость к внушению. Масс-культура — это не культура, демократически ориентированная на народ, это культура безумной толпы, готовой безропотно и бездумно следовать любому поводу. Воздействие масс-культуры неизмеримо выросло в связи с развитием масс-медийных коммуникаций. В наше время толпу могут составлять одинокие люди, сидящие перед телевизором, у радиоприёмника, пользователи Интернета, кинозрители, читатели газет и журналов с миллионными тиражами. Их объединяет один ведущий ими рок-кумир, или автор, или киносюжет... Ле Бон в своё время писал: «Тысячи индивидов, отдельных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под

влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого национального события и приобретать, таким образом, все черты одухотворённой толпы... Целый народ под действием известных влияний иногда становится толпой, не представляя при этом собрания в собственном смысле этого слова».

Такое явление мы имеем возможность наблюдать сегодня в России, когда миллионы людей одновременно, постоянно и систематично подвержены воздействию масс-культуры, представляя собой виртуальную толпу, которая не на площади, не на стадионе, а дома, перед телевизором, но функционирует по тем же законам и подвержена такому же безраздельному влиянию ведущего программы (актёра, политика, режиссёра и т.д.), как и человек, сидящий на стадионе и впадающий в стресс под воздействием пассивов Кашпировского.

Французский социолог А.Моль полагает, что с появлением масс-медиа прежнее культурное достояние общества или индивида утрачивает своё значение. Даже базовая система образования, принятая в обществе, также перестаёт играть прежнюю роль. Для молодого человека сегодня гораздо большее значение имеет не сумма знаний, получаемых в семье, школе или колледже, а то, что он услышит по радио, увидит по телевизору или в кино, прочтёт в афише или газете, узнает из разговора с сослуживцами или соседями. В результате прежняя более или менее целостная система знаний и ценностей заменяется набором переменчивых установок, на которые постоянно воздействуют масс-медиа.⁵

Если прежде в процессе познания мира человек опирался на собственные коммуникативные средства (глаза, уши, обоняние, осязание) и возможности, то сегодня в большинстве своём он получает субъективно переработанную, препарированную и идеологически заданную вторичную информацию, попадая в зависимость от коммуникатора.

Сложившиеся в современном мире геополитические балансы зачастую делают применение силы при решении политических вопросов неприемлемым. В связи с этим предпочтение отдаётся разработке средств и методов манипулятивного (психического, физического и психологического) воздействия, суть которых заключается в систематическом воздействии на психику отдельного человека и общества в целом с целью доведения её до такого состояния, когда частично или полностью утрачивается способность к самостоятельному осмыслению действительности, тех или иных процессов, событий.

Наиболее «благодатная», продуктивная сфера для осуществления психологических, психических манипуляций — сфера духовной куль-

туры, искусства, когда личность, группа духовно обнажается, оказывается безоружной, создавая наиболее благоприятные условия для программирования мнений, устремлений, поведения, необходимых тем, кто владеет средствами манипуляции (кино, театр, концертная программа, литература и т.п.). Манипуляция — это всегда психологическое насилие, поэтому важнейшим условием является то, что цель воздействия не должна быть осознана объектом воздействия. А целью всегда является подчинение — политическое, экономическое, военное или духовное. Воздействие на массовую аудиторию манипуляторы осуществляют, как правило, через посредников (режиссёров, актёров, дикторов, писателей, музыкантов) с использованием целого арсенала коммуникативных технологий, оказывающих влияние на все органы чувств человека.

Сильные государства для увеличения своего влияния, авторитета, достижения тех или иных интересов системно, с использованием манипулятивных технологий внедряют свои культурные идеалы, образцы, принципы среди граждан других стран, что в конечном итоге ведёт, с одной стороны, к установлению духовной, культурной, моральной и нравственной зависимости, с другой — способствует разрушению традиционных духовных, культурных нормативов, приводит к деградации национальной культуры, индивидуального и общественного сознания. Примерами могут служить активная и продолжающаяся десятилетиями культурная экспансия США в странах Европы и Азии, завоевание ими всё новых «территорий культуры» в России. Это и выводит личность в систему более примитивных реакций. Человек преобразуется из представителя определённой социальной группы в составную часть манипулируемой толпы. Биологическое, эмоциональное в нём выходит на передний план по отношению к социальному и рациональному. Подобное воздействие в рамках культурного пространства, где инструментом выступает творчество, произведение искусства, имеет своей целью отнюдь не абстрактную данность, трансляцию некоего сюжета, оно направлено на формирование у личности конкретных представлений и оценок, заданной модели мира. Генерал Л.Макензи, возглавлявший контингент сил ООН в Боснии, утверждал, что «восприятие является более убеждающим, чем сама реальность».

По Р.Мертону, формированию психологии толпы способствует мифологизация общественных отношений, которая маскирует причинно-следственные связи и делает мышление суеверным, а значит, восприимчивым к внушению. В России на фоне депрессии практически во всех отраслях хозяйственной жизни стремительными тем-

пами формируется индустрия масс-культуры. Располагая самыми современными технологиями и техническими средствами, она овладевает вниманием миллионов людей. Будучи внешне очень привлекательными и легко воспринимаемыми, поделки масс-культуры своим содержанием уводят человека из реальной действительности в иллюзорный мир, повышая его внушаемость и управляемость.

Любой культурной экспансии, в том числе экспансии масс-культуры свойственна общая характерная черта — стремление добиться осуществления определённых целей посредством прямого или косвенного воздействия на сознание людей, вызвать изменение взглядов, шкалы ценностей, «эрозию духовности». Для осуществления подобного воздействия может применяться целый арсенал средств. Поведение людей опосредовано их сознанием, поэтому специфика масс-культурной экспансии заключается в том, что она в конечном итоге ориентирована на провоцирование определённых негативных духовных, культурных, идеологических, политических и экономических последствий.

Культурная экспансия всегда усиливается в периоды кризисов межнационального или национального масштаба и является одной из форм агрессии, психологической войны. По демографическим признакам контркультурные акции направлены на различные слои населения по возрастным и социальным категориям, например молодёжь, пенсионеры, рабочие, крестьяне, интеллигенция и т.п. В сложившейся в России ситуации, в условиях неподготовленности к информационным, культурным угрозам культурная экспансия приобрела существенно новый по сравнению с советским периодом характер, из эпизодических явлений превратившись в постоянный компонент политического, экономического и духовного противоречия. Многолетний опыт показывает, что культурная экспансия осуществляется не посредством каких-то разрозненных акций, а планомерно и последовательно, в ходе неё реализуется множество различных по целям и задачам кампаний, объединённых одной направленностью.

В наше время воздействие масс-культуры на человека стало намного разнообразнее, действенным и изощёренным в связи с созданием новых технологий управления массами людей. Специфика масс-культурных манипуляций заключается в том, что они совершаются для достижения конкретных целей, скрытых от объекта воздействия. В настоящее время в сфере масс-культуры активно развиваются манипуляции с использованием ПСИ-технологий воздействия непосредственно на подсознание человека, основанных на кодировании и внушении. Внушаемая информация внешне незаметно вкрап-

ляется в контекст (сюжет) драматического, литературного произведения, текст песни, содержание рекламы и таким образом неявно, но прочно внедряется в подсознание аудитории. Такой метод гораздо эффективнее прямой пропаганды или агитации и существенно расширяет диапазоны манипулятивных возможностей. Характерная особенность манипуляции заключается в том, что она погружает человека в некую ирреальность, в которой он и осуществляет свой выбор целей, ценностей, путей и т.п., не осознавая несамостоятельности принятого решения, того, что следует воле манипулятора.

Масс-культура изначально существует и развивается в целях мифологизации действительности, духовного, а значит, и физического подчинения толпы, она представляет собой целую индустрию иллюзорного сознания.⁶

Для прочного внедрения социальных мифов в сознание как можно большего числа людей манипуляторы используют обширный набор средств воздействия. Сюда входят и подтасовка фактов, и замалчивание или искажение достоверной информации, или откровенная ложь и наклеивание ложных ярлыков и др. Параметры манипуляций определяются, исходя из состояния массового сознания, представлений сложившихся стереотипов, ожиданий, неудовлетворённости теми или иными сторонами жизни, психологических особенностей аудитории. Основными условиями эффективности проводимых масс-культурных манипуляций являются: конкретность целей и задач, предварительное исследование аудитории и её последующий постоянный мониторинг, незаметность воздействия для объекта манипулирования, знание и использование социальных особенностей объекта, мастерство манипулятора.

Масс-культура искажает язык, обедняет его, засоряет заимствованиями, вульгаризмами, арготизмами и как следствие искажает процесс мышления, обедняет чувства, лишая человека и общество духовной составляющей. Сегодня с полным правом можно сказать: русский язык более заражён американизмами, тюремной лексикой, разного рода провинциализмами. Ненормативную лексику сегодня можно услышать по радио из уст политиков и журналистов, работников культуры и образования.

Оскудение языка средств массовой информации стало характеристикой, приметой времени. В журналистику пришли люди, не только не имеющие специального образования и опыта работы, но зачастую просто неграмотные. Отсутствие былых качеств современная пишущая братия стремится заменить (и успешно это делает) развязностью, цинизмом, употреблением ненормативной лексики. Та-

ким образом, у читателей, слушателей, зрителей стираются грани в понимании того, что «хорошо», а что «плохо», что подлежит осуждению, а что — поощрению, стимулированию. Утрачено понимание приличия, целесообразности, соразмерности, уместности употребления тех или иных пластов лексики. Всё это чревато самыми серьёзными последствиями для общества: падением общей грамотности, уровня интеллекта, деградацией языка и культуры в целом.

Важнейшим условием устранения психологической защиты от манипуляции сознанием средствами СМИ и масс-культуры стало разрушение традиционной морали. Через устранение понятия морали и греха масс-культура открыла широкую дорогу пороку, превратив его в одно из средств манипуляции общественным сознанием. Разрушение морали способствовало размыванию культурных основ, что согласно теории А.Грамши необходимо для подрыва гегемонии «тирана» и установления гегемонии «манипулятора».

Главная функция масс-культуры состоит в превращении граждан в толпу, отливая умы в единообразные, стандартные формы и обезпечивая каждой человеческой единице соответствие заданной модели. Толпообразующие действия масс-культуры достигают межконтинентального размаха, создавая единую сеть, которой накрывается вся масса людей, не способных противостоять этим тотальным манипуляциям. Под воздействием масс-культуры личность и общество постепенно утрачивают нравственные ориентиры, перестают различать, где кончается добро и начинается зло, происходит не замена одних ценностей другими, столь же духовными, гуманистичными и возвышенными, а разрушение всей системы ценностей, их релятивизация, в результате чего личность и общество утрачивают представление о морали.

Для достижения этих целей масс-культура изначально формирует в обществе спрос на аморальность, а затем, объясняя, что «спрос вызывает предложение», развивает мощную «индустрию аморальности», удовлетворяющую этот все возрастающий спрос. С самого начала идеологом аморального, антикультурного в культуре всегда является именующая себя «прогрессивной», а на самом деле бесталанная, вследствие этого непризнанная и как результат диссидентствующая часть творческой интеллигенции, которая стремится через эпатаж, отрицание законов и традиций культурного развития получить известность. В итоге её интенсивной и скандальной деятельности аморальная антикультура из «элитного» подполья выплёскивается на простор масс-культуры, в качестве реванша вытесняя подлинную культуру на задворки общественного бытия.

Когда-то, до развития средств массовых коммуникаций, аморальность была «достоянием» узкого круга «элиты», сегодня же в связи с техническими достижениями в этой сфере аморальный продукт массовой культуры доходит до каждого благодаря и вопреки его воле. Обычно этот «джин выпускается из бутылки» в сложные периоды развития государства и общества — войны, экономических трудностей, социальных конфликтов, передела власти и материальных ресурсов и т.п. с целью отвлечения масс от актуальных проблем современности, их зомбирования, расширения манипулятивных возможностей власть предержащих внутри страны или же с целью завоевания тех или иных позиций извне. Ярким примером выплеска аморального в масс-культуре являются навязанная российским подросткам и молодёжи сексуальная революция, мутные потоки порноподелок в литературе, театре, кино, видео, эстраде, бесчисленных ток-шоу на телевидении и в СМИ, смывшие национальные исторические, культурные, духовные традиции в этой области, развратившие и поломавшие судьбы миллионам детей, подростков и молодых людей, разрушающие институт семьи и брака, сыгравшие зловещую роль в провоцировании демографической катастрофы в стране. На сегодняшний день ни в одной стране мира нет подобной России ситуации, когда сфера порнографии, проституции, сексуальной (физической и духовной) эксплуатации детей и подростков практически находится вне контроля государства и организаторы этой сферы, получающие баснословную прибыль на преступлении, остаются безнаказанными.

Одним из приёмов масс-культуры является «захват» аудитории для овладения её сознанием. Цель данного приёма заставляет аудиторию поверить любой, самой абсурдной информации, предлагаемой манипулятором. Для этого прежде всего необходимо установить контакт с аудиторией, затем создать атмосферу доверительных отношений. Таким образом достигается эффект присоединения адресата к коммуникатору. Так обозначается контакт, который в силу положительного отношения адресата к коммуникатору имеет тенденцию самому по себе поддерживаться, длиться сколь угодно долго. Приём «захвата» аудитории в обязательном порядке используется при производстве телесериалов, ток-шоу, в театре и на эстраде, когда ведущий, актёр обращается к залу, вступает в диалог с кем-то из зрителей, спускается со сцены, садится в зрительный ряд или, наоборот, кто-то из зрителей выводится на сцену и участвует в действии.

Масс-культура уверенной поступью шествует по миру, захватывая все новые территории и забирая в свой плен миллионы, миллиарды людей. В начале XXI века человечество оказалось перед выбо-

ром: не сопротивляясь сдаться на милость победителя, приняв новую, изощрённую форму рабства, оказавшись под игмом масс-информации и масс-культуры, или воспротивиться этому, отказавшись от его усыпляющего и оглуляющего воздействия. Если россияне не хотят стать манипулируемыми, лишёнными души роботами, необходимо всем миром воспротивиться, восстать против этих тайных и явных манипуляторов, цель которых — превратить общество в толпу, стадо, послушно следующее рожку или хлысту пастуха. Для этого нужно учиться видеть опасность, распознавать любые попытки манипулятивного воздействия, видеть, кто стоит за кулисами масс-культурного действия и какие цели преследует. Особо нужно уберечь от их разлагающего воздействия детей, подростков, молодёжь, не обретших ни житейского, ни культурного опыта и потому беззащитных перед орудиями масс-культуры. Нужно научиться бережно относиться к сохранению собственного «Я» и не позволять растворить его в безликой толпе. Следует понять, что масс-культура — прежде всего инструмент идеологической обработки общества, камуфлированный гримасами и ужимками исполнителей, не имеющих никакого отношения к культуре и высокому творчеству. А для этого нужно черпать живительные силы в истории родной земли, в её глубинной, многовековой культуре, в подлинном, реалистичном, отражающем и преобразующем реальную действительность искусстве.

Каждый должен отчётливо осознать, что великая держава, Советский Союз, был стёрт с лица земли именно этим, не новым, но доведённым до совершенства оружием — масс-медиа и масс-культурой, разрушившей бастионы российской духовности. Но их разрушительная работа ещё не завершена. Под массивированным обстрелом вся Россия и все россияне.

Эта экспансия имеет антигосударственный, антиобщественный, антигуманный характер. Её целью является через манипуляцию общественным и личностным сознанием достичь вполне конкретных результатов — примитивизации личности, социального нигилизма и максимальной управляемости многомиллионной массы людей.

Масс-культура преследует цели внедрения в сознание чуждой идеологии, ложных идеалов и ценностей, воспитывает пренебрежение к собственной стране и историко-культурным традициям, представляя угрозу культурной преемственности, разжигая межнациональный антагонизм. Её распространение снижает уровень культурных запросов, убивает стремление к образованию, просвещению, духовному совершенствованию.

Формирование культуры и функционирование масс-культуры в

кризисном обществе мало исследованы, актуальной задачей такого рода изысканий является применение комплексного подхода при анализе процессов в этой сфере. При их исследовании необходимо определять пути оптимизации и стимулирования развития наиболее ценных, жизненно важных элементов культуры, придавая особое значение использованию всей мощи национальных традиций. На всех уровнях политического и экономического государственного управления при принятии решений следует иметь в виду, что государственная и общественная значимость, эффективность культуры имеют не только духовный, но и политический, экономический характер, она сама выступает как оптимальный механизм управления всеми другими сферами жизнедеятельности общества. Именно поэтому, отмечает вице-мэр в Правительстве Москвы Л.И. Швецова, «государству следует проводить более активную культурную политику, отстаивая важные для общества приоритеты и ценности»⁷. Масс-культура является генетически модифицированным духовным продуктом, разработанным в лабораториях недоброжелателей человечества, и нужно чётко осознать, что его употребление губительно для духовного здоровья человека.

Обеспечение безопасности культуры предполагает адекватную реакцию государственных и общественных структур на реальные и потенциальные угрозы в этой области. Основные угрозы в сфере культуры заключаются в детализации базовых культурных и нравственных ценностей под воздействием масс-культуры, ведущей к деформации российской ментальности и утрате традиционной национальной культурной идентичности.

Исторически российская культура, ядром которой является непосредственно русская, сложилась как культура многонациональная, как синтез многих культур. Даже в процессе перехода к рыночным отношениям в связи с ростом социальной конкуренции и обострением социальных противоречий происходит своеобразная атомизация общества, ведущая к усилению культурного обособления, ослаблению культурного взаимопонимания и культурного сотрудничества разных национально-этнических образований. Отрицательное влияние оказывают усилившиеся в последние десятилетия националистические и сепаратистские тенденции в ряде регионов страны, особенно на Северном Кавказе, что получает специфическое отражение в общественной и культурной жизни.

Отрицательно влияют на состояние культурной сферы культурная экспансия из-за рубежа, пропаганда средствами масс-культуры чуждых российской ментальности норм поведения и чувствования. Ин-

дивидуализм, эгоизм, ксенофобия, нигилизм, бездуховность, сексуальная распущенность усиливают процессы маргинализации российских граждан, прежде всего жителей больших городов, мегаполисов, снижая уровень их социальной солидарности, отрицательно воздействуя на состояние нравственного и функционального здоровья людей. В этой связи следует подчеркнуть деструктивную роль СМИ, насаждающих нравственную вседозволенность, пошлость и примитивизм масс-культуры.

Назрела необходимость разработки системы социальных показателей состояния культурной сферы Москвы, позволяющих измерить степень удовлетворённости культурных потребностей различных групп населения (в первую очередь молодёжи), их культурно-нравственную ориентацию, степень распространения в разных социальных группах негативных установок и стандартов поведения, причин и факторов девиантного поведения.

Мониторинг общественного мнения и мнений экспертов исследований по проблемам культурной безопасности, экологии сознания, духовности и культуры в условиях развития рыночных отношений и глобализации культурных процессов позволит повысить эффективность государственной политики в этой сфере. От фиксации и оценок процессов в сфере духовной культуры пришло время перейти к формированию государственной системы, способной регулировать процессы в этой сфере, эффективно противодействовать экспансии масс-культуры, моральному, нравственному, культурному разложению нации. Добиться кардинальных позитивных перемен в сфере развития духовной культуры на современном этапе невозможно без повышения роли науки, разработки и реализации научно обоснованной концепции развития российской культуры.

¹ См.: Кузнецов В.Н. Российская идеология 21. — М., 2004. — С.346 — 347.

² В и к т о р о в А.Ш. Духовная безопасность российской цивилизации. — М., 2005. — С. 11.

³ Б о б р о в В.А. О состоянии духовной революции в России // Открытая научная ассоциация «Ноосфера». — <http://noosferaby.ru>

⁴ В и к т о р о в А.Ш. Духовная безопасность российской цивилизации. — М., 2005. — С. 22.

⁵ См.: М о л ь А. Социодинамика культуры. — М., 1973.

⁶ Ш л л е р Г. Манипуляторы сознанием. — М., 1980. — С. 25 — 40.

⁷ <http://www.rg.ru / 2006/07/05/ socpolitika.html>

Культурное пространство союзного государства: позитивные тенденции развития

*САВЕЛЬЕВ Виктор Васильевич,
профессор кафедры философии
Российской академии государственной
службы при Президенте Российской
Федерации, доктор философских наук,
заслуженный работник культуры РФ*

В конфедеративном Союзном государстве создаются оптимальные условия для объединения федеративной России (в которой доля русских, по переписи 2002 года, составляет 79,8%, а доля белорусов — 0,6%, или 815 тыс. человек) и унитарной Республики Беларусь (где доля белорусов, по переписи 1999 года, — 81,2%, а русских — 11,4%). Сегодня известны его территориальные границы на евразийском пространстве, возрастает уровень экономического сотрудничества, определяется характер политических взаимоотношений, вырабатывается стратегическая линия развития культурной жизни. Суть этой линии — переход от разнообразия национальных по форме культур, функционировавших в советские годы через амальгамное единство, *к целостности через разнообразие*. Именно такая стратегия в общесоциальной политике, как свидетельствует мировой опыт, обобщённый в 2-х всемирных докладах о культуре ЮНЕСКО (1998 и 2002 гг.) и в докладе ООН о развитии человека (2004 г.), способна привести к ощутимым положительным результатам в культурной жизни.¹

Начало движения к разнообразию в культуре приходится на период распада СССР, когда в фарватере перестроенного процесса осуществлялась децентрализация системы управления в области культуры. Децентрализация способствовала расширению круга субъектов культурного программирования, согласованию их интересов и решаемых задач, соизмерению целей и желаний с имеющимися ресурсами и возможностями.

Одним из пионеров децентрализационного реформирования выступил Временный научно-исследовательский коллектив Управления культуры Тверского облисполкома, предпринявший в 1990 г. попытку разработки концепции региональной культурной политики. Спустя два года по инициативе Министерства культуры России специа-

листы в области социокультурного проектирования создали экспериментальные программы по сохранению и развитию культуры малых исторических городов (Дмитров, Зарайск, Звенигород, Кимры, старая Ладога, Мышкин, Старица, Тихвин). С 1993 г. практика программирования была перенесена на уровень субъектов Федерации — в Архангельскую, Смоленскую, Псковскую, Рязанскую области, Республику Алтай и т.д., где под руководством учёных из Москвы и экспертов Министерства культуры создавались комплексные программы развития сферы культуры.

В этот период регионы часто воспринимали программирование как отказ центральных властей финансировать государственную сеть учреждений культуры, а также стремление центра заставить регионы брать на себя ответственность, к которой они в должной мере не были готовы.

Однако ситуация постепенно изменялась, и во второй половине 90-х годов наряду с децентрализацией по линии «Федеральный центр — регион» возникает программирование по вектору «регион — местное самоуправление», что свидетельствует о *зарождении тенденции перехода от тоталитарно-централизованной к демократически-полицентричной государственной культурной политике.*

В русле этой тенденции осуществляется потенциальное превращение региональных центров в «столицы культурной жизни». Для необратимости данного процесса следует, на мой взгляд, решить весьма сложную аналитическую задачу: сохраняя сложившуюся федеральную модель организации культуры, определить сущность её муниципальной (местной) модели. Именно к решению этой задачи сегодня, когда в российской столице реализуется вторая, научно обоснованная комплексная программа развития культуры, предстоит более активно подключиться сотрудникам Московского института социально-культурных программ.² Аналогична ситуация и в Белоруссии, где программирование становится нормой для управленцев, осуществляющих регулирование культурного процесса в регионах и на местном уровне.

В России общефедеральная модель представляет собой систему духовного производства, ядром которой являются наиболее значимые этнонациональные ценности. Муниципальная модель косвенно связана с ними, но главное в ней — повседневная жизнедеятельность людей, их межличностные отношения во внерабочее время, прямой обмен знаниями и жизненным опытом. Ее сверхзадача, как показывает опыт последних 15 лет, состоит в возрождении того этнокультурного иммунитета, который существенно ослаб в годы доминиро-

вания социалистической культуры. Комплексным критерием эффективности муниципальной культурной политики является самосохранение локальных сообществ, их способность адаптироваться к происходящей социальной, хозяйственно-экономической и общественно-политической трансформации общества.

Процесс регионализации федеративной политики в первую очередь призван преодолеть чрезмерную стандартизацию и унификацию культурной жизнедеятельности, которая была присуща системе духовного производства в советский период.

По моему мнению, подобное преодоление имеет два аспекта — горизонтальный и вертикальный. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Горизонтальный аспект — это выход сферы культуры из специфического трёхмерного формата: «социалистическая по *содержанию*, интернациональная по *духу*, национальная по *форме*». Особенность подобного формата состояла в том, что, с одной стороны, классово-социалистическое содержание, направляемое интернациональной идеологической установкой, определяло национальную форму, а с другой — именно форма как внешнее выражение содержания культуры, её облика, используемых средств была в этой триаде наиболее осязаемым, самоочевидным фактором, создававшим видимость приоритетного развития национальных культур.

На этом фоне вне зоны аналитической рефлексии оказывались негативные ассимиляционные процессы. Так, общество мало беспокоило угасание функционирования *родных языков* меньшинств, коренных малочисленных и даже титульных народов, являющихся основой и стержнем их этнонациональной культуры, а также пренебрежительное отношение к диалектам устной речи, придающим ей красочное разнообразие и связь с родным этноландшафтом. Эта проблема особенно остро касалась белорусского языка, который превратился в миноритарный в советской Белоруссии.³

Пропагандировавшаяся диалектика расцвета и сближения культур народов деформировалась. Содержащаяся в ней двусторонность движения переходила в метафизическую односторонность, при которой расцвет культур становился средством, а сближение — целью их развития, фатально ведущим национальные культуры, да и сами советские нации к слиянию.

Сегодня на роль ведущего принципа в культурной политике государства всё настойчивее выдвигается иной императив: *признание равного достоинства культур всех народов, укрепление целостности культурного пространства посредством создания равных усло-*

вий для их сохранения и развития. Сформулированный в ст. 6 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре», этот узловой принцип государственной культурной политики является одновременно ядром государственной национальной политики, цель которой двуединая: с одной стороны, это полноправное социальное и национально-культурное развитие каждого народа, а с другой — упрочение гражданской и духовно-нравственной общности людей.

На мой взгляд, **сближение векторов культурной и национальной политик** является ещё одной современной тенденцией этнокультурной жизни россиян и белорусов. О её зарождении и развитии свидетельствует становление весьма важных для многокультурного и полиэтнического государства институтов — культурно-национальной и национально-культурной автономий, как это явственно происходит в России.

Первый из них (КНА) обрёл политическую легитимность благодаря принятию в ноябре 1992 г. «Основ законодательства Российской Федерации о культуре». Это важнейшее положение закона не получило своего развития в последующем региональном законодательстве, в котором желательно было отразить ответственность государства и местного самоуправления, их органов управления культурой за финансово-экономическую основу культурно-национальной автономии (т.е. законодательно установить принципы финансирования, собственность и имущество, вопросы конкретной финансовой поддержки КНА). Становление же второго из названных институтов (НКА) связано с реализацией Федерального закона «О национально-культурной автономии», действующего с июня 1996 г.⁴ При всей своей схожести эти автономии существенно отличаются друг от друга.

КНА — форма непосредственного осуществления индивидуальных прав личности через создание и функционирование коллективных этнокультурных центров, национальных общностей и землячеств, в которых создаются условия для свободной реализации своей культурной самобытности.

НКА представляет собой форму экстерриториального общественного самоопределения этнических общностей, посредством которой реализуется их коллективное право на представительство в консультативных советах (совещательных органах) при Правительстве Российской Федерации, органах исполнительной власти субъектов Федерации и органах местного самоуправления. Национально-культурные автономии, имеющие три уровня организации (федеральный, региональный и местный) и соответствующую иерархическую структуру, действуют в целях самостоятельного решения вопросов сохра-

нения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Они обладают правом создавать средства массовой информации.

Если КНА является элементом культурной подсистемы, то функции НКА значительно шире. Находясь одновременно в этнонациональном и культурном пространстве, но не имея прав выступать субъектами политической сферы, они располагают возможностью и действительно способны стать заметным фактором национально-культурной жизни, проявляющим свои политические симпатии и пристрастия в период избирательных кампаний.

Благодаря развитию системы культурно-национальной и национально-культурной автономий в России зарождается третья в порядке названия, но, по моему мнению, *лидирующая по своей общесоциальной значимости тенденция — деэтанатизации этнокультурной политики*, т.е. передачи части функций по этническому и культурному самоопределению народов в руки самих национальностей.⁵

Тенденция деэтанатизации имеет особую ценность для демократизации всех сторон социальной жизни граждан и становления гражданского общества. Реальные успехи зависят здесь от политической и финансовой поддержки федеральных и региональных государственных органов. Если в горизонтальном, культурно-национальном аспекте содержание и особенности этого процесса уже определились, то в аспекте вертикальном, «духовно-производственном» процесс деэтанатизации осуществляется весьма замедленно, ибо не пользуется должной поддержкой органов регулирования культурного процесса в субъектах Российской Федерации, а в перспективе — в региональных субъектах Союзного государства.

В этой связи заслуживает внимания создание региональных целевых Фондов стимулирования культурной деятельности. Суть их функционирования — поиск и поддержка местных культурных инициатив или полужабытых видов деятельности, уменьшение административных начал в культурной политике, когда её ориентиры определялись централизованно, планировались сверху, без учёта реальной ситуации, либо навязывались давлением со стороны, к которому прибегают политизированные лидеры или амбициозные кандидаты во властные структуры.

Свою лепту в осознание вертикального аспекта деэтанатизации должны вносить и специалисты-теоретики. С утверждением культурологии как учебной дисциплины в системе высшего и среднего профессионального образования в России и Белоруссии начался стремительный рост культурологической учебной литературы, качество

которой оставляет желать лучшего, ибо научно-аналитическая рефлексия развивается весьма медленно. Проблема дифференциации культурной политики, выделения в ней моделей федерального, регионального и местного уровней ещё не заняла в имеющихся публикациях достойного места.

Федеральная модель (духовное производство) опирается на аксиологический и деятельностный подходы в понимании культуры. Она общепризнанна и нашла отражение в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре». Проектирование же муниципальной модели, на мой взгляд, возможно при расширении общепризнанной научно-теоретической базы, включения в неё атрибутивного подхода.

Если при аксиологическом подходе дефинитором культуры являются ценности, а при деятельностном — созидательная, творческая деятельность, то при атрибутивном подходе — это жизнедеятельность, обладающая определёнными имманентными свойствами. Именно они позволяют отличать культурную жизнедеятельность от докультурной (на мегауровне), внекультурной (на макроуровне) и антикультурной (на микроуровне).

На мегауровне сфера культуры тождественна социосфере, достаточно жёстко встроенной в мир природы, состоящий из биосферы и космосферы. От их покорения и завоевания человечество как субъект культуры было вынуждено в конце XX века (в целях самосохранения) переходить к стратегии коэволюционного устойчивого развития. В этой связи имманентным свойством культуры и основополагающим императивом культурной политики становится *экологичность жизнедеятельности*, позволяющая социуму гармонизировать социокультурный процесс с природными процессами, не подвластными ему и протекающими по своим законам в био- и космосфере.

Переходя на макроуровень — от вселенского к планетарному курсу, мы «входим» в социосферу, которая предстаёт как система, состоящая из 3-х рядоположных подсистем: экономической, культурной и политической. Здесь имманентным свойством культуры и сердцевинным императивом культурной политики выступает *этноментальность жизнедеятельности людей*, т.е. оригинальность их жизненных установок и мировидения, стереотипов поведения и моделей переживания, унаследованная этническими общностями (народами) от предшествующих поколений. Они имеют достаточно локальные пассионарные начала, но детерминируются глобальным общесоциальным процессом.

На микроуровне, при экзистенциальном подходе, аналитик как бы оказывается внутри культуры, которая предстаёт как пространство гуманистичной жизнедеятельности, т.е. деятельности, во-первых, самостоятельной, во-вторых, активной, в-третьих, свободной и, в-четвёртых, творческой.

Взбираясь на первую из ступенек индивидуального культурного прогресса, а затем восходя по ним вверх, индивид входит в этнокультурное пространство, представляющее собой мозаичную конфигурацию нонсонансных, диссонансных и консонансных пространственно-энергетических полей. Они не только «достаются» нам от предшествующих поколений, но и пополняются, обогащаются современниками, обнаруживающими и реализующими (в меньшей или большей степени) собственные задатки и способности.

В этой связи имманентным свойством культуры и своеобразным вершинным императивом культурной политики является гуманистичность жизнедеятельности. В культурологии это свойство определяется как *самодеятельность*.

Если в федеральной модели в качестве ведущих культурных факторов выступают институты и учреждения, памятники и ценности, то в муниципальной модели они предстают как условия осуществления жизнедеятельности, как определённая культурная (в том числе культурно-бытовая) среда. В качестве же доминантного фактора может и должна рассматриваться, по моему мнению, *СЕМЬЯ*.

Будучи фундаментальным и древнейшим институтом культуры, именно семья обеспечивает, с одной стороны, ретрансляцию этничности, с другой — создаёт оптимальные условия для самостоятельной жизнедеятельности, и, наконец, именно семья заинтересована в возрождении и сохранении экологии бытовой и окружающей среды, поддержке физического и психического здоровья своих членов, особенно детей и молодёжи. Сегодня российская семья как негосударственный институт нуждается в деятельной поддержке со стороны муниципальных культуручреждений, индивидуально-рекреационный статус которых может и должен дополняться ориентацией на возрождение и поддержание семейно-досуговой культуры местного населения.

В предисловии к русскому изданию книги «Социология» один из патриархов современной американской социологии Н.Смелзер небезосновательно отмечает, что история Советского Союза содержит много попыток подавления семьи, религии и этнической общности. Поэтому возрождение семьи, оптимизация малого, среднего и большого круга семейной жизни относятся к числу социально значимых

проблем муниципальной культурной политики. В её содержание входит не только текущая корректировка деятельности культурных учреждений, доминирующее место среди которых ныне продолжают занимать клубы (особенно в системе сельского местного самоуправления), но и их превращение в потенциальные центры поддержки семейно-родственных и соседских связей, домохозяйств и фермерства.

Миграционные процессы последних лет, возрастание полиэтничности населения (как в мегаполисах, так и в мононациональных субъектах Федерации), новый характер межнациональных браков в условиях расширяющихся международных контактов (число которых будет увеличиваться по мере освоения иностранных языков) — всё это обостряет проблему этноментальных особенностей, которые определяются домашними праздниками и родственническими традициями, состоянием и развитием родных языков, художественных и бытовых этнокультур. В решении данной проблемы своё место должны занимать муниципальные учреждения культуры. Однако подготовка кадров для них хотя и несколько модернизировалась (от *культпросвета* и *культуртрегерства*, отличавшихся заидеологизированностью и ведомственной ограниченностью, к *социально-культурной деятельности*, безграничность масштабов и всепроницаемость которой ведут к универсализму и соответственно к снижению профессионализма), но остаётся без должной теоретико-методологической базы.

К сожалению, знакомство с кандидатскими и особенно докторскими диссертациями по прикладной культурологии, защищёнными в академиях и университетах культуры и искусств, показывает, что они не столько способствовали становлению нового, весьма актуального и перспективного направления культурознания, цель которого — теоретическое обоснование современной культурной политики, сколько его дискредитации.

Продолжающееся доминирование культурно-педагогической науки, недостаточное внимание к динамично развивающемуся социологическому знанию, теории национальных и федеративных отношений и в особенности к отечественной фундаментальной культурологии — таков далеко не полный перечень проблем, которые медленно решаются вузами культуры.

Центры семейно-бытовой культуры способны обращать внимание на локальные экологические условия, в каких живёт семья. Согласно последним научным гипотезам здоровье жителей как важнейший экологический показатель лишь на 8-12% определяется состоянием

медицинского обслуживания, а на 25% — экологическим состоянием среды.

Суть смены глобальной идеологии заключается прежде всего в преодолении идеологии прогрессивизма, которая вдохновляла западноевропейские нации-государства на протяжении всей индустриальной стадии их развития. Восходившие с последней трети XVIII века по пути промышленного, а затем и научно-технического подъёма, они стали лидерами антропоцентризма и агрессивного наступления на мир природы, а потому в конце XX века поставили человечество, следовавшее в их фарватере, перед реальностью экологической катастрофы и самоуничтожения. Весомую лепту в доминирование идеологии прогрессивизма внесло и Советское государство.

Сегодня социум весьма противоречиво и медленно начинает движение к идеологии *устойчивого коэволюционного соразвития* человеческого сообщества и мира природы. Она опирается на представления о пределах роста, на необходимость преодоления односторонности цивилизационных установок на материализм и технократизм, позитивизм и прагматизм, на соединение естественнонаучной рациональности с иными способами освоения мира, на реализацию сохраняющейся пока возможности гармонизации технико-экономического развития с требованиями экологического сдерживания и запрета.

Прогрессистские идеалы инновационности и оригинальности, рационализма и революционности должны заменяться идеалами стабильности и равновесия, плюрализма и коэволюционности, сердцевинной коих является принцип *разнообразия*, на который было обращено внимание в первом же абзаце настоящей статьи.

В естественных, особенно биологических, науках обязательность этого принципа для самосохранения биосферы аксиоматична. Применительно к устойчивости социосферы роль принципа разнообразия пусть и не является самоочевидной, но также имеет определяющий характер. Хотя человечество — это единый биологический вид, внутренне социум дифференцируется по целому ряду признаков — конфессиональных, языковых, цивилизационных и иных. Ведущим среди них, конечно же, является этническое разнообразие (глубины которого, по теории этногенеза Л.Н.Гумилёва, уходят в биохимическую энергетику). В количественном отношении оно существенно превосходит любой другой тип и вид внутрисоциумной сегментации.

Таким образом, поддержание этнического разнообразия жизни на местном уровне, первоочередная забота о семьях, которые в эт-

ническом отношении оказываются в меньшинстве (в том числе о семьях вынужденных мигрантов) — всё это входит в круг проблем дестатизации этнокультурной политики.

Передовой опыт современной региональной культурной политики является весьма перспективным. Именно в нём реализуется потребность того соединения федерального и муниципального программирования, которое, с одной стороны, представляет собой сущность регионализации культурного пространства Союзного государства, а с другой — придаёт оригинальность культурному программированию, позволяющему преодолевать унифицированность культурной жизни граждан России и Белоруссии.

Не снижение уровня этнонациональной субъектности культурной политики в российских республиках, автономных округах и автономной области, а **возрастание региональной субъектности в административно-территориальных образованиях** (т.е. в преимущественно русских по составу населения краях и областях) — такова, как мне кажется, ещё одна, позитивная, тенденция осуществления культурной политики в постсоветский период.

¹ См.: Культура, творчество и рынок // Всемирный доклад по культуре, 1998. — М.: Ладомир, 1998; Культурное многообразие: Конфликт и плюрализм // Всемирный доклад по культуре, 2000+. ЮНЕСКО, 2001. — М.: МАГИСТР-ПРЕСС, 2002; Культурная свобода в современном многообразном мире // Доклад о развитии человека, 2004. — М.: Весь Мир, 2004.

² См.: Городская целевая комплексная программа «Культура Москвы (2002 — 2004 гг.)». — М., 2002; Городская целевая комплексная программа «Культура Москвы (2005 — 2007 гг.)». — М., 2005.

³ О сложности и перспективах сохранения и придания мажоритарности белорусскому языку, а также важности развития белорусско-русского двуязычия пишут белорусские культурологи. См. подробнее в учебном пособии: Культурология / Под ред. С.В.Лапиной. — Минск: ТетраСистемс, 2003. — С.207 — 209, 222— 226.

Аналогичная тенденция миноритаризации родных языков затронула ряд народов Российской Федерации, если проследить индекс изменения русскоязычности, рассчитанный по таблицам о родном языке и языке домашнего общения, по данным переписи 1989 г. и микропереписи 1994 г. (опубликованы в кн.: Что нужно знать о народах России // Справочник для государственных служащих. — М., 1999. — С. 561 — 562, 568). Анализ показывает, что за этот период русскоязычность возросла у титульных народов Российской Федерации с 18,9 до 20,8%. Наибольший рост, а следовательно-

но, забвение родного языка, имели место у коряков (+ 31,9%), ненцев (+ 19,0%), чукчей (+ 9,9%) и мордвы (+ 9,3%). Позитивное уменьшение русскоязычности наблюдалось у эвенков (— 8,7%), алтайцев (— 3,9%), балкарцев (— 2,7%) и калмыков (— 2,0%). Стабильной была ситуация среди кумыков (— 0,1%), осетин (+ 0,1%), татар (— 0,1%) и тувинцев (+ 0,1%).

Ещё драматичнее этнокультурная ситуация у малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Если в 1989 г. индекс русскоязычности составлял 50,6%, то к 1994 г. он увеличился до 61,1 %. Наибольший рост русскоязычности наблюдался среди ороков (+ 45,8%, достиг 100,0 %), коряков (+ 31,9%), энцев (+ 30,3%) и кетов (+ 29,7%). Позитивное уменьшение русскоязычности происходило среди чуванцев (— 30,1), алеутов (— 15,7%), селькупов (— 11,0%), эвенков (— 8,7%) и эвенов (— 8,2%). Относительно стабильной была ситуация среди долган (— 1,3%), юкагиров (+ 1,3%), хантов (+ 1,7%) и нанайцев (— 2,6%) .

⁴ Именно на основании этого закона в августе 1999 года сформировалась и была зарегистрирована Федеральная национально-культурная автономия «Белорусы России».

⁵ Эта тенденция нередко обозначается как разгосударствление. Однако без поддержки и деятельного участия государственных органов в данном процессе успех едва ли возможен. Деэтизация — это в первую очередь деполитизация и в определённой мере разгосударствление. Лишь при условии утверждения гражданского общества разгосударствление реально станет доминирующим.

Православие как духовная общность в культурном пространстве России и Белоруссии

*МАРАР Ольга Ивановна,
доцент Воронежского государственного
технического университета,
кандидат исторических наук*

Распад Советского государства, союза народов, культур и конфессий стало сложнейшим испытанием системы ценностей, основанной на стремлении к добру и справедливости, уважению иной культуры, веротерпимости, духовным исканиям. Разрыв традиций совместного проживания, по мнению академика С.Н.Глазачева, отлаженных хозяйственных связей, единого социокультурного, образовательного, экологического пространства болезненно отразился на благополучии людей. Анализ материального и духовно-нравственного воспроизводства национальных человеческих популяций большинства вновь созданных государств приводит к выводу о негативных трансформациях во всех сферах социокультурного развития.

Так исторически сложилось, что народы России и Белоруссии на протяжении всей своей истории то сливались в единое государство, то разъединялись. Официальные источники утверждают, что в отличие от многих других республик бывшего Советского Союза в Белоруссии не было межэтнических конфликтов и в 1991 г. всем жителям Республики Беларусь было предоставлено гражданство независимо от их национальности и знания государственного языка. Более того, программа обучения в школах на языках этнических меньшинств — русском (1,3 млн. человек), польском (400 тыс.), украинском (250 тыс.), идиш (140 тыс.), татарском, литовском и других — обеспечивает права разных этнических групп.

Религия и свободомыслие, их взаимодействие, чаще всего исключают друг друга, на всех этапах истории оказывали серьёзное влияние на формирование личности, на весь уклад жизни. Именно религия и свободомыслие составляют в совокупности две основные традиции культуры наших братских народов. История религии в Белоруссии тесно связана с влиянием различных политических сил, которые управляли белорусскими землями. В X в. население Руси (в том числе радимичи и дреговичи, из которых позже образовались белорусы) было обращено в православие. После распада Киевской

Руси эти земли вошли в состав Литвы и Польши, объединение которых привело к союзному государству — Речи Посполитой в 1569 г. Православная церковь, представлявшая главную религию в Белоруссии, Брестской унией 1596 г. была преобразована в униатскую, сохранила византийский ритуал церковной службы, но приняла римско-католические догматы и власть папы. Разделы Польши в 1772, 1793 и 1795 гг. Россией, Пруссией и Австрией привели к включению белорусских земель в состав Российской Империи, что в свою очередь привело к ликвидации униатской церкви в 1839 г. На сегодняшний момент основными религиями в Белоруссии являются православие и католичество, причём православие исповедуют 70% верующих, а католики латинского обряда составляют 20%, католики греческого обряда (униаты) — 7% верующих.

За последнее столетие европейского развития, как отмечает Светлейший патриарх всея Руси Алексей II, на Западе быстрее, чем в России, вытесняется религиозная мотивация исканий, итогов на периферию человеческой активности. Религиозность всё более становилась и провозглашалась частным делом каждого отдельного гражданина. И надо заметить, что сегодня свобода вероисповедания закреплена в Конституции как России, так и Республики Беларусь. Но господство коммунистической идеологии на протяжении длительного времени привело к утрате духовно-нравственного понимания традиционной религии, приобщающей к величайшим памятникам духовной культуры, к исторической памяти народа. В конце XX столетия влияние религии и Церкви заметно возрастает, активизируется религиозная миссионерская деятельность из-за рубежа, появляется большое количество нетрадиционных неокультов.

В таблице показана динамика количественных изменений официально зарегистрированных религиозных общин на территории наших стран.

Однако, кроме зарегистрированных и указанных в таблице религиозных организаций, на территории Белоруссии действуют около 30 неокультов, среди них: «Агни-Йога», «Живая Этика», «Иерархия Света», «Ахмадийцы», «Аум Синрекё», «Учение Истины Аум», «Гуманная Земля Рейки», «Всемирный духовный университет Брахма Кумарис», «Богородичный центр», «Великое белое братство», «Юсмалос», «Всемирное белое братство», «Вуду», «Дети Бога», «Семья любви», Лига духовного возрождения «Санатана дхарма», Миссия Шри Рам Чандра, Общество единства духовных культур «Возрождение», «Сатанисты», «Сайентологическая церковь», «Дианетика», «Теософия», «Трансцендентная медитация», «Наука Творческого интеллекта», «Центр Шри Чинмоя» и др.

Таблица

№ п/п	Наименование конфессий и вероисповеданий в Белоруссии	Количество общин в году		
		1988	2001	2005
1	Белорусская православная церковь	370	1172	12214
2	Римско-католическая церковь	112	417	255
3	Старообрядческая церковь	22	34	285
4	Католики латинского обряда	–	2	–
5	Греко-католическая церковь	–	13	–
6	Реформаторская церковь	–	1	–
7	Лютеранская церковь	–	13	228
8	Евангельские христиане-баптисты	177	268	965
9	Совет церквей евангельских христиан-баптистов	28	29	–
10	Евангелисты	–	–	740
11	Христиане веры евангельской (пятидесятники)	69	470	1558
12	Христиане полного Евангелия	–	58	–
13	Адвентисты седьмого дня	13	48	652
14	Новоапостольская церковь	–	20	80
15	Церковь первых христиан	–	9	–
16	Церковь Христова	–	6	–
17	Мессианские общины	–	2	–
18	Свидетели Иеговы	–	26	408
19	Мормоны	–	3	53
20	Иудейская религия	8	22	284
21	Прогрессивный иудаизм	–	10	–
22	Мусульманская религия	1	24	3668
23	Бахаи	–	6	–
24	Оомото	–	1	–
25	Кришнаиты	–	7	78
26	Иоганская церковь	–	1	–
27	Христиане веры апостольской	–	9	–
28	Пресвитерианская церковь	–	–	187
29	Методистская церковь	–	–	115
30	Буддисты	–	–	197
31	Армянская апостольская церковь	–	–	68
32	Шамаисты, язычники	–	–	22
33	Церковь последнего завета	–	–	5
Итого:		800	2663	22518

На территории России также ведут свою деятельность следующие организации религиозного направления: «Общество Рамакришны — центр Веданты», «Искусство жизни», «Брахма Кумарис», «Общество ведической культуры», «Движение последователей Шри Чинмоя», «Сант Мат», «Живая Этика», «Агни-Йога», «Богородичный центр», «Сатанисты», «Движение последователей Ошо Раджниша», «Сахаджа-Йога», «Тантристы», «Трансцендентная медитация», «Дом хлеба», «Белое братство» и др.

Среди прочих проблем, связанных с вероисповеданием, наши народы объединяют следующие вопросы: основную массу верующих в наших братских странах составляют всё же православные христиане. И это вполне объяснимо, ведь православие как в России, так и в Белоруссии является традиционной религией. Надо признать, что прорелигиозные настроения активно эксплуатируются различными партиями, движениями и даже правительством, которое постепенно вводит религиозные праздники в светский государственный календарь, тем самым заставляя всех граждан если ещё не соблюдать церковные традиции, то хотя бы вспоминать о них. Всячески помогают в этом средства массовой информации. В результате религиозные взгляды закрепляются и усиливаются.

Так, 12 июня 2004 г. премьер-министр Республики Беларусь Геннадий Новицкий и Патриарший экзарх всея Беларуси, митрополит Минский и Слуцкий Филарет (Вахромеев) подписали соглашение между Православной церковью и Республикой Беларусь. Согласно положениям этого документа государство признаёт Православную церковь в качестве одного из важнейших социальных институтов, оказывающих существенное влияние на формирование духовных, культурных и национальных традиций страны. В свою очередь Церковь исходит из того, что государство выступает гарантом сохранения и преумножения этих традиций. Соглашением определяются приоритетные направления церковно-государственного сотрудничества: общественная нравственность, воспитание и образование, культура и творческая деятельность, охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, здравоохранение, социальное обеспечение, милосердие, благотворительность, поддержка института семьи, материнства и детства, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы, воспитательная, социальная и психологическая работа с военнослужащими, охрана окружающей среды.

Если, к примеру, в Союзном государстве православие станет государственной религией, принесёт ли это пользу нашим народам и

самой Православной церкви? Вопрос непростой. История показывает, что та или иная религия, занимая господствующее положение, а тем более став государственной, теряет свою самостоятельность и превращается в идеологический придаток государства. В результате она перестаёт выполнять свою главную функцию — удовлетворение религиозных духовных потребностей верующих. И её авторитет будет зависеть от авторитета правительства. Всё это приведёт к прямому нарушению Конституции, согласно которой в светском государстве все религии равны перед законом. Подобный шаг может способствовать разжиганию межконфессиональной вражды по религиозному признаку.

Количество религиозных общин не является достаточным показателем религиозности населения наших стран. Для анализа лучше всего воспользоваться социологическими данными. Важным показателем для определения религиозности является посещение религиозных служб. В Белоруссии 25,3% опрошенных не посещают их никогда и только 23,3% посещают несколько раз в году. А на вопрос «Как часто вы молитесь?», что для верующего считается обязательным, 32,9% опрошенных ответили: «Никогда». Ежедневно молятся только 16% опрошенных. Регулярно посещают богослужение 23,5% верующих, изредка — 61%, а 15,2% — никогда. Ещё меньше верующих участвуют в совершении обрядов и таинств. Регулярно это делают 20,9% верующих, изредка — 54%, а 25,1% — никогда. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что религиозными являются лишь не более 20% верующих, поскольку они в какой-то степени подтверждают свою веру культовой практикой и подчиняются нормам церковной дисциплины.

Из социологических исследований православных россиян, проводимых Л.Ипатовой в 2004 г., следует, что присутствуют на богослужениях один раз в неделю и чаще 3% россиян, причащаются несколько раз в год и чаще 4-5%, строго соблюдают пост 2,4%, самым важным в жизни считают исповедание своей религии 1,9%. Таким образом, приведённые данные позволяют утверждать, что группа лиц, живущих полноценной церковной жизнью, реально составляет около 3%, и это при том, что 81% россиян согласно опросам ВЦИОМ причисляют себя к православным и только 4-5% составляет доля приверженцев нехристианских верований.

Приведённые выше цифры позволяют говорить о том, что жители Республики Беларусь, как и жители России, подвержены религиозному влиянию и оценка важности религии в обществе и собственной жизни с каждым годом заметно возрастает. Широкий спектр пред-

ставленных религиозных направлений протестантского толка в Белоруссии и восточных направлений в России связано, видимо, с влиянием пограничных государств. Но главенствующее положение Православной церкви говорит о сохранении культурного исторического поля. Проводимые в 2002 г. опросы НИСЭПИ показывают, что наши народы близки по ценностным ориентирам, культурным традициям, социальным нормам. Хотя религия занимает лишь 5-е место в иерархии ценностей, россияне и белорусы очень высоко оценивают рейтинг Церкви (прежде всего православной) в современном обществе. Конечно, процесс слияния двух народов в единое союзное государство проходит медленно и не всегда гладко. Тем не менее наличие у россиян и белорусов сходных культурных ценностей и принадлежность к одной цивилизационной общности может значительно облегчить этот процесс.

Литература

1. Сосунова И.А., Титаренко Л.Г. Союз Беларуси и России: Мифы и реальность // Истоки единства: Проблемы воссоздания социально-экологического пространства России и Беларуси. — М., 2002. — С. 262 — 274.
2. Круглов А.А. Основы религиоведения. — Минск, 2002. — С. 11 — 20.
3. Ипатова Л. Православные женщины: Пути воцерковления // Устная история и биография. Женский взгляд. — М., 2004. — С. 153 — 177.
4. Дубин Б.В. Религиозная вера в России 90-х годов // Мониторинг общественного мнения. — 1999. — № 39 (1).
5. Сведения о религиозных организациях приведены по данным Министерства юстиции РФ на конец 2005 г.
6. Иваненко С.И. Индуистские религиозные и духовно-просветительские организации в России // Справочник. — М., 2004. — 200 с.

Экологическое воспитание для устойчивого развития¹

*СОСУНОВА Ирина Александровна,
руководитель Центра социально-
экологических исследований
НИА «Природные ресурсы»,
доктор социологических наук*

Актуальность проблемы экологического воспитания уже настолько очевидна, что не нуждается в детальных обоснованиях.

Сегодня, когда уже явно обозначились симптомы глобального экологического кризиса и стали реальностью кризисы региональные, человечество стоит перед проблемой мучительной «переоценки всех ценностей» в сфере взаимодействия общества и природы.

Российская Федерация, ещё не преодолевшая до конца социально-экономический кризис, да и другие страны постсоветского пространства особенно нуждаются в правильном выборе концепции развития. Очевидно, что в любом случае данная концепция должна носить экосоциальный характер, то есть рассматривать в едином комплексе социальное развитие общества, совершенствование технологического базиса производства и сохранение культурного наследия и окружающей природной среды. В настоящее время в качестве основы государственной стратегии России в области охраны окружающей среды принята Концепция устойчивого развития (Указы Президента Российской Федерации от 4 февраля 1994 г., от 1 апреля 1996 г.).

Хорошо известны положения этой концепции, сформулированной в достаточно законченном виде ещё на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г.

Упомянем лишь одно исключительно важное обстоятельство: принципиальной особенностью Концепции устойчивого развития является распространение деятельности по разрешению экологической проблемы не только (и не столько) на среду управления, но и на среду человеческого поведения в самом широком смысле этого слова.

Фактически речь идёт о необходимости качественных изменений в мотивационной, аксиологической, гностической, этической сферах личности, содержание которых в самой краткой форме можно

свести к следующему: переход к устойчивому развитию означает смену парадигмы развития общества, т.е. замену «технологического императива» «экологическим».

Для этого необходима революция в мировоззрении и духовной жизни как экономической, политической и интеллектуальной элиты общества, так и огромных масс населения.

Необходимость данной революции (пока во многом «революции сверху») не только осознана научным сообществом, но и властью. Например, основополагающий документ по проблемам безопасности — Концепция национальной безопасности Российской Федерации — относит к числу важнейших задач обеспечения национальной безопасности коренное улучшение экологической обстановки в стране. При этом угроза ухудшения в ней экологической ситуации и истощения её природных ресурсов связываются с низкой экологической культурой населения и специалистов.

Почему необходимо ставить вопрос именно так?

Прежде всего потому, что за любым процессом взаимодействия человека и природы, за любым шагом по развитию экономики стоит ценностный конфликт, на весах которого и для отдельных личностей, и для общества сравниваются ущерб, наносимый природе, и приращение в удовлетворении определённых потребностей человека и общества. В силу явной неопределённости ситуации уже в результате очевидной неполноты наших знаний о мире разрешение этого ценностного конфликта происходит в действительности не только (а часто и не столько) в сфере рационального мышления, сколько в сфере духовной жизни.

До последнего времени этот вопрос в подавляющем большинстве случаев решался в русле господствующего в мировоззрении наиболее активной части населения планеты — жителей Европы и Северной Америки — принципа «технологического императива» (термин принадлежит Г.Маркузе), который требует, чтобы «всё, что может быть сделано, было испробовано и чтобы всякая новая техника была использована».

В основе старого экологического сознания, соответствовавшего данному императиву, по сути дела лежал сплав известного принципа Ф.Бекона — наука нужна, чтобы покорять природу, — и позитивного идеала в образе «жюльерновского» человека — неутомимого исследователя и труженика, мгновенно применяющего свои знания на практике и связанного в своих действиях только ресурсными ограничениями.

Сегодняшние плоды старого экологического сознания — это безоглядный технократизм, профессиональная ограниченность, аморальность по отношению к природе.

В отличие от них принцип «экологического императива», по мнению автора данного термина Н.Н.Моисеева, заключается в безоговорочном признании наличия «некоторого множества» свойств окружающей среды (зависящих от особенностей цивилизации или способов адаптации человека к указанным свойствам), изменение которых человеческой деятельностью недопустимо ни при каких условиях. Другими словами, некоторые виды человеческой деятельности, степень их воздействия на окружающую среду должны быть строго ограничены и контролируемы.

Соответственно этому в качестве парадигмы отношений человека и природы должен быть принят принцип коэволюции, т.е. развития человека в согласии с природой на основе диалога и равноправного сотрудничества с ней. Образно говоря, каждый должен быть убеждён в правильности слов П.Тейар де Шардена: «Человек — не статический центр мира, как он долго полагал, а ось и вершина эволюции, что много прекраснее».

Вполне очевидно, что подобная задача не может быть решена без соответствующих усилий системы образования и воспитания.

В свою очередь сама эта система должна подвергнуться принципиальным изменениям, главным направлением которых, по нашему мнению, станет институализация социально-экологического образования, т.е. в конечном счёте обеспечение непрерывного процесса просвещения, направленного на формирование общей экологической культуры, экологической ответственности каждого гражданина.²

Необходимо отметить, что в настоящее время и в научном сообществе, и в директивных документах государственного управления применяются различающиеся трактовки понятия «экологическое образование», близкого к нему (но всё же самостоятельного) понятия «экологизация образования» и т.п. Как представляется, категории «экологическое образование» и «экологизация образования» было бы целесообразно разделить друг от друга соответственно двум качественно отличным направлениям деятельности системы образования и понимать под экологическим образованием в первую очередь подготовку специалистов в области экологии, природоохраны и экологических аспектов природопользования, т.е. биологов, инженеров, юристов и т.д., обладающих специфической профессиональной квалификацией. Кроме того, в «предметное поле» данного поня-

тия следовало бы включить также приобретение знаний об общих закономерностях существования и развития природных и антропогенных экосистем в сфере общего образования и т.п.

Категория экологизации образования и воспитания представляется в данном контексте более глобальной. В контексте перехода к устойчивому развитию она должна представлять собой главным образом перестройку всей системы образования и просвещения в интересах формирования экологического сознания личности.

Однако в любом случае получение социально-экологического образования должно привести в первую очередь к исключению у молодых специалистов рецидивов антропоцентризма в представлениях о взаимодействии человека и природы, к пониманию ими сущности социально-экологических процессов в обществе и неизбежности их проявления в процессе экономического и технологического развития, к превращению принципа козволюции в основу оценки и выбора конкретных технических и управленческих решений, к пониманию ими коренных различий между традиционным технологическим риском и экологическим и т.д.

Необходимо отметить, что экологическое образование и экологизация образования и воспитания (в нашей трактовке) в России достаточно давно вышли из стадии деклараций и предложений. В частности, действующим Федеральным законом «Об охране окружающей среды» предусмотрено формирование в стране системы непрерывного экологического образования (СНЭО). При этом большая подготовительная работа по созданию научно-методических и нормативных основ СНЭО была выполнена ещё в начале 90-х годов в рамках Государственной программы «Экологическая безопасность России».

Важнейшее значение для развития экологического образования и воспитания имело введение в действие Экологической доктрины Российской Федерации, требования которой, в частности, предусматривают включение вопросов устойчивого развития в образовательные программы.

Количественные масштабы развития российского экологического образования можно характеризовать следующими примерами: в 2003 г. в 63 вузах велась подготовка по специальности «экология», в 70 — по специальности «инженерная защита окружающей среды» и т.д. Важно отметить, что многие из данных вузов являются общепризнанными авторитетными научно-педагогическими центрами, например, в Москве это МГУ им. М.В.Ломоносова, РХТУ им. Д.И.Менделеева, МГТУ им. Н.Э.Баумана, МНЭПУ и др.

Существенной особенностью развития экологического образования в России являются значительные полномочия, предоставленные в данном отношении субъектам Федерации, многие из которых (например, Камчатская область и др.) приняли региональные законы «Об экологическом образовании». На сегодняшний день региональная специфика в развитии экологического образования достаточно очевидна. Например, несмотря на исключение в 2002 г. самостоятельной и обязательной дисциплины «Экология» из федеральных общеобразовательных учебных программ, в Москве данный предмет изучается в 60% средних школ.

Однако, как показывают результаты социологических исследований, эффективности экологического просвещения препятствует ряд объективных и субъективных факторов, в том числе: недостаточная обеспеченность учебных заведений нормативными и научно-методическими материалами (одновременно приходится вновь разрабатывать огромный объем необходимого обеспечения: от государственных образовательных стандартов до учебных пособий); нехватка преподавателей-специалистов; неудовлетворительное финансирование соответствующих федеральных и региональных программ и т.д.

Преодоление перечисленных трудностей является сложной, но разрешимой задачей. Несравненно более важно обеспечить реальное соответствие содержания этого образования требованиям достижения устойчивого развития.

Органическая связь между распространением экологического образования и устойчивым развитием не вызывает сомнений. Недавно саммит 2002 г. в Йоханесбурге вообще предложил рассматривать образование в области устойчивого развития в качестве одного из основных приоритетов в деятельности мирового сообщества на новое десятилетие.

На уровне наглядных примеров очевидно, что без распространения социально-экологического образования останутся декларациями все положения об участии общественности в принятии решений, затрагивающих окружающую природную среду, в том числе и положения действующих Федеральных законов «Об охране окружающей среды», «Об экологической экспертизе» и др.

Однако «дьявол всегда скрыт в деталях». Не подвергая сомнению необходимость достижения конечных целей устойчивого развития, сводящихся по сути дела к реализации принципа коэволюции, необходимо отметить, что Концепция устойчивого развития в том виде, в

каком она была сформулирована на Конференции Рио-92, не должна превращаться в «священную корову». Достаточно отметить в данной связи, что термин «устойчивое развитие», родившийся как научное понятие, постепенно приобрёл политический контекст. Так, академик Н.Н.Моисеев отмечает, что даже определённая стилистическая неправильность перевода термина «sustainable development» на русский язык как «устойчивое развитие» породило многочисленные и опасные «иллюзии и даже решения правительственного уровня, трактующие современные экологические проблемы как нечто преодолимое технологическими средствами и относительно простыми правительственными решениями»³.

Сегодня важно разобраться в смысле этого термина, освободив его от политических наслоений, и придать ему смысл и содержание, отвечающие научному представлению о современном этапе взаимозависимости природы и общества, наполнить его научно обоснованным содержанием, адаптировать к современному научному мировоззрению.

По мнению Н.Н.Моисеева, термин «sustainable development» следует интерпретировать как стратегию переходного периода к такому состоянию природы и общества, которое мы можем характеризовать как эпоху коэволюции или ноосферы. Иными словами, в основе всех рассуждений о возможных путях будущего развития общества и о характере его развития как и в общепланетарной ситуации, так и при анализе локальных перспектив должны лежать представления о том, что человек имеет свою «экологическую нишу», т.е. свою систему взаимоотношений с окружающей средой, законы развития которой он обязан учитывать в своей практической деятельности.

В этих условиях процесс формирования и развития экологического образования и воспитания, как представляется, можно сделать логически непротиворечивым и тесно связанным с коренными идеями устойчивого развития путём применения социально-экологического подхода.

Его суть состоит в следующем: любое экономическое развитие в условиях современного и постсовременного общества и на основе реальной технологической базы (даже при учете её эволюционного совершенствования) неизбежно приводит к появлению всё новых и новых экологических проблем в дополнение к уже имеющимся. Сообразно этому будут испытывать влияние антропогенных экологических факторов и социальные общности, для которых дан-

ные факторы могут явиться источником возникновения самых различных социальных проблем: удовлетворённости социальной значимостью труда; состояния градообразующих и градообслуживающих факторов; занятости; социальной мобильности; социальной дифференциации; сохранения социального статуса; соответствия условий труда запросам и потребностям работника; профессиональной морали и т.д.

Анализ результатов социологических исследований, статистики, публикаций СМИ и т.д. позволяет констатировать наличие объективных зависимостей между экологической ситуацией и: здоровьем населения; его трудовой деятельностью; отдыхом; миграциями; политической стабильностью и т.д.

В частности, результаты всероссийских социологических исследований, проведённых по репрезентативной выборке силами ИСПИ РАН и РЭФИА в 1991 — 2005 гг., показывают, что ежегодно около 40% опрошенных отмечают наличие существенной связи между экологической ситуацией и социальной напряжённостью в месте своего проживания, а отрицают наличие данной связи не более 10% респондентов.

Как представляется, именно достаточно детальное изучение социально-экологических проблем позволяет связать в глазах обучаемых экологию и социальную реальность, сделать очевидной актуальность экологических аспектов образования и воспитания, формировать новое мировоззрение, опираясь не на довольно абстрактные построения, а на реальные жизненно важные интересы личности и общества.

Особое место занимают в этом отношении 2 принципа, сформулированных нами в результате многолетних исследований социально-экологических феноменов: во-первых, принцип неразрывности социального, экологического и духовного аспектов общей проблемы взаимодействия человека и природы при опосредованности реакции общества, территориальной социальной общности, социальных слоёв и групп на экологические проблемы, вызванные антропогенными факторами, и, во-вторых, принцип комплементарности (дополнительности) социально-экологических интересов относительно множества социальных интересов, справедливость которой ограничена соответствующим порогом степени социально-экологической напряжённости.

Кроме прочего, следует отметить, что придание экологическому образованию необходимой социально-экологической составляющей

позволит оптимально подготовить специалистов к выполнению своих профессиональных обязанностей в ситуациях реальных конфликтов интересов и т.д. Более того, как хорошо известно из социологической теории, именно опора на социальную практику способна разрушить негативные установки и стереотипы обучаемых, несовместимых с потребностями устойчивого развития.

Таким образом, мы можем прийти к практически важному выводу о том, что применение социально-экологического подхода к экологическому образованию и воспитанию не просто полезно для устойчивого развития, но и позволяет «явочным порядком» обойти несомненные методологические и методические трудности сегодняшнего дня.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ — проект 06-06-9172а/L.

² М а м е д о в Н.М. Экология, культура, образование. — М., 1996.

³ Экосинформ. — 1995. — № 3-5. — С. 45.

Детерминанты политической стабильности российского общества: содержание и особенности управления

*КСЕНОФОНТОВ Владимир Николаевич,
профессор кафедры философии
Российской академии государственной
службы при Президенте Российской
Федерации, действительный член
Российской академии социальных наук,
доктор философских наук*

Состояние и развитие политической стабильности общества будет реализовываться тем успешнее, чем основательнее и определённое властвующие структуры знают и оказывают воздействие на её детерминанты.¹ Вот почему их выяснение даёт возможность своевременно реагировать на негативные политические процессы в обществе, предупреждать и прогнозировать в нём конфликты, успешно и своевременно их разрешать. Содержание и специфика детерминантов политической стабильности могут быть представлены в следующих компонентах.

Первое. Политическая стабильность в значительной степени зависит от отношений в обществе между федеральными и региональными структурами власти. Её нарушение определяется активностью и массовостью распространения ряда идей в сфере изменения формы национально-государственного устройства России. К наиболее доминирующим из них можно отнести следующие. Одна из идей предполагает усиление суверенности составляющих Российскую Федерацию национально-республиканских и административно-территориальных образований.² Выражая ориентацию не на децентрализацию власти по горизонтали и распределение её между федеральными органами и субъектами Федерации, а на выход из состава России, она провоцирует политическую напряжённость, готовит идейную почву для возможных столкновений между «республиканцами» и «федералистами». На наш взгляд, потенциальную опасность политического характера таит идея «права наций на самоопределение», которая нередко трактуется в узконационалистическом духе, отрицающем интересы коренной этнической группы, а не всех граждан в целом. Оправдание её актуальности как принципа нынешнего

реформистского курса российского государственного строительства противоречит сущности демократии, ибо игнорирует интересы других национальностей и прав человека.

Стабильность федеративного государственного устройства связана со второй идеей неравноправия статуса субъектов Федерации, спекулированием «русским вопросом». Это положение на практике ведёт к созданию региональных государственных образований русских областей в составе Российской Федерации по типу Уральской республики. Полагаем, что целесообразно в перспективе устранить противоречивую разнородность устройства нашей Федерации по национальному и неонациональному, республиканско-государственному и административно-территориальному принципам и сформировать более однородную её структуру, предпочтительнее всего, по нашему мнению, регионально-территориальную в своей основе по типу земель, губерний. Сохранение принципа национал-государственного устройства применительно к отдельным субъектам Федерации (Татарстан, Башкортостан и др.) неизбежно будет способствовать прежде всего при помощи радикальных национал-патриотов усилению русского национального движения за государственное самоопределение русского народа.³

Третье обстоятельство, не менее опасное для политической стабильности общества, — идея унитарного государства, в которой лидеры республик и автономий в составе России, национальные элиты и партии видят угрозу своей самостоятельности. Реакцию отторжения в сознании субъектов Федерации, центробежные тенденции генерирует идея сильного по отношению к республикам центра, отражающая стремление федеральных властей к максимальной концентрации в своих руках властных полномочий, что также в интересах унитаристов и новоимперских сил. Конституционная неурегулированность коренного для любой федерации вопроса о разграничении властных полномочий между центром и субъектами федерации создаёт предпосылки, по взглядам ряда исследователей, к перерождению федерации в унитарное государство.⁴

Следующей идеей, воздействующей на характер политической стабильности в обществе, является тиражирование в массовом и групповом сознании правомерности реконституционных способов и форм политической борьбы, объясняемых так называемой революционной (или какой-нибудь иной) целесообразностью. Они восходят от большевистской традиции определения не только политической конфронтации, но и насилия в старом обществе на этапе его преобразования в новое и последующего подавления «классового сопро-

тивления» новому общественному строю. В нынешних условиях наибольшую приверженность к такого рода идеям и установкам демонстрируют представители крайних флангов современного идейно-политического спектра в лице как радикалов-либералов, так и непримиримой национал-патриотической и коммунистической оппозиции. События августа 1991 г., а также сентября — октября 1993 г. служат убедительным доказательством опасной для общества политической нестабильности, связанной с неконституционной борьбой за власть, к которой ведёт ориентация на подобную идею.

Существенным источником нарушения политической стабильности общества является идея «внутреннего врага», применяемая к различным политическим движениям и организациям. Такой взгляд искусственно воспроизводит барьер отчуждения в политических отношениях, возлагает ответственность за нерешённость социальных проблем и на отдельные общественные слои и организации. Таким образом, появляется политическая дифференциация российского общества на «новаторов» и «консерваторов», «реформаторов» и «антиреформаторов», «демократов» и «ретроградов». В этих условиях формируются благоприятная социально-политическая атмосфера и идейно-теоретическая основа для конфликтного политического противоборства в обществе. Следует также отметить, что уровень политической конфронтации резко возрастает в условиях активной пропаганды идей, содержащих призыв к массовому «революционному» насилию во имя произвольно толкуемой социальной справедливости. При этом исключаются его крайние формы — вооружённое противоборство, физическое уничтожение «врагов» общества или нации. Заражение людей «баррикадным мировоззрением» в прошлом сопровождалось в российской истории обострением политических противоречий и эскалацией вооружённого насилия.

Эти отношения нередко приобретают значительную остроту, ведут к росту политической напряжённости, инициируют конфликты. В данной связи необходимо отметить, что существуют два вектора сил, для которых конфликтная ситуация если не всегда желательна, то удобна. С одной стороны, это силы, борющиеся за самоопределение (сохранение родного языка в качестве официально признанного, автономизация, суверенизация вплоть от отделения или со сменой партнёра по федерации), с другой — силы, которые этому противостоят, отстаивают территориальную целостность изначально существующего государственного образования, незыблемость границ, пространственный гегемонизм и т.п.

В такие «верхушечные» по существу конфликты могут быть втянуты достаточно широкие слои населения. И тогда они, как правило, приобретают весьма острый характер.

Второе. Важное значение в изучении и характеристике политической стабильности приобретает учёт диалектики объективного и субъективного в политических процессах, участниками которых являются разные группы населения.

Нельзя игнорировать такую характерную для российского менталитета особенность, как персонализация политической жизни, означающую преимущественную ориентацию россиян не столько на политические программы и партии как таковые, сколько на личности политических лидеров (государственных руководителей). Отсюда нередко и критика последних воспринималась как критика политической системы в целом и всячески преследовалась, а усиление личной власти не вызывало активного протеста.⁵

Что касается деятельности политических партий, то они тоже формировались вокруг известных личностей, обладающих, как правило, харизматическими свойствами. Для рядового гражданина, как участвовавшего в политической жизни, так и активно не участвовавшего в ней, всегда было немаловажным чувство общности с лидером (или его непосредственным окружением). Оно давало ощущение устойчивости, особенно в условиях радикальных перемен. Инерционность политических симпатий издавна активно эксплуатировали все политические лидеры даже тогда, когда реальными становились только «былые заслуги», а новых или не было совсем, или они были незначительны.

Следует согласиться с положением Р.Бендикса, высказанным в его статье «Образ общества у Макса Вебера» о том, что «существуют важные узы между людьми, которые могут способствовать стабильности общества; действия каждого члена ориентированы на действия других, и все люди придают особую ценность коллективным образованиям, в которых они участвуют»⁶. Подобные «коллективные образования», как правило, также ориентированы на того или иного лидера. В оценке субъективных моментов его политической деятельности важно учитывать следующие аспекты:

политические позиции и политическую роль конкретных лидеров в настоящей и прошлых социально-политических ситуациях;

способность к критическому анализу социальных реалий и своей роли в политической практике;

способность выражать и отстаивать общенациональные (групповые) интересы;

ценностные ориентации, нравственные нормы, мотивы и установки политического участия.

Свобода политического выбора, давление групповых (корпоративных) интересов могут при известном стечении обстоятельств оказывать решающее воздействие на политическое поведение лидера, результатом которого возможно серьёзное дестабилизирующее воздействие на всю политическую систему. Но его масштабы и последствия в конечном счете будут определяться объективными предпосылками (условиями).

Совпадение негативных субъективных и объективных предпосылок может привести политическую систему в состояние крайней нестабильности (кризиса) и даже саморазрушения. Нечто подобное произошло в 1991 году с СССР.

Возможна ситуация высокой негативной активности определённых политических сил, использующих объективные предпосылки (условия) в своих политических целях, но выбирающих для этого неадекватные способы деятельности. Подобные воздействия на политическую систему (и через неё на всё общество) могут привести их к кратковременному успеху. Но в конечном счёте возникает «эффект маятника», когда и общественные настроения, и весь политический процесс начинают дрейфовать в противоположную сторону, и силы эти терпят поражение.

Ведущаяся по существу постоянно борьба за власть предполагает завоевание симпатий как элит, так и масс. Особенно остро она протекает в период предвыборных кампаний, принимая нередко форму политических конфликтов.

Следует подчеркнуть, что для поддержания политической стабильности особое значение приобретает характер этой борьбы и в первую очередь её легитимность, т.е. соответствие утвердившимся в данной политической системе нормам, признаваемым общественностью в качестве законных.

Она не исключает, конечно, даже став доминирующей формой, нелегитимную борьбу, принимающую как явный, так и латентный характер («Схватка бульдогов под ковром», — как любил говорить У.Черчилль).⁷ Последняя может, не выходя на поверхность общественной жизни, серьёзно ослабить правящий режим, нарушив необходимую степень его внутренней консолидации.

Применение нелегитимных средств борьбы создаёт угрозу не только функционированию политической системы, но и всему обществу. Особенно опасна в этой связи возможность развязывания гражданской войны или иных широкомасштабных насильственных дей-

ствий с разных сторон: как со стороны сторонников политического режима, так и его противников. Результатом подобного противоборства может стать политический переворот, ведущий к смене власти, установлению нового политического режима. История знает множество примеров переворотов, осуществляемых чаще всего в условиях кризиса политической системы или в условиях тоталитарных обществ, где механизм смены государственных лидеров либо вообще отсутствует, либо оказывается неэффективным. Приход в результате переворота нового лидера, как правило, стабилизирует на определённое время политическую систему, но сама стабилизация может быть кратковременной, если остаются неразрешёнными породившие политическую борьбу противоречия.

Политическая система не может быть стабильной, если власть предрержащая элита подчиняет свою основную деятельность и иницируемые ею нововведения только собственным интересам и игнорирует при этом интересы большинства. В таком случае «она может держаться только на силе, обмане, произволе, жестокостях и репрессиях»⁸. Её субъективная деятельность вступает в противоречие с объективными потребностями и природой самого общества, что приводит к накоплению социального недовольства, ведёт к политической напряжённости и конфликтам.

Следует подчеркнуть, что конфликты в функционировании политической системы играют неоднозначную роль. Их появление всегда служит показателем определённого неблагополучия или обострившегося противоречия. Однако конфликты сами по себе не могут существенно повлиять на стабильность политической системы, если последняя располагает механизмами их институализации, локализации или разрешения. «Сказать, что непримиримые конфликты являются эндемической чертой общества, ещё не значит заявить, что общество характеризуется постоянной нестабильностью»⁹.

И тем не менее наличие действительных механизмов быстрого обнаружения, предотвращения и разрешения конфликтов остаётся необходимым условием эффективного функционирования политической системы и показателем её стабильности.

Вот почему необходима законодательно оформленная система народного контроля за деятельностью властей и более адекватное представительство интересов разных социальных и национальных групп в органах власти. В ином случае рост социальной напряжённости и конфликтов способен принять затяжной характер, что может серьёзно снизить эффективность функционирования политической системы и сказаться на её стабильности.

Третье. Не менее важным фактором в функционировании политической власти является выявление и блокирование делегитимизации. Расширение её масштабов способно заметно нарушить политическую стабильность в обществе. В связи с этим возникает потребность раскрыть причины делегитимизации, тем более что в науке они пока ещё не получили достаточного объяснения.

Первая причина представляет противоречия, которые возникают в обществе между универсальными ценностями, доминирующими в нём, и эгоистическими интересами властвующей политической элиты и связанных с ней определенных социальных групп и организаций. Углубление такого противоречия приводит к тому, что власть как функционирующий компонент общественной жизнедеятельности замыкается в самой себе, теряет поддержку и доверие со стороны населения.

Указанное обстоятельство является одновременно и симптомом развивающейся политической нестабильности общества. В этой связи характерны следующие показатели. В большинстве стран доля граждан, радикально отвергающих существующую политическую систему, обычно составляет 10-20%. Более высокий уровень ставит легитимность политической власти под сомнение. Заметим также, что уровень доверия населения к деятельности центральных органов власти, как правило, не опускается ниже 20-25%. В противном случае считается, что власть потеряла доверие народа.¹⁰

Вторая причина характеризует собой противоречие, возникающее между идеей демократии, насаждающейся в общественное сознание и отображающейся в нём, и политической практикой, реализуемой властными структурами различного уровня.¹¹ Оно рельефно проявляется в политике власти решать возникающие проблемы реформирования общества преимущественно силовыми путями, без достаточно обоснованных экономических способов, ограничения основных прав человека, давления на средства массовой информации. Спонтанно возникающие проявления данного противоречия свидетельствуют о его вариантах существования в российском обществе. В свою очередь усиление таких тенденций несёт возможность приведения к замене существующего режима более жёстким и с ярко выраженной антидемократической направленностью. Благоприятным фоном для этого служит социальная апатия населения.

Такому обстоятельству в немалой степени способствует социально-политическая аморфность в деятельности властных структур. Она выражается, по нашему мнению, во-первых, в отсутствии чётко определённой и сформулированной конечной цели, придающей смысл

«общему делу» и составляющей сердцевину государственной идеологии, во-вторых, в непоследовательности и противоречивости применяемых методов и средств в решении насущных проблем, перехода от одной крайности в другую и, в-третьих, в отсутствии понятных и поддерживаемых общественных преобразований. Об этом свидетельствуют и данные социологических исследований. Так, 42% опрошенных респондентов из числа москвичей заявили, что они пали духом, утратили надежду на улучшение жизни (группа лиц, у которых денег не хватает даже на продукты питания).¹²

Третья причина выражается в нарастающей бюрократизации и коррумпированности властных учреждений. Бюрократия в процессе реформирования страны нашла способ вхождения в новые рыночные отношения посредством специфического участия в процессе приватизации и создания рыночной инфраструктуры. При этом, исходя из реально складывающейся ситуации в российском обществе, нельзя, на наш взгляд, не отметить следующую особенность. Контроль «снизу» в силу неразвитости гражданского общества и недостаточности эффективной выборной власти «снизу доверху» практически отсутствует, а контроль «сверху» весьма слабый. Это обстоятельство создало для бюрократии небывалую свободу действий, процветание коррупции в различных её видах. Она является симптомом морального осуждения власти.

Важным государственным учреждением, оказывающим сопротивление коррупции, выступает суд. Если же коррупция поражает и его, то недовольство властями может достигнуть критического предела. Тревожные симптомы для российского общества в настоящее время имеются. Так, на вопрос «Кто является сейчас реальным хозяином Москвы?» были получены следующие ответы: подпольные дельцы, мафия — 34% (ответы экспертов) и 25,7% (ответы населения); коммерческие структуры — 13% (ответы экспертов) и 12,9% (ответы населения); настоящего «хозяина» в городе нет — так ответили соответственно 38 и 42,6% респондентов.¹³

Вместе с тем отметим, что скандалы, связанные с коррупцией, не обязательно являются показателем делегитимизации. В ряде случаев они могут служить доказательством демократического и легитимного функционирования политической системы общества. Это особенно наблюдается в условиях взыскательного и строгого отношения всех ветвей власти, особенно судебной, к коррумпированным чиновникам высшего ранга, привлекаемым к ответственности.¹⁴

Четвёртая причина — отсутствие в функционирующей системе

властных учреждений дифференцированного подхода к насущным интересам различных социальных групп общества. Наиболее реально такой показатель находит проявление в социальной и правовой защищённости населения.

Реальная практика реформирования российского общества свидетельствует о том, что признание необходимости экономических и социально-политических преобразований в стране прямо и опосредованно связаны со степенью ухудшения (или улучшения) жизненной ситуации различных социальных групп. Вместе с тем особенности жизненной ситуации населения России — уровень его материальной обеспеченности и социальной защищённости — заметно воздействуют на оценки деятельности различных институтов и уровней власти.

Политическая стабильность российского общества определяет степень глубины и прочности распространения национального самосознания у народных масс. Оно представляет собой широкомасштабное духовно-практическое явление, свойственное различным субъектам общества. В национальное самосознание, на наш взгляд, входят четыре структурно-содержательных компонента, выступающих в диалектическом единстве.

Первый компонент включает знания народа о себе, своей противоречивой и сложной истории, её эволюции развития, специфическом месте в мировой цивилизации, перспективе её движения. В национальном сознании должны прочно удерживаться и пониматься крупные исторические события: войны, революции, борьба за мир и т.д. В этом плане особое значение для восстановления историзма мышления имеют наряду с кино, телевидением, художественной литературой также и произведения, сочетающие историко-научный и художественно-публицистический способы правдивого отображения исторического пути и судеб Отечества.

Второй компонент — оценочно-эмоциональный. Его сущность отражает то положение, что для духовного мира личности россиянина явно недостаточно только лишь знания отечественной истории, основных вех и рубежей в судьбе нашего народа. Не менее важно уметь по достоинству дать им взвешенную оценку, при этом чувственно переживая и радуясь. В свою очередь индифферентное, созерцательное отношение к национально-историческому знанию весьма ущербно. В таком случае оно не только быстро забывается, но и не способно быть активным генератором национально-патриотических чувств, героического подвига во имя Родины.

Третий компонент — социально-психологический. Национальное сознание нельзя представить в полном объёме вне национального характера, национально-психологических качеств русского народа. Такие его социально-психологические качества, как милосердие, доброта, чувство долга, совестливость и другие, играют важную роль в жизни общества. На данное обстоятельство обращал внимание И.А.Ильин. Подчёркивая важность психологического элемента русской нации в её историческом развитии, он писал: «Так и в политической жизни: она делается живыми людьми, их патриотической любовью, их государственным пониманием, их характером, их чувством долга, их организационными навыками, их уважением к закону»¹⁵.

Четвёртый компонент — социокультурный, прежде всего духовный. По своему содержанию этот компонент не может быть локализован. Он весьма разнообразен. В нём можно выделить ряд граней, взаимосвязанных между собой. Во-первых, это национально-религиозная грань (православно-церковная). Она раскрывается в той роли, которую играло правослаvie в истории нашего Отечества. Во-вторых, художественно-эстетическая грань, основанная на месте и социальной сущности отечественного искусства и литературы в духовной жизни российского общества, его мировоззренческих позициях и нравственно-эстетических идеалах личности. В-третьих, гуманистические, в первую очередь политико-правовые идеи отечественной философской мысли, в том числе относящиеся к государственному устройству России. «Каждому народу, — отмечал И.А.Ильин в работе «О государственной форме», — причитается своя особая, индивидуальная государственная форма и конституция, соответствующая ему и только ему. Нет одинаковых народов и не должно быть одинаковых форм и конституций. Слепое заимствование и подражание нелепо, опасно и может стать гибельным»¹⁶. В-чтвёртых, нравственная грань. Она реализуется в моральном выборе обществом и личностью нравственных ценностей: добра, справедливости, долга, совести, чести и достоинства и других весьма важных качеств.

Современное развитие всех сфер жизнедеятельности России невозможно без «человеческого материала», моральный выбор которого связан с высоконравственными качествами, представляющими собой его вполне определённый уровень духовной культуры.¹⁷

Следует подчеркнуть, что «национальное самосознание» и «национальная идея» представляют собой близкие, но не тождественные понятия. По нашему мнению, национальная идея вырастает из нацио-

нального сознания, является его ядром. Применительно к современному состоянию российского общества и перспектив его развития национальная идея может включать ряд положений. Первым из них выступает **духовность**. Она выражает нравственные начала общественной жизни и моральные законы поведения человека. К ним относятся: уважение свободы личности; восприятие социокультурного наследия; внимательное отношение к вере, языку, традициям и обычаям народов; приоритет справедливости, блага, добра, гуманности и т.д.; терпимость к иной точке зрения, уважение религиозных конфессий, морального выбора личности и др.

Духовное возрождение представляет собой способ единения российского общества посредством воспроизведения исторически пригодных для данной эпохи и имеющих корни в народе нравственных ценностей. Духовный поиск, став основой общественной деятельности, приведёт к более совершенному жизненному порядку, к действительному народовластию в России.

Вторым положением является **народовластие**. Оно требует от государства служения народу, исключения его применения в качестве инструмента для властных структур. При этом следует заметить, что нарушение законности ставит власть вне закона. Перерастание государства из института, который стоит над народом, в орган народовластия предполагает: укрепление общественного контроля над государственной организацией, осуществляющей публичную власть; развитие самоуправления, выражающее соблюдение системы правил, установленных согласием граждан; создание новой политико-организационной структуры, которая расширяет формы движения общества, независимые от государства; превращение политических партий, общественных организаций в составную часть гражданского общества. Народовластие выступит правлением всех граждан, если демократические принципы автономии и самодеятельности регионов будут осуществляться в едином правовом пространстве Российской Федерации.

Третьим положением национальной идеи выступает **державность**. Для России как значительного геополитического пространства, объединяющего на своей территории многочисленные народы, она означает: общность границ и единых систем связи, единого энергоснабжения, одинаковой транспортной системы; сохранение социокультурных традиций; равенство всех народов и этнических групп; достойное место в мировой цивилизации. Русский народ, ставший этническим ядром Отечества, десятки других народов, веками

живущих вместе, может сплотить и объединить идея российской державности, которая проявляется на геополитическом фоне евразийского пространства. Для России характерна открытость. Однако она не должна копировать ни западные, ни восточные модели развития. Державность РФ тесным образом связана с её самостоятельной международной политикой во имя мира, предотвращения войн и вооружённых конфликтов.

Четвёртым положением, выступающим основой национальной идеи, является **идея свободы человека**. В России, с одной стороны, необходима общегосударственная система мер, направленных на создание в стране приоритета личности, с другой — российские граждане должны сами свободно выбирать и нести личную ответственность за свою судьбу. Об этой проблеме как актуальной задаче писал ещё А.И.Герцен: «Свобода лица — величайшее дело; на ней и только на ней может вырасти действительная воля народа. В себе самом человек должен уважать свою свободу и чтить её не менее как в ближнем, как в целом народе»¹⁸.

Идея свободы человека — это идея подлинного федерализма, которая подразумевает формирование самоуправляющегося общества, устанавливающего такую власть, которая наилучшим образом защитит физическое, нравственное и духовное здоровье личности. Прежде всего такая установленная обществом власть должна обеспечивать безопасность и достоинство всех граждан перед законом, охрану их собственности и достоинства, прав и свобод, включая свободу совести, право на получение образования, информации, свободное волеизъявление, выбор профессии, места жительства, выбор образа и стиля жизни и т.д.

Вместе с тем человек сам творит свою судьбу. Только в развитии творческого, инициативного, создающего начала личности и гражданского общества заключается источник благополучия граждан и процветания России, саморазвития российской цивилизации.

Идея свободы человека — это также и справедливость, но не уравнительности, а равноправия и уважения, консолидации и солидарности. Её практическое воплощение — осознание необходимости формирования гражданской российской нации, образуемой реальным многообразием всех народов России.¹⁹

Знание содержания и специфики детерминантов политической стабильности российского общества предъясняет определённые требования к субъектам управления. Особую значимость в этой связи приобретает политическая культура²⁰ субъектов управления (го-

сударственных деятелей, руководителей политических партий, различного рода движений и т.д.), участвующих в реализации политической стабильности общества и воздействии на её детерминанты. Примечательно в этой связи суждение известного исследователя из США С.Козна. Он подчёркивает: «Ни одна политическая система ни в одной стране не будет стабильной, если она не рождена в самой этой стране, на её почве как результат развития собственной политической культуры»²¹.

Политическая культура разделяется на 2 вида: политическую культуру общества и профессиональную. Профессиональная политическая культура представляет степень её развития у государственных и политических деятелей, воздействующих на процессы политической стабильности общества, в том числе и на её детерминанты. Важно заметить, что эта культура формируется в различных областях политической деятельности в процессе выполнения её представителями своих должностных обязанностей. Структурно-содержательно она включает ряд элементов. К наиболее социально значимым из них необходимо отнести следующие:

во-первых, профессиональное политическое мышление, всестороннее и глубокое знание политических категорий, принципов, закономерностей и специфики их реализации и функционирования, оптимизацию профессиональной деятельности и эффективность использования средств и методов политического воздействия в достижении устойчивого развития государства, его властных функций и всех областей системы жизнедеятельности общества;

во-вторых, социально-политическую и гражданскую ответственность за обеспечение устойчивого развития политической стабильности, реализацию прав и свобод граждан, выступающих как за личностные ценности, так и за общенародные интересы;

в-третьих, степень глубины знаний по различным областям, в том числе и связанным с политической культурой, прежде всего с глубоким экономическим и правовым мышлением в анализе складывающихся реалий в государстве, кругозор в сфере специфических проблем внешней политики, вопросов трансформационных процессов глобального масштаба, поиске политических средств в области мира и безопасности народов;

в-четвёртых, моральные качества государственного деятеля, профессиональную безупречность, добросовестность и честность, умение связывать политический подход к решению вопросов социального развития с моральными ценностями общества. Сущность такой

проблемы сводится к тому, что политические цели, которых придерживается руководитель, должны быть не только высоконравственными, но при любых обстоятельствах не должны игнорировать принципы морали, а применять в свою очередь исключительно нравственно допустимые средства. На это обстоятельство обращал в своё время внимание В. Соловьёв. Он писал: «Национальная идея, понимаемая в смысле политической справедливости, во имя которой защищаются и освобождаются народности, слабые и угнетённые, имеет высокое нравственное значение»²².

Необходимо подчеркнуть, что политическая культура личности руководителя непосредственным образом вплетена в политическую культуру общества. Она отражает степень её прогрессивного развития и воплощает в себе способность реализовать эффективную политическую зрелость руководителя.

В условиях воздействия различных детерминантов на политическую стабильность российского общества для профессиональной политической культуры государственного руководителя важно чётко представлять содержание и функционирование политической культуры общества. Применительно к нынешнему этапу развития политической стабильности общества и тенденций его развития необходимо отметить нижеследующие созидательные функции политической культуры.

Когнитивно-преобразовательная функция. Она подчинена задаче формирования гражданского общества и демократического государства, интегрирования на основе стабильности общественных, групповых и личных политических интересов и ценностных политических ориентаций. И наряду с этим — преодолению конфликтности и конфронтационности в действиях между властью и народом, достижению гражданского согласия, постановке человека в центр социального развития, правовой и нравственной справедливости.

Регулятивная функция политической культуры обеспечивает устойчивое и динамичное проявление всех позитивных детерминантов политической стабильности российского общества. На этой основе она осуществляет консолидацию всех субъектов Российской Федерации, очерчивает политико-правовой характер взаимодействия между центром и регионами, функционирование политических и государственных институтов в ходе возникающих противоречий и конфликтов и разрешению их исключительно на основе Конституции и Законов РФ. Благодаря именно этой функции политическая культура выявляет неблагоприятные детерминанты, воздействующие дестабилизирующим образом на политическую систему,

своевременно их блокирует в интересах народа и упорядочения деятельности властных институтов Российского государства.

Аксиологическая функция политической культуры даёт возможность оценить различные компоненты детерминантов политической стабильности российского общества, дать их взвешенную характеристику, раскрыть потенциал наиболее продуктивных и перспективных из них. Наряду с этим она позволяет оценить уровень глубины и пригодности политических идей, знаний и политических чувств, воздействующих на характер и перспективы развития политической стабильности и её детерминантов применительно к современному российскому обществу. По отношению к реалиям политической стабильности российского общества и перспектив её развития возрастает объективная потребность в консолидации общества через национальную идею.

Коммуникативная функция политической культуры обеспечивает взаимодействие различных субъектов в политической сфере. Она имеет специфические векторы своего реального осуществления, которые позволяют политической культуре развиваться в направлении преемственности между различными поколениями российского общества. В то же время она обеспечивает связь политических культур в мире, существующих в историческом интервале, неодинаковых государственных систем. Благодаря такой связи политическая культура российского общества и его субъектов, во-первых, может обогащаться за счёт содержания политических культур других государств, а во-вторых, при необходимости способна блокировать внешние негативные детерминанты по отношению к политической стабильности России.

Таким образом, в процессе трансформации российского общества актуальное теоретическое и практическое значение приобретают детерминанты его политической стабильности. Опора субъектов управления на политическую культуру даёт возможность всем ветвям власти в России оптимизировать процесс трансформации в ней, блокировать негативные явления во всех сферах жизни общества и полнее использовать политический потенциал народных масс в создании гражданского общества.

¹Детерминизм (от лат. *determino*) — философское учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира. См.: Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 149.

² См.: А р и н и н А.Н. К новой стратегии развития России // Федерализм и гражданское общество. Гл.3. — М., 2000.

³ См.: М я д о К. Конец столетия: Русский вызов. Возвращение из анабиоза // Независимая газета. — 1994. — 12 апреля; А р и н и н А.Н. К новой стратегии развития России // Федерализм и гражданское общество. — М., 2000. — С. 35 — 40.

⁴ См.: Я н к о в К. Новая конституция и будущее России // Независимая газета. — 1993. — 30 июля; С а т р о в Г. Империя или федерация: Реальный выбор для страны // Независимая газета. — 1993. — 8 сентября.

⁵ В то же время, как отмечал выдающийся немецкий социолог Карл Манхейм, современный западный «буржуазный интеллектуализм» стремится исключить человека с его конкретными стремлениями из политической сферы и свести политическую дискуссию к некоему общему сознанию, определяемому «естественным правом» (см.: М а н х е й м К. Диагноз нашего времени. — М., 1994. — С. 144). Власть «естественного права» есть по существу власть закона, а не всевластие личности, попавшей наверх.

⁶ Цит. по: Б е н д и к с Р. Образ общества у Макса Вебера // В е б е р Макс. Образ общества / Избранное. — М., 1994. — С. 571.

⁷ Цит. по: Конфликты и консенсус. — 1994. — № 3–4. — С. 9.

⁸ См. подробнее: С е м ё н о в В.С., С т е п а н я н И.А. От конфликта к согласию: Пути перехода // Социологические исследования. — 1994. — №12. — С. 23.

⁹ Цит. по: В е б е р Макс. Образ общества // Избранное. — М., 1994. — С. 571 — 572.

¹⁰ См.: О с и п о в Г.В. Реформирование России: Итоги и перспективы. — М., 1996. — С. 25.

¹¹ Заметим в этой связи следующее: специфическим источником делегитимизации власти может явиться потеря самой правящей политической власти, возникновение внутри неё острых противоречий между группировками, столкновение различных ветвей власти.

¹² И в а н о в В.Н. Россия: Обретение будущего // Размышления социолога. 3-е изд., доп. — М.: ИСПК РАН, 1998. — С. 27 — 34.

¹³ Социальная и политическая стабильность в оценках и ожиданиях москвичей. — М., 2003. — С. 12.

¹⁴ См.: Изменяющаяся Россия: Вызовы и возможности / Рук-тель Г.В.Осипов. — М., 2003. — Т.2. — С. 414 — 429.

¹⁵ И л ь и н И.А. Собр. соч. в 10 т. — М.: Русская книга, 1993. — Т. I. Кн. I. — С. 47.

¹⁶ Там же. — С. 48.

¹⁷ В этой связи заслуживает внимания точка зрения Г.В.Осипова на со-

держание национальной идеи. См.: О с и п о в Г.В. Россия: Национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. — М., 1997. — С. 129 — 157.

¹⁸ Г е р ц е н А.И. Собр. соч. в 30 т. — М.: Художественная литература, 1955. — Т. 5. — С. 14.

¹⁹ См.: А р и н и н А.Н. К новой стратегии развития России: Федерализм и гражданское общество. — М., 2000. — С. 41 — 46.

²⁰ Культура политическая — система исторически сложившихся политических традиций, убеждений, ценностей, идей и установок практического политического поведения, обеспечивающая воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Рук-тели проекта В.С.Стёпин, Г.Ю.Семигин. — М.: Мысль, 2001. — Т. 2. — С. 348.

²¹ Цит. по: Социологическая энциклопедия в 2-х т. / Рук-тель научного проекта Г.Ю.Семигин. — М., 2003. — Т. 1. — С. 535.

²² С о л о в ь ё в В.С. Избранное. — М., 1990. — С. 27.

Культурный облик столицы (социологические заметки)

*БЕССОЛИЦЫНА Наталья Александровна,
кандидат политических наук,
ДОНСКОЙ Виктор Гаврилович,
главный специалист
Московского института
социально-культурных программ*

Сегодня в Москву ежегодно приезжают более 3 млн. туристов, но, по подсчётам специалистов, принять Москва может и 5 млн. человек.¹ И, чтобы добрать «недоехавших» 2 млн. человек, столичные власти разработали специальную программу по улучшению имиджа города.

Но все усилия властей могут не принести ожидаемого успеха, ибо в Москве лето традиционно является «мёртвым» сезоном в её культурной жизни, тогда как в западных странах это время — самый пик мирового туризма.

Культурная сезонность в театрах сложилась ещё в советское время. Летом труппы разъезжались на гастроли по стране. Ныне гастроли для театров — большая редкость, денег, как правило, на командировки нет. Театральные труппы вынужденно уходят в отпуск, а их место на сценах столицы занимают редкие антрепризы. Но почему? Ведь зритель готов ходить на спектакли круглый год, зачем же отказываться от денег, которые он принесёт в кассы театров? То же касается и музеев. Да, у каждого есть право на отдых. Но разве нельзя летом, когда такой наплыв гостей, этот вопрос решить как-то иначе?

Анализ московских театральных афиш показывает, что если в мае более 80 театров ждут зрителей со своими лучшими спектаклями, то летом функционируют только 10 театральных организаций, демонстрируя в основном экспериментальные постановки. А музеи и выставочные залы придерживают открытие громких экспозиций до осени.

Москву отличают высокие цены на услуги при их минимальном предложении как на гостиницы, так и на развлекательные и культурные мероприятия. Как правило, однажды побывавший в нашей столице иностранец не горит желанием приехать сюда вновь — он уже всё осмотрел за один раз. Летом ситуация обостряется, поскольку в московских театрах межсезонье, никаких заметных собы-

тий в культурной жизни города не происходит, а на мероприятия типа пикников на открытом воздухе в духе «Нашествия» народ особо не стремится.

Гости же из других российских регионов хотят ознакомиться с лучшими образцами собственной национальной культуры и искренне досадают, узнав, что, например, Большой театр «отдыхает», а у Кремлёвских музеев выходной — четверг.

В Москве часто проводятся концерты зарубежных поп-звёзд. Но вряд ли западные туристы, приехав в Москву, захотят послушать Стинга, Мадонну или Эрика Клэптона. Для европейцев они поют чаще, чем для нас, а жители российской глубинки не станут тратить деньги на то, что можно увидеть и по телевизору. Приехав в российскую столицу летом, гости рискуют так и не ознакомиться с нашей родной культурой. А если так, есть смысл выбрать для культурного отдыха другую, более удобную страну.

У любого государства — своя культура, у каждого города — своё «лицо». Постоянно проживая в столице, москвичи привыкли к ней и не всегда объективно судят о её достоинствах и недостатках. Со стороны, как говорится, виднее — например, туристам. Но, чтобы хорошо узнать Москву, мало приехать сюда однажды и просто туристом. Поэтому был проведён опрос, каким представляется столичный мегаполис, его культура иностранцам, работающим в Москве несколько лет.²

На вопрос о том, интересуются ли эксперты культурной жизнью Москвы, все респонденты отвечали положительно. Лишь 7% сказали, что из-за занятости у них практически не остаётся для этого времени.

Чаще всего респонденты посещают театры, концерты, выставки.

В сознании большинства экспертов русская и российская культура — это прежде всего литература: о ней — писателях и литературных произведениях — вспомнили 78% из них. В основном респонденты вели речь о русской классике XIX — начала XX веков. Наиболее часто назывались имена Достоевского (63%) и Л.Толстого (55%), а также Пушкина и Чехова. Кроме них, участники опроса говорили о писателях и поэтах первой половины XX века — Есенине, Бунине, Маяковском, Блоке, Николае Гумилёве, Мандельштаме, Булгакове. С современной литературой эксперты почти не знакомы, так как, за исключением Солженицына, практически никто не был назван.

Значительный интерес у иностранцев вызывает русская музыкальная культура (58% респондентов) и прежде всего XIX века, без которой, как они считают, «не было бы современной классической музы-

ки». Из композиторов чаще всего называют Чайковского, Мусоргского, Шостаковича, Шнитке, из исполнителей — Ростроповича, оркестр Спивакова, Юрия Башмета, а также, не называя имён, вспоминают выступающих с концертами в Музее имени Пушкина («Декабрьские вечера»). Особо упоминают ансамбль И.Моисеева.

О музыкальных концертах других направлений (джаз и рок-музыка) смогли рассказать немногим более четверти участников исследования. Из более или менее известных российских групп и исполнителей, выступления которых довелось услышать экспертам, они назвали «Аквариум» (лидирует по числу упоминаний), «Машину времени», «Сплин», «Ночные снайперы», Земфиру, «Весна на улице Карла Йохана» и др. За эстрадной поп-музыкой живущие в Москве иностранцы практически не следят и такие концерты посещают очень редко, однако имена наиболее популярных российских эстрадных исполнителей части экспертов известны: А.Пугачёва, И.Крутой, К.Орбакайте, О.Газманов и др.

Представляет интерес мнение респондентов о театральном искусстве Москвы. Российское театральное искусство у них ассоциируется с именем Станиславского, у небольшой их части — с Экспериментальным театром Мейерхольда, а также драматургией Чехова. Большинство экспертов интересуются театральной жизнью Москвы. На 1-м месте (75% респондентов) по числу упоминаний находится Большой театр. Чаще всего назывались спектакли театра «Лебединое озеро» и «Щелкунчик», реже — «Ромео и Джульетта», «Жизель», «Легенда о любви», «Дон Кихот», «Иван Грозный». При ответе на вопрос о наиболее запомнившихся театральных событиях последних лет практически никто из экспертов не вспоминал постановок Большого театра, и за последние полгода посещали его только 22% экспертов. На 2-м месте среди музыкальных театров по числу упоминаний — «Геликон-опера», на 3-м — «Новая опера», на 4-м — Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко. В основном упоминаются классические постановки («Жизель», «Ромео и Джульетта», «Лебединое озеро»).

Многие эксперты называли мюзиклы. 66% экспертов считают эти постановки интересным событием в московской театральной жизни («Очень понравилось, мюзикл — нечто новое в московском театре»); однако 34% экспертов считают, что это — копирование не лучших образцов западной культуры, которые не стоят того, чтобы их смотреть в Москве.

Из драматических московских театров лидируют: Малый театр («Царь Фёдор Иоаннович», «Царь Пётр и Алексей»), Театр на Таганке

(многим экспертам «нравятся все пьесы в постановке Любимова»), «Сатирикон» («Сирано де Бержерак», «Служанки», «Шантеклер», «Ромео и Джульетта», «Квартет» и другие. Большая часть респондентов ходит туда «смотреть работы Константина Райкина»), «Ленком» (постановки Марка Захарова и Петра Штейна), Театр им. Маяковского («Белая гвардия»), МХАТ («Игроки»), ТЮЗ («Дама с собачкой»).

Анализ результатов исследования показывает, что многие эксперты отдают предпочтение небольшим театрам и театрам-студиям и хорошо знают такие из них, как «Сфера», «Et cetera», «Школа современной пьесы», «Школа драматического искусства», «Мастерская Петра Фоменко» и др. По словам одного из участников исследования, «маленькие театры в Москве очень интересны, вся труппа заражена идеей режиссёра, артисты всё делают с энтузиазмом, легко воплощают новые тенденции».

Российское изобразительное искусство чаще всего ассоциируется в сознании экспертов с художниками-авангардистами (Малевич, Кандинский, Шагал). Как выразился один из экспертов, «авангард не мог бы сформироваться в отрыве от революции, революционного сознания, он просто не мог возникнуть нигде, кроме России». Более 75% участников исследования среди известных художественных галерей и музеев Москвы называли Музей изобразительных искусств имени Пушкина и Третьяковскую галерею, которые лично посещали. Вот их отзывы об увиденном там: «Это одни из лучших коллекций в мире, очень высокого класса», «Очень хорошо, профессионально организованная экспозиция», «Прекрасные коллекции, невозможно осмотреть за один раз» (о музее имени Пушкина), «Очень часто бываю, нравится потрясающая живопись XVII — XIX вв.», «Здесь собрание настоящего русского искусства», «Для меня это было открытием русского искусства». Часто упоминаются выставки в Центральном Доме художника на Крымском валу («Там проходит много интересных выставок», «Была интересная выставка русского авангарда»).

Популярностью пользуются такие музеи, как: Московский Кремль, Оружейная палата, Исторический музей («Хорошо, что его открыли, такой музей просто необходим любому большому городу», «Очень интересно, но хотелось бы, чтобы он был больше»), Музей современного искусства («Очень интересная экспозиция, мне вообще нравится современное искусство»), «Малый Манеж» («Самый модный выставочный зал в Европе, участие в выставке там для художника — большая честь»), Музей архитектуры имени Щусева, Музей современной истории России (бывш. Музей Революции), Политехничес-

кий музей, Парк Победы и Музей на Поклонной горе («О нём не все знают, но его обязательно надо пропагандировать») и др. Эксперты называют также Музей-квартиру А.П.Чехова, Музей-квартиру В.В.Маяковского, Дом-музей А.С.Пушкина, Музей-квартиру Ф.М.Достоевского, Музей-квартиру К.С.Станиславского, Дом-музей А.М.Горького и др. По словам одного из экспертов, такого рода музеи «очень типичны для России, но для нас необычны: надо больше давать пояснений для иностранцев в таких музеях». Музеи-усадьбы в Москве и ближнем Подмосковье (Коломенское, Архангельское, Останкино) оставили у респондентов хорошее впечатление. Эксперты, увлекающиеся коллекционированием современного искусства, предпочитают ходить в небольшие частные галереи Москвы: Галерею Гельмана, Галерею Шилова, мастерские художников.

У части экспертов российская культура ассоциируется с народным искусством (народные и православные церковные праздники, всем известные русские матрёшки), с русской кухней (блины, баранки, водка). Только двое экспертов упоминают российскую науку: один — историческую (Карамзин и Рыбаков), другой — космические исследования (Циолковский).

В качестве примеров российских праздников опрошенные вспоминают о народных гуляньях, проходивших в День Победы — 9 Мая («Весело, шумно, стихийный праздник»), на Масленицу («Настоящий русский праздник, мне было интересно смотреть»), на Рождество («Понравилось празднование Рождества в Коломенском»), в День города («Такое бывает во многих городах, но не так пышно, я удивилась»), в День св. Патрика («Весёлый праздник, мне про него рассказывали, а теперь я сам его увидел»).

По уровню проведения и организации крупных культурных мероприятий все эксперты ставят Москву в один ряд с крупнейшими культурными центрами мира: «Москву можно сравнить с самыми крупными городами мира по богатству культурной жизни»; «Подобное можно увидеть и в других городах мира, но, пожалуй, только в крупных мировых центрах, таких как Лондон, Париж, Нью-Йорк, к которым теперь принадлежит и Москва», «То, что я до сих пор видел в Москве (театры, выставки), сопоставимо только с культурными событиями самых известных городов мира».

Сопоставление с мировыми культурными центрами (Лондон, Париж, Берлин, Нью-Йорк) чаще оказывается в пользу Москвы («Если сравнивать с Лондоном, в Москве более бурная культурная жизнь в

целом», «Качество спектаклей, на мой взгляд, в Москве лучше», «В других странах тоже ставятся балеты, есть подобные спектакли, но в Москве они на особо высоком уровне», «В Москве культурный выбор богаче»).

Однако часть респондентов считает, что массовые празднования «происходят слишком помпезно, нет чувства меры» (эксперт из ФРГ), организация крупных культурных мероприятий в Москве пока уступает другим культурным центрам: «В Париже и Нью-Йорке таких событий больше по количеству и по числу людей, которые их посещают» (эксперт из США о проведении международных фестивалей), «Часто ощущается недостаток денег у организаторов культурных мероприятий». Отмечаются также организационные и бытовые неудобства, с которыми приходится сталкиваться при посещении культурных мероприятий, хотя сами мероприятия не вызывают никаких нареканий: «Масса неудобств создаётся для зрителей, начиная с невозможности парковки у театров», «Недостатки в Москве скорее технического плана — состояние театров, зданий», «Город очень большой, многие театры, особенно небольшие, расположены так, что туда долго и неудобно добираться», «Часты изменения программ и отмена спектаклей, при этом невозможно получить информацию заранее», «Мало информации о действительно интересных событиях, информация специально рассчитана «на иностранцев», «В кинотеатрах нет фильмов с титрами, иностранцам трудно их понимать».

Ряд экспертов, сравнивая Россию с другими странами, выражают удивление в связи с такой концентрацией активной культурной жизни в столице: «Масштабы несравнимы, в Москве сосредоточено всё», а в остальных городах, по их мнению, «крайне редко что-нибудь происходит, и уровень не выдерживает сравнения».

В Москве, считают эксперты, за последние годы исчезло самодеятельное народное творчество (в отличие от западных стран, где такие формы участия людей в культурной жизни, наоборот, развиваются). А ведь оно могло бы заинтересовать многих работающих в городе иностранцев как способ изучения русской культуры «на собственном опыте» (пение русских песен, участие в любительских спектаклях и т.п.).

В то же время в высказываниях большинства экспертов чувствуется интерес к современным формам культуры и искусства: «Меня очень увлекает поиск новых прочтений, нового взгляда, новых путей в искусстве», «Современное искусство часто несёт в себе что-то неожиданное, это захватывает». Кроме того, у ряда экспертов есть в

Москве знакомые художники, театральные деятели, музыканты, и это усиливает их интерес к тому, что происходит в области культуры и искусства: «Мне нравится встречаться с художниками, бывать в их студиях», «Москва — город художников, я люблю наблюдать за их работой».

Каковы же культурные предпочтения самих москвичей в сравнении с экспертами-иностранцами? Исследования Московского института социально-культурных программ показывают, что более 40% москвичей проводят досуг у телевизора, за домашними делами, на дачном участке либо отдыхая на диване. При этом лишь 25% читают, слушают музыку, рисуют, играют на музыкальных инструментах, пишут стихи, занимаются спортом, посещают культурно-досуговые учреждения (КДУ). Театры, музеи, кинотеатры, парки культуры и отдыха большинство опрошенных жителей столицы посещают всего несколько раз в году, а выставочные залы, библиотеки, концертные залы, консерваторию, дворцы и дома культуры, клубы по интересам, спортивные залы, стадионы — никогда (!).³ Среди важнейших причин непосещения — другие интересы, дорого, нет свободного времени.⁴

Из музыкальных предпочтений у молодёжи лидируют стили диско, поп и рок, а затем уже балет, симфонии, авторская песня, органная музыка. Хоровая и народная музыка — в конце списка предпочтений. Художественная литература, больше всего интересующая молодых москвичей, — это фэнтези, юмористические рассказы, русская классическая литература, исторические романы, мировая классика, детективы, поэзия, и замыкает перечень публицистика. Из музеев — художественные, исторические, восковых фигур, дома-музеи знаменитых людей, затем частные музеи и естественных наук. Музеи музыкальной культуры и краеведческие — в конце перечня.⁵

Сравнение российских культурных предпочтений экспертов-иностранцев, их мнений о российской и московской культуре с культурными предпочтениями столичной молодёжи позволяет сделать вывод о том, что первых в Москве интересуют лучшие самобытные и в то же время общечеловеческие образцы искусства и культуры, а вторых — в основном не лучшие зарубежные образцы и их российские римейки. Если этот интерес молодых жителей столицы станет определяющим в культурном образе россиян, и в частности москвичей, то российское, московское искусство, культура может стать в скором времени лишь элементом истории.

Основными источниками информации для иностранцев, работающих в Москве, о событиях её культурной жизни являются различные СМИ. 48% респондентов пользуются специализированными печатными СМИ. Самым популярным изданием среди них является журнал «Афиша», так как «в этом журнале пишут обо всём и хорошо», «здесь очень полная информация». Были упомянуты газета «Культура» и журнал «Досуг», а также различные буклеты, которые продаются в театральные кассах. 40% респондентов пользуются неспециализированными печатными СМИ, где можно найти информацию о культурной жизни столицы: это «The Moscow Times», «Коммерсантъ» и специальные рубрики большинства ежедневных и еженедельных московских газет.

Более половины участников исследования называют в качестве источников информации телевидение (телеканал «Культура», а также информацию утренних каналов), радио («Эхо Москвы»), в меньшей степени Интернет (электронные версии телеканалов, сайты радиостанций, электронная версия журнала «Афиша», различные ленты новостей).

Театральные афиши на улицах города и в публичных местах упоминает как один из источников информации относительно небольшое число опрошенных — 18%. Некоторые получают персональные приглашения посетить различные события культурной жизни Москвы, и, кроме того, при посольствах работают специальные службы, где они при желании могут узнать практически всё о проходящих культурных мероприятиях.

Ещё одним источником информации являются советы московских знакомых, друзей или коллег по работе, иногда — советы других иностранцев, проживающих в Москве.

65% опрошенных считают, что в архитектурном плане «Москва очень специфичный город, её нельзя сравнивать с другими западными городами»; 23% думают, что «Москва немного напоминает крупные западные города, но всё же отличия очень велики», а 12% — что «Москва во многом близка к другим крупным западным городам, хотя и отличается от них». Основное число экспертов, даже если им не просто воспринять своеобразие московской архитектуры, видят причину этого в крайней непохожести российской столицы на большинство крупных городов Запада. По словам одного из них, «Москва странный, непростой город, нужно время, чтобы его полюбить».

Позитивным, с точки зрения респондентов, считается сочетание традиционного и нового на улицах Москвы: «В Москве есть очень

русские районы, а есть кусочки Сити» (эксперт из Великобритании); «В Москве представлены все стили, всё перемешано (и старые церкви, и огромные советские дома, и усадьбы европейского стиля) — и это нравится» (эксперт из США); «Немного напоминает Берлин — там тоже происходит смешение стилей, и Лондон — широтой улиц» (эксперт из ФРГ). «Москва — очень красивый город, он очень гармонично вписан в ландшафт», «Москва очень изменилась за последние годы, сейчас уже жилые дома строят иначе — они стали больше, но благодаря декоративным элементам не давят, они становятся более человечными», «Специфику Москве придаёт обилие православных храмов, очень красивых и декоративных; ... но по-настоящему поражает соединение стиля модерн и русского православного наследия, здания в стиле арт-нуво — рубеж XIX — XX вв.; настоящий шедевр — гостиница «Метрополь», «Москва — очень русский город, здесь всё так намешано, но в этом как раз и проявляется русская специфика».

В то же время негативную оценку у ряда экспертов вызывает ситуация, «когда современные здания стоят рядом со старыми, это портит вид», «облик города несколько странный, бессистемное смешение стилей, нет единства». Главной проблемой при восприятии архитектурного облика города становится «сочетание несочетаемого»; «Крайне безвкусный город, с архитектурной точки зрения; такое впечатление, что все здания не на своих местах; ... даже если есть отдельные красивые дома, всё вместе смотрится всё равно плохо» — эксперт из Японии; «У меня такое чувство, что сначала построили новые большие дома, здесь, в центре, а потом между ними стали втискивать старые особняки, церкви... и непонятно, зачем, потому что результат получился ужасный» — эксперт из ФРГ; «Новые дома с башенками типа турецких минаретов — это совсем не московский стиль» и т.д.

Большинство экспертов высказывали мнение, что «надо следить за новостройками, чтобы они не портили классический пейзаж, строить их там, где они будут сочетаться, а не дисгармонизировать со старыми зданиями; «Москва имеет свой колорит и должна его сохранить», «сегодняшний постмодерн во многом не функционален, много чистого украшения, в Европе время увлечения этим уже прошло, но было очень распространено». В качестве примеров неудачных архитектурных решений респонденты называли спальные и промышленные районы, а также районы новой застройки в пределах Садового кольца, причём чаще всего упоминается Новый Арбат («ужасен, не сочетается ни с чем», «никак не вписывается в Москву»), а также торговый комплекс «Охотный ряд» (или Манежная площадь в

целом). Эксперты считают, что это место «не соответствует духу Москвы», «с претензией на классику, но никогда не станет классической», «витрина московского снобизма». Некоторые эксперты наряду с ТК «Охотный ряд» упоминают Центр международной торговли и современные здания на Тверской улице.

Однако безусловным достоинством облика города в целом участники опроса считают озеленение: Москва — «зелёный» город, «радует, что на улицах растут деревья и что их много»; «даже то, что строятся большие, многоэтажные дома, в которых должны жить люди, — это не всегда плохо, так как остаётся больше места для разных парков, скверов, во дворах тоже много зелени». Только 12% участников исследования считают, что в Москве экологическая ситуация хуже, чем в других крупных городах развитых стран. Чаще всего такое мнение основывается на недостаточной информированности и на подозрениях, что «власти скрывают данные о том, что происходит с экологией». Примерно 33% считают, что экологическая ситуация в Москве почти такая же, как в «Вашингтоне, Берлине, Гамбурге, Лондоне, воздух здесь достаточно грязный, но в Лондоне такой же; спасают только парки»; «мусора на улицах меньше, чем в США, но больше, чем в Европе». Перечисляя негативные экологические факторы, многие эксперты в этой группе также подчёркивают плохое состояние машин и загрязнённость Москвы-реки («Я часто бываю у реки, у нас офис близко от набережной, это очень грязная река»). Эксперты, которые бывали в Москве раньше, часто говорят о том, что, с одной стороны, город стал чище и наряднее, но это касается главным образом центра, с другой — в районах ситуация стала хуже: «Некрасиво, грязно, куча каких-то палаток и лавок».

Среди любимых парков — Сокольники, Измайлово, Коломенское, Царицыно, Лужники, Воробьёвы горы, Серебряный Бор («В парках очень приятно гулять и отдыхать, часто бываю в Сокольниках, в Измайлове тоже, иногда с друзьями ходим»). Знают эксперты и ЦПКиО им. Горького, но этот парк не пользуется большой популярностью: «Там довольно чисто, но слишком много народа всегда, шумно, очереди вокруг», «Раньше бывал, а теперь считаю его небезопасным, много пьяных компаний», «Это совсем не парк, аттракционы всякие, но, наверное, детям нравится». Многим по душе расположенные в центре Москвы Александровский сад, сад «Эрмитаж», бульвары и скверы возле посольств: «Там так тихо и приятно отдохнуть среди зелени и цветов, как будто ты не в центре Москвы». Московский зоопарк, по мнению интервьюируемых, значительно выиграл после реконструкции, но всё-таки он «маленький и тесный».

Нарекания вызывает проблема транспорта. Общественный транспорт как часть культурного облика города в целом оценивается более позитивно, чем возможность передвижения по нему на личных автомобилях: «Общественный транспорт в Москве — один из лучших в мире». Наиболее позитивные впечатления у экспертов связаны с московским метро, однако, по мнению опрошенных, «в метро стало как-то грязнее, в вагонах надписи, наклейки, полы, сиденья часто запачканы». Многих не устраивает качество вагонов: «Поезда в метро могли бы быть новее и менее шумными». Но главное, на что обращают внимание эксперты, это духота: «Метро красивое, старые станции, но очень душно», «В метро утомляет то, что очень много времени проводишь под землёй, иногда кажется, что нечем дышать, особенно когда утром много народу», «В метро не хватает вентиляции, может быть, просто система старая, плохо работает».

И, наконец, подавляющее большинство иностранных респондентов — 92,5% — считают, что отношение к ним со стороны москвичей положительное. Они говорят, что жители Москвы в основном «доброжелательны», «готовы помочь», «открытые люди», «хорошие друзья». Но при этом экспертов беспокоят проявления национализма, вымогательство милиционеров на дорогах и незнание москвичами в большинстве своём какого-либо иностранного языка.

¹ По информации Комитета по туризму города Москвы // АиФ-Москва. — 2006. — № 32.

² По результатам анализа материалов исследования «Образ Москвы», в котором приняли участие зарубежные респонденты — представители иностранных компаний, фондов и т.д.

³ Иванов В.Н., Сергеев В.К., Худяков С.И. Москва и москвичи: Актуальные проблемы социально-культурной сферы. — М., 2003.

⁴ Сергеев В.В. Человек и музыка. — М., 2003.

⁵ Иванов В.Н., Сергеев В.К. Москва: Культура — это мы. — М., 2003.

Тютчевская историософия: содержание и специфика

*ТАРАСОВ Борис Николаевич,
ректор Литературного института
им. А.М. Горького,
доктор филологических наук*

В журнале «Новый мир» № 5 за 2004 год опубликована статья С.Г.Бочарова «Тютчевская историософия: Россия, Европа и Революция»¹, посвящённая выходу в свет 3-го тома (с историософскими и публицистическими работами) Полного собрания сочинений и писем Ф.И.Тютчева. Мы посчитали необходимым откликнуться на эту публикацию, поскольку она затрагивает важные вопросы как нашего восприятия «прошлого русской мысли», так и непосредственно связанные с ним проблемы современной духовной, точнее сказать, интеллектуальной и общественной жизни (включая идеологию и политику). С.Г.Бочаров справедливо отмечает, что сегодня акцентированная поэтом имперская тема «по-новому — актуальна» (с. 187), упоминает «новомирские» статьи Ю.Каграманова «Империя и ойкумена» (1995, № 1) и В. Сецдерова «Россия — Империя или Россия — Царство?» (2004, № 2), утверждает, что с точки зрения идеи *Translatio Imperii* в «холодной войне» решался вопрос первенства одной из сверхдержав, намекает на «новую либеральную утопию «общечеловеческого государства» по ту сторону истории, за которым угадывается США как современная мировая империя. Таким образом, вскользь констатируется имперская реальность, скрывающаяся за лукавой риторикой и пропагандой демократии, прав человека, национального самоопределения и т.п. плутократические интересы и борьбу за мировые ресурсы.

Между тем вся мировая история состоит именно из соперничества тех или иных мировых империй, включая и последние два века (Наполеон, Россия, Англия, Бисмарк, Гитлер, СССР, США), несмотря на искренне исповедуемые или искусно разогреваемые идеи демократии или капитализма, социализма или коммунизма, цивилизованного общества или общечеловеческих ценностей.

Глядя на нарождающуюся исламскую империю (географическая удалённость и существующие разногласия её субъектов в создавшейся «дуге» носят временный и относительный характер) или китайскую (коммунистическое идейное наследие играет в ней служебную роль),

приходится ещё раз убеждаться в том, что «имперская тема» глубоко укоренена в человеческой природе и так или иначе определяет «ход» истории и её возможный «конец».

Затронутые С.Г.Бочаровым проблемы важны и в том отношении, что подвигают к осмыслению ответов на вопросы, задаваемые им с помощью поэтических строк в конце статьи: «Два места из русской поэзии вбирают в себя вопросы, заданные историософией Тютчева и, надеемся, историей «окончательно» не решённые.

Первое — из Пушкина:

«Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? Вот вопрос».

Второе — из Тютчева:

«Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?».

Однако — парадокс — на подобные вопросы в тютчевских текстах 3-го тома и соответственно в комментариях к ним содержатся различные варианты ответов, которые как бы не замечаются рецензентом. «Великий тайнозритель природы, — заключает протоиерей Георгий Флоровский, — Тютчев и в истории оставался прозорливцем. Политические события были для него тайными знаками, символами подспудных процессов в глубинах. По ним он разгадывал последние тайны исторической судьбы... История обращалась для него в Апокалипсис»². Именно прозорливость такого рода, основанная на прорицании «подспудных процессов в глубинах», которые «невидимо» связаны с текущими событиями и явлениями на поверхности социальной жизни и претворяют их в тот или иной результат и исход, и давала поэту возможность предсказывать впоследствии совершившиеся, совершающиеся на наших глазах или ожидающие будущие поколения исторические повороты. «Ближайший исход так же невозможно предугадать, — писал он об историческом процессе, — как нельзя предугадать, какая будет погода через неделю, но что касается окончательного результата, то это совсем иное: он может быть вычислен, как вычисляют затмение, которое произойдет через пятьсот лет»³.

Такая «дальнозоркая» методология (с исполинским размахом её временных рамок и глубинным христианским контекстом) оказывается принципиально антиутопичной, в высшем смысле реалистичной и, если угодно, по большому счёту прагматичной, позволяет угадывать и не столь отдалённые исходы и верно оценивать конкретику текущей жизни. Гоголь, осуждая либерально-позитивистскую предвзятость и узость и словно присоединяясь к Тютчеву, обращался к современному историку: «Вооружился взглядом современной близорукости и думаешь, что верно судишь о событиях! Выводы твои — гниль; они сделаны без Бога. Что ссылаешься ты на историю? История для тебя мертва, — и только закрытая книга. Без Бога не выведешь из неё великих выводов; выведешь одни только ничтожные и мелкие»⁴.

В свете актуальности имперской темы и, так сказать, перераспределения имперских амбиций уроки «длинной», объёмной и одновременно предельно конкретной тютчевской мысли трудно переоценить. Если, конечно, Россия собирается оставаться полноправным субъектом мировой истории на основе глубинного самосознания и разумной опоры на своеобразные достижения собственной цивилизации (с учётом столь же своеобразных её провалов), а, действительно, не иссякнуть и не раствориться, став поначалу объектом приложения сил и интересов других империй, незначительной фигурой на шахматной доске. Пророча один из вариантов развития событий (осуществившийся, но как бы не до конца, подлежащий пока ещё трезвому осознанию и исправлению) и словно отвечая за полтора века С.Г.Бочарову, Тютчев писал 11 октября 1855 года М.П.Погодину: «Теперь, если мы взглянем на себя, то есть на Россию, что мы видим?.. Сознание своего единственного исторического значения ею совершенно утрачено, по крайней мере в так называемой образованной, правительственной России». В письме И.С.Аксакову от 7 октября 1866 года он повторяет: «В правительственных сферах, вопреки осязательной необходимости, всё ещё упорствуют влияния, отчаянно отрицающие Россию, живую, историческую Россию, и для которых она вместе — и соблазн, и безумие...». Более того, он обнаруживает, что «наш высоко образованный политический кретинизм, даже с некоторою примесью внутренней измены, может окончательно завладеть страной и что «клика, находящаяся сейчас у власти, проявляет деятельность положительно антидинастическую. Если она продержится, то приведёт господствующую власть к тому, что она <...> приобретёт антирусский характер». Тогда России грозит опасность погибнуть от бессознательности, подобно человеку, который утратил чувство са-

мосознания и держится на чужой привязи: «государство бессознательное гибнет...»⁵.

Декларативно соглашаясь с Тютчевым в том, что Россия может погибнуть от бессознательности, и призывая к трезво-сознательному отношению к «нашей идейной истории», сам С.Г.Бочаров остаётся на оценочной, а не на аналитической почве. А какой, казалось бы, материал для понимания и анализа только в вышеприведённых цитатах о «высоко образованном политическом кретинизме» и чужой «привязи», не говоря уже о всей системе тютчевской мысли! Но в трактовке темы «Россия и Революция» рецензент упрекает Тютчева в отсутствии должной пронизательности (при наличии огромного материала, свидетельств и фактов прямо противоположного свойства!). Более того, историософские построения поэта он вслед за французским дипломатом и публицистом XIX века Полем де Бургуэном характеризует как «бредни <...> воистину исполинские».

Подспудный упрёк в недостаточной трезвости и сознательности, адресуемый Тютчеву, рецензент относит и к комментариям 3-го тома, поэтому имеет смысл коротко остановиться на собственном рецензионном компоненте статьи С.Г.Бочарова. Рецензент высоко оценивает включённые в этот том новые переводы, за которые, по его словам, «мы благодарны», отмечает «обширность и подробность», «серьёзную обстоятельность» комментариев, составивших, как он пишет, целую книгу о русском мыслителе. Однако ни идейно-политический, ни историко-литературный, ни текстологический состав этой «книги», ни последовательность ее внутренней логики, ни рассмотрение в ней принципиального иерархического соотношения христианской метафизики, духовно-нравственной антропологии, историософии и текущей социально-политической действительности, ни многие другие освещённые в комментариях стороны тютчевских размышлений не затрагиваются рецензентом, хотя он косвенно свидетельствует адекватности комментариев тютчевскому тексту неточно использованным словом. Между тем в «книге Бориса Тарасова» нет ни восхвалений, ни адвокатских интонаций, ни каких бы то ни было оценочных эпитетов, не говоря уже о превосходных степенях. Стало быть, под апологетичностью следует разуметь, видимо, объективность комментариев, первой и главной задачей которых является, собственно говоря, передача по возможности всей полноты и сложности комментируемого автора. Таковы условия жанра.

Однако С.Г.Бочаров полагает, что в комментариях должно присутствовать «проблемное заострение», рассмотрение того, как «злая ирония истории» поработала с историософскими «грёзами» Тют-

чева, обрушила и перевернула с ног на голову его «прогнозы» и «предсказания». Для заострения прогнозов и предсказаний поэта понадобилась бы ещё одна «книга», но уже в другом жанре (в комментариях подчёркнуто, что в их задачу не входит анализ того, какие его пророчества сбылись, какие ещё нет, а какие сбудутся). Главное же не в этом, а в том, что вся целостная система тютчевской мысли представляет собой, если так можно выразиться, постоянно действующее пророчество, отвечающее на многие, в том числе «заострённые» рецензентом вопросы мировой и отечественной, прошлой и современной истории. Но эта система зачастую не улавливается, не артикулируется и даже сознательно или бессознательно редуцируется по самым разнородным пристрастиям, что вольно или невольно приводит к не вытекающим из неё «заострениям».

Вот и С.Г.Бочаров считает своей необходимой задачей восполнить единственный сформулированный им пробел в комментариях — отсутствие «критического взгляда на тютчевскую систему мысли». При этом широкий горизонт и одновременно конкретно-предметный религиозный, антропологический, историософский (с «борьбой во всё её исполинском объёме и развитии») текст и контекст в построениях поэта сокращаются до обозначения политико-идеологических проблем и констатации русско-советских и имперско-революционных метаморфоз отечественной истории, внутренние закономерности которых как раз Тютчевым и предсказаны, что не замечается рецензентом.

С.Г.Бочаров сравнивает публицистику Тютчева с одной разветвлённой мыслью, в которой есть звено центральное, тезис самый ответственный, и этот тезис — «Россия и Революция». Выделение из всей цепи, т.е. системы, лишь одного звена, пусть сколь угодно важного и в каком-то отношении центрального, можно уподобить сосредоточенности не на целом дереве «разветвлённой мысли» поэта, а на её самой крупной, бросающейся в глаза с определённой точки зрения ветви, чьё истинное или ложное цветение или увядание на том или ином этапе роста рассматривается безотносительно почвы, корней, движения соков, окружающей среды... Однако историософией Тютчева заданы и вобраны не только вопросы о судьбе «Русской звезды» и о связанных с ней революционных метаморфозах, но и другие, более фундаментальные вопросы, по отношению к которым этнические, этатистские или панславистские проблемы занимают подчинённое положение. Здесь вспоминаются слова И.В.Киреевского о том, что малейшее отклонение в прицеле кладёт пулю в другую мету. Отклонение в прицеле укорачивающей и смещающей методологии и

приводит «критический взгляд» рецензента к изменению перспективы всей системы, к «оптическому обману».

С.Г.Бочаров совершенно справедливо заявляет, что Тютчев одним из первых не только у нас, но и в Европе так мощно понял Революцию «не только как политический факт, но как духовную силу, вступившую в историческую борьбу с духовной силой христианства и «перехватившую» у христианства его идеи и священные ключевые слова («братство») <...> первый у нас в своей философской с нею борьбе овладел пониманием размера и сущности этой силы (с. 185 — 186). Тогда сразу же возникает вопрос, как в одной голове может совмещаться столь мощное понимание такой исторической борьбы во всём её исполинском размахе и развитии с историософскими «грёзами» и «исполинскими бреднями»? Почему, как, в какой момент это мощное понимание глубинных и сложных процессов теряет вдруг «трезвость» и «сознательность» и начинает «пьянеть» и «бредить»?

Для положительной или отрицательной оценки пророчеств поэта стоило бы раскрыть внутреннюю логику никогда не прекращавшейся «исторической борьбы», рассмотреть вызревание, рост и укоренение революционных начал в процессе раскола Вселенской Церкви, противостояния «истинного» и «испорченного» христианства, соперничества «законных» и «незаконных» империй взаимосвязи католицизма, протестантизма и атеизма и т.п., о чём сам Тютчев пишет достаточно много. Однако вместо этого, вместо освещения «исторической борьбы с духовной силой христианства» на протяжении веков, вплоть до сегодняшнего дня, речь заходит о «романтической спиритуализации» Революции. А таковая спиритуализация уже по определению несёт в себе односторонность и чрезмерность и — ещё одно противоречие — трудно соотносится с признаваемым за Тютчевым пониманием истинного масштаба и подлинного смысла Революции. Поэт увидел Революцию, замечает рецензент, как её живое олицетворение, мифологическое существо. «Один из наследников тютчевской мысли, Константин Леонтьев, даст позднее такое ей описание: «представление мифическое, индивидуальное, какая-то незримая и дальновидная богиня, которая пользуется слепотою и страстями как самих народных масс, так и их вождей для их собственных как бы сознательных целей». Дальновидная богиня! — дальше видевшая, как окажется, автора «России и Революции». Дальше ли? Вот вопрос. А как же тогда быть с декларированным пониманием размера и антихристианской сущности «незримой богини» в публицистике Тютчева? С его трезво-сознательным обозначением главных страстей не только вождей и народных масс, но и «идеоло-

гов» и «книжников», «интеллигенции» как орудий и точек приложения «адских сил» Революции?

Из раскрытой Тютчевым революционной «глубины» с её «адскими силами» рецензент, как бы сжигая этапы и опуская всю духовно-историческую борьбу, делает скачок в область видимой части айсберга, переходит на поверхность социально-политических столкновений и выделяет один из прикладных результатов в деятельности «незримой богини» — «терзающие Запад классовые войны». Поэт, пишет С.Г.Бочаров, теоретически заговаривал — заклинал эти войны, приравнял Революцию к судьбе Европы и отмежевал её от судьбы России, которая как наследующая Византии христианская империя (вместе с объединённым славянством Восточной Европы) должна ответить на вызов революционной «глубины» и её «адских сил». Возможное образование такой империи со столицей в Константинополе рецензент и называет «исполинскими бреднями», над которыми посмеялась «незримая богиня. По иронии истории «главная идея Тютчева о России и Революции потерпела историческое поражение в 1917 году. Россия и Революция совместились, революция стала судьбой России. Славянской его идее ещё предстояло дальнейшее испытание».

Тютчев неоднократно настаивал, что как «духовенство без Духа есть именно та обуявшая соль, которую солить нельзя и не следует», так и «вещественная сила» Власти без сверхъестественной божественной основы, без глубокого нравственного сознания и примера «обессоливается» и обессиливается, подпадая под все нигилистические следствия антропоцентрического своеволия. И лишь при сохранении надлежащей иерархии и соподчинённости между «духом» и «телом» можно говорить о «Святой Руси» как прямой наследнице «венца и скиптра» Византии.

В представлении Тютчева Россия оставалась в XIX веке практически единственной страной, которая пыталась ещё жить «с Богом», сохранять высшую божественную легитимность верховной власти в самодержавии и духовные традиции византийского христианства, не растерять свою самобытность восточной державы, опирающейся на религиозно-нравственный фундамент православия. По его убеждению, государственное будущее и мировое призвание России зависит именно от полноты осознания и действенного сохранения православной основы её исторического бытия и цивилизационного своеобразия. Поэт пишет, что, по Божественному Промыслу, Восточная Церковь настолько соединилась с особенностями государственного строя и внутренней жизнью общества, что стала высшим

выражением духа нации, «синонимом России», священным именем Империи», «нашим прошедшим, настоящим и будущим». Он подчёркивает, что благодаря такому положению вещей его страна пока ещё обладает главным — нравственным могуществом, которому должны служить и подчиняться материальная сила и физическая мощь, и возможностью, оставаясь на своём историческом месте, трезво-сознательного отношения к революционным авантюрам на Западе.

По заключению Тютчева, в «теперешнем состоянии мира лишь русская мысль достаточно удалена от революционной среды, чтобы здраво оценить происходящее в ней»⁶. По сходному мнению Чаадаева, не только географическое и политическое положение, но и духовная дистанция, отделяющая созерцательную монархическую Россию от беспокойного революционного Запада («Мы публика, а там актёры, нам и принадлежит право судить пьесу»), позволяет ей незамутнённым взором оценивать европейские волнения: «Я думаю, что большое преимущество — иметь возможность созерцать и судить мир со всей высоты мысли, свободной от необузданных страстей и жалких корыстей, которые в других местах мутят взор человека и извращают его суждения»⁷. Ту же логику и в тех же словах выражал Жуковский, писавший наследнику престола сразу же после получения известий о февральской революции 1848 года во Франции. «Более, нежели когда-нибудь, утверждается в душе моей мысль, что Россия посреди этого потопа (и кто знает, как высоко поднимутся волны его) есть ковчег спасения и что она будет им не для себя одной, но и для других, если только посреди этой бездны поплывёт самобытно, не бросаясь в её водоворот, на твёрдом корабле своём, держа его руль и не давая волнам собою властвовать»⁸.

Однако отмеченные Тютчевым удаление от революционной среды и здравое отношение к ней размывались постоянной подражательной оглядкой «элиты» на Запад, её нечувствием к нравственным законам жизни при ослаблении духовной вертикали, потерей иммунитета против трихин «незримой богини» Революции. И чем последовательнее рыхлилась историческая почва России, тем сильнее, как комментирует мысль К.Н. Леонтьева С.Г. Бочаров, в тютчевском трёхчлене — Россия, Европа и Революция — третий член всё более смещался в сторону первого, о чём и предупреждал Тютчев. Одну из важных причин течи в садящемся на мель государственном корабле российского самодержавия поэт видел как раз в «пошлом правительственном материализме», который в его рассмотрении не только не являлся альтернативой «революционному материализму», но становился его невольным и «невидимым» пособником. «Если власть за

недостатком принципов и нравственных убеждений переходит к мерам материального угнетения, — отмечает он «естественный» закон духовного мира, — она тем самым превращается в самого ужасного пособника отрицания и революционного ниспровержения, но она начинает это осознавать только тогда, когда зло уже непоправимо»⁹. И «только намеренно закрывая глаза на очевидность <...> можно не замечать того, что власть в России не признаёт и не допускает иного права, кроме своего, что это право — не в обиду будет сказано официальной формуле — исходит не от Бога, а от материальной силы самой власти, и что эта сила узаконена в её глазах уверенностью в превосходстве своей весьма спорной просвещённости <...> Одним словом, власть в России на деле безбожна...»¹⁰.

Духовно-нравственные законы бытия нередко воспринимались руководящими кругами как эфемерная «метафизика», а ставка делалась на «прагматизм», демонстрацию силы и доходящие до абсурда запреты недалёковидных чиновников. Тютчева не могли не корчить те особенности казённой, «полицейской» точки зрения, из-за которой устранялись от активного участия в общественной жизни люди с благородными помыслами и одухотворяющим словом в то время, когда Россия нуждалась в укреплении «нравственных сил в особенности, дабы противостоять окружающим её опасностям». Объявить преступным направление такого издания, писал он о преследовании журналистской деятельности И.С.Аксакова, издания, которое «постоянно и энергичнее всякого другого защищало все основные начала русского общества, те начала, гласное отрицание которых равнялось бы государственной измене, — это нечто близкое к безумию»¹¹.

На этом фоне Тютчева особенно удивляла «парадоксальная» зависимость власти от тирании пошлого либерализма («чем либеральней, тем они пошлее»). «Нельзя не предощущать близкого и неминуемого конца этой ужасной бессмыслицы, ужасной и шутовской вместе, этого заставляющего то смеяться, то скрежетать зубами противоречия между людьми и делом, между тем, что есть и что должно бы быть, — одним словом, невозможно не предощущать переворота, который, как метлой, сметёт всю эту ветошь и всё это бесчестие»¹². Что, собственно говоря, и произошло в 1917 году.

Можно с известной уверенностью предполагать, что, используя слова поэта, «книжный разум» и «долгое общение с неправдой» сделали прагматическую «элиту» современного мира необратимо невосприимчивой к выводам Тютчева о капитальных последствиях различных сценариев жизни «с Богом» и «без Бога». Но именно ясные

христианские критерии, пристальное внимание к первичным духовно-нравственным принципам, несоблюдение которых рано или поздно (порою и в следующих поколениях) влечёт за собою соответствующее наказание и нисходящие процессы в истории, позволяли ему за внешними событиями проследить накопление бесчестия и бессовестности, лжи и бессознательности, низких выгод и подлых замыслов, готовивших почву для прозреваемых им страшных потрясений и неслыханного варварства. И если «высший реализм Тютчева, всецело обусловленный его христианским мировоззрением» и способный пророчить даже факты, привлекать за «миф», «утопию», «иллюзию, тогда остаётся постоянно удивляться разрушительным «странностям» и двойным стандартам.

На самом деле по большому счёту христианское историческое мышление Тютчева, позволяющее обнаруживать подводные течения и соразмерно оценивать видимый ход «ужасной реальности жизни», дающее незыблемую точку опоры для воли и действия среды «праха земных интересов» и призрачной зыби явлений, чрезвычайно необходимо для осознания губительных закономерностей нашего времени.

Поэт принадлежал к числу наиболее принципиальных и последовательных критиков чисто языческой и самодовлеющей державности, равно как и дехристианизированных демократических или либеральных принципов. Потому столь многочисленны и настойчивы призывы поэта к России не изменять самой себе, своей изначальной миссии «Святой Руси», стать «Христовой службой ради» и «осенять Христов алтарь», что и означает прямое и полноправное наследование «венца и скиптра, Византии», а не геополитическую экспансию, как предполагает С.Г.Бочаров.

Тютчев предвосхищает Достоевского, который как бы задним числом иллюстрирует его мысль в статье «Утопическое понимание истории», рассматривая Константинополь не как возможную политическую столицу России и славянства, а как преемствуемый ею символический духовный град для сбережения «истинной истины, «Христовой истины»: «Итак, во имя чего же, во имя какого нравственного права могла бы искать Россия Константинополя? Опираясь на какие высшие цели могла бы требовать его от Европы? А вот именно — как предводительница православия, как покровительница и охранительница его, — роль, предназначенная ей ещё с Ивана III, поставившего в знак её царьградского двуглавого орла выше древнего герба России, но обозначившаяся уже несомненно лишь после Петра Великого, когда Россия сознала в себе силу исполнить своё на-

значение, а фактически уже и стала действительной и единственной покровительницей и православия, и народов, его исповедующих, она — покровительница их и даже, может быть, предводительница, но не владычица, мать их, а не госпожа. Нет, это будет настоящее новое воздвижение креста Христова и окончательное, не насильственное, а духовное единство, спаянное не железом, а любовью, иначе постигаются противоположные результаты». «Что до меня, — писал поэт С.С. Уварову, — я далеко не разделяю того блаженного доверия, которое питают в наши дни всем этим чисто материальным способом, чтобы добиться единства и осуществить согласие и единомыслие в политических обществах. Все эти способы ничтожны там, где недостаёт духовного единства, и часто даже они действуют противно смыслу своего естественного назначения»¹³.

И в вопросе о «русском море» и «славянских ручьях» акцентированные чисто материальные способы единства (Берлинская стена — основа объединения СССР с Восточной Европой) в системе мысли Тютчева-пророка и антиутописта без первенствующего духовного единства приносят и, как убеждаемся, принесли прямо противоположные результаты, что является ещё одним его предсказанием и уроком на будущее (и для «моря», и для «ручьев»). В письме к Е.Э. Трубецкой поэт говорит о желательности «более истинной, более сознательной, более национальной» политики официальных властей России по отношению к славянам и о предпочтительности «прямого вмешательства» в их дела расширения и углубления единящих духовных и культурных связей.¹⁴

В письме же к Л.В. Тенгоборскому Тютчев подчёркивает ещё одну важную сторону «выбора» славянских народов для будущего России и всего человечества: «Между тем подобный результат, привитие революционного принципа славянским народам имел бы для современного мира последствия, которые невозможно исчислить. Ибо в отчаянной борьбе между Россией и революцией, где обе являлись средоточием и силы, и принципов, действительно нейтральными оставались до настоящего времени только эти народы... Очевидно, что та из двух сил, которая сумеет первой привлечь их на свою сторону, собрать их под своим знаменем, эта сила, повторяю, получит больше шансов выиграть великую тяжбу, при которой мы присутствуем...»¹⁵.

Борьба между Христианством и Революцией продолжается и идёт не между правыми и левыми, капиталистами и социалистами, националистами и интернационалистами и т. д., не за права и привилегии, а, как писал Гоголь, за человеческую душу. Следует трезво-созна-

тельно отнестись (по возможности проблемно заостряя) к тому, что «злобная ирония истории», «незримая богиня», «демоническое начало», «трихины» и «микробы» склоняют ход истории ко «вторичной животности», неоварварству и языческому неоимпериализму через «тёмную основу нашей природы» и ослабление «нравственной пружины», от которой действительно зависит всё (например, присутствие на всех уровнях принятия решений и властной вертикали при одинаковых профессиональных и деловых качествах, условно говоря, Гринёвых, а не Швабриных, неузнаваемо бы выправило скособоченную картину нашей жизни).

Однако всё это невозможно без исцеления «тёмной основы нашей природы» и соответствующего стратегического выбора между волей к жизни и волей к смерти, между «просветлением» и «помрачением», между восходящим («с Богом») и нисходящим («без Бога») вариантами движения истории. И хотя надежды на такой выбор неуклонно тают, Бог не стесняет свободную волю человека и всегда оставляет шансы для достойного существования в возрождённой христианской империи среди языческих империй.

¹ Б о ч а р о в С.Г. Тютчевская историософия: Россия, Европа и Революция // Новый мир. — 2004. — № 5.

² Ф л о р о в с к и й Георгий. Из прошлого русской мысли. — М., 1998. — С. 345.

³ Литературное наследство. Т. 31 — 32. — М., 1937. — С. 738.

⁴ Г о г о л ь Н.В. Собр. соч. в 9 т. — М., 1994. — Т. 6. — С. 127.

⁵ Литературное наследство. Т. 97 (Кн.1). — М., 1988. — С. 422, 276,330, 372.

⁶ Т ю т ч е в Ф.И. Полн. собр. соч. и письма в 6 т. — М, 2001. — Т. 3. — С. 147.

⁷ Ч а д а е в П.Я. Статьи и письма. — М., 1989. — С. 157.

⁸ Ж у к о в с к и й В.А. Собр. соч. в 6 т. — СПб., 1885. — Т. 6. — С. 540 — 541.

⁹ Т ю т ч е в Ф.И. Соч. в 2 т. — М, 2001. — Т. 2. — С. 357.

¹⁰ Там же. — С.251.

¹¹ Литературное наследство. Т. 97 (Кн.1). — М., 1988. — С. 351.

¹² Т ю т ч е в Ф.И. Соч. в 2 т. — М., 2001. — Т. 2. — С. 234.

¹³ Там же. — С. 176 — 177.

¹⁴ См.: А к с а к о в И.С. Указ. соч. — С. 217.

¹⁵ Литературное наследство. Т. 97 (Кн.1). — М., 1988. — С. 539.

Культура России и Франции: исторический аспект

*КЛИМОВ Сергей Николаевич,
заведующий кафедрой Российского
государственного открытого
технического университета путей
сообщения, доктор философских наук,
профессор*

Краткий экскурс в историю свидетельствует, что культура Франции тесно связана с культурой России. Россия всегда тяготела к Франции, испытывая к ней особые чувства. Екатерина II переписывалась с основными идеологами XVIII в., века Просвещения: Вольтером, Дидро, д'Аламбером. После запрещения печатания во Франции «Энциклопедии» она пригласила Дидро в Петербург для того, чтобы тот смог продолжить издание этого труда. Долгие годы языком российской знати и аристократии был французский. Декабристы во многом наследовали от Франции идеи свободы, равенства, братства. «И хотя по темпераменту, по характеру русские больше похожи на американцев, духовно, интеллектуально им ближе всё-таки французы. Безусловно, есть какое-то сходство между французским и русским мышлением»¹, — удивительно точно подметил Алекс Москович, русский человек, ставший французским подданным и государственным деятелем.

Стремление наших культур к взаимодействию коррелируется с их особенностями. Надо, очевидно, задуматься над корнями этих особенностей. В отличие от западного менталитета, где приоритет отдаётся индивидуализму, в России огромную роль играет феномен общины. «Русский дух утвердил навсегда мирскую общину, лучшую форму общезначительности... Старая Русь потому только и могла совершить своё великое дело, что она не отрекалась от веча, сходки, мира, общины, выборов, самопредставительства и прочих... живых выражений своей силы».²

Принципиальное различие культур прослеживается и в различии ценностей России и Запада в целом. Как заметил А.И. Николаев, председатель Комитета Государственной Думы по обороне, «западная ментальность строит свою систему ценностей вокруг своего интереса, а российская — вокруг идеала, то есть Запад акцентируется на качестве жизни, а Россия — на цели жизни»³.

Во французской культуре очень сильно развиты традиции патриотизма и естественного национализма. В России же существует проблема отчуждения народа от здорового национализма и патриотизма. И сегодня актуальны слова русского философа XIX века А.С.Хомякова, который сетовал, что «...чужие понятия расстраивали нас со своими собственными. Мы отложили работу о совершенствовании всего своего, ибо в нас внушали любовь только к чужому, — и это стоило нам нравственного унижения»⁴. Ему вторил В.В.Розанов: «У нас нет совсем мечты своей родины. И на голом месте выросла космополитическая мечтательность... У англичан — «Старая Англия». У немцев — «наш старый фриц». Только у прошедшего русскую гимназию и университет — «проклятая Россия»⁵.

Очевидными являются принципиальные расхождения духовных составляющих культур Франции и России. Если в основе духовных ценностей первой лежит демократия, правовая государственность, а высшей ценностью является право, то для второй отношения между людьми регулируются «не законом, прежде всего, но нравственностью и моралью, духовностью, межчеловеческими отношениями»⁶.

Специфика российско-французских культурных взаимосвязей весьма ярко проявляется во взаимодействии и взаимном влиянии военных культур России и Франции. Корни этих связей уходят в далёкое прошлое. Французы до сих пор бережно хранят память о посещении в 1893 г. русскими моряками города Тулона, ныне являющегося главной базой средиземноморской составляющей французского военно-морского флота. «В местном музее на этот счёт множество экспонатов, в том числе свидетельство восторженного приёма, оказанного русским морякам и офицерам не только в Тулоне, но и в Париже»⁷, — пишет Ю.В.Дубинин.

Отношения Франции и России не были неизменными и одинаковыми на протяжении минувшего столетия. Периоды сотрудничества, союзничества и дружбы перемежались временами размолвок и взаимного непонимания. «Если попытаться представить графически состояние официальных франко-советских отношений до и после 1924 г., — писал Фернан Гренье, — то это будет не прямая, устремляющаяся всё время вверх линия, а кривая линия зигзагов с моментами взлётов и падений соответственно смене дружественных или плохих отношений. Если же, напротив, проанализировать чувства, выражаемые русским и французским народами, то поражает постоянство взаимной симпатии и, более того, можно совершенно обоснованно говорить о традиционной франко-русской дружбе»⁸.

Для анализа взаимосвязи военной культуры Франции и советской

военной культуры необходимо воспользоваться принципом единства исторического и логического, вычленив и исследуя в истории военно-культурных взаимосвязей наиболее существенные моменты, определяющие бытие военной культуры двух стран. В связи с этим исследование взаимосвязи военной культуры Франции и военной культуры России в XX в. целесообразно представить на примере двух мировых войн.

Сложная военно-политическая обстановка на рубеже XIX — XX вв., характеризующаяся оформлением военных коалиций и поиском союзников, объективно способствовала взаимному сближению Франции и России. Взоры французского военно-политического руководства были обращены к России в силу ряда причин.

Во-первых, Франция рассчитывала на военно-политический союз, не только исходя из временной политической конъюнктуры, но и руководствуясь устойчивыми военно-экономическими интересами.

Во-вторых, геостратегическое положение благодаря мощным ресурсам России и военной промышленности Франции позволяло «распылить» силы Германии на 2 фронта.

В-третьих, сотрудничество давало возможность не только обеспечивать собственные военные потребности, но и равномерно распределять тяготы подготовки к войне между союзниками. Именно эти факторы и обусловили образование в 1907 г. Антанты — союза Франции, России и Англии. При этом Франция и Россия играли определяющую роль на европейском континенте.

Следует отметить, что действия высшего государственного и военного руководства союзников не всегда осуществлялись в обстановке полного согласия. Насущные вопросы решались, как правило, с учётом в первую очередь интересов собственного государства, зачастую при игнорировании намерений и возможностей союзника. Противоречия проявлялись в области разработки согласованной военной политики, военно-стратегического планирования, а также в решении других, не менее важных вопросов.

Необходимо подчеркнуть, что взаимодействие военной культуры России и военной культуры Франции в начале XX в., характеризующееся гармоничным сочетанием структурных компонентов военной культуры общества, военной культуры государства и военной культуры армии, осуществлялось в рамках военно-политического, военно-экономического и военно-технического сотрудничества, на уровне взаимосвязей теории и практики военного строительства.⁹

Основу франко-русского военно-политического сотрудничества составляли следующие принципы: самостоятельность военной по-

литики государств с возможной корректировкой в рамках военной коалиции; совместное обсуждение и решение вопросов международного плана; направленность военно-политических усилий на распыление сил и средств Германии между Востоком и Западом; координация действий Франции и России в подготовке вооружённых сил и театров военных действий к войне.¹⁰

К важнейшим направлениям военно-технического сотрудничества следует отнести: военно-техническую помощь и содействие в техническом оснащении войск; обмен военно-технической информацией; взаимный обмен военными специалистами. Давние традиции Россия и Франция имели в области обмена научно-технической информацией и военными изобретениями. За период с 1890 по 1914 гг. французы предоставили в распоряжение русской армии несколько десятков военных изобретений, среди которых чертежи и документация по испытанию ручных осколочных гранат, чертежи лёгкого моста системы Флери и другие. В свою очередь русские коллеги предоставили сведения о новых артиллерийских прицелах, производстве бездымного пороха.

Тесные контакты русских и французских военных сказались на становлении таких новых родов войск, как авиация и воздухоплавание, автомобильные и железнодорожные войска. Особенно ярко это проявилось в области авиации и воздухоплавания. Русским военным оказывалась непосредственная помощь в изучении применения воздушных средств¹¹, а французский штаб получал соответствующую информацию о формировании в России новых воздухоплавательных частей¹².

Военно-экономическое сотрудничество осуществлялось в следующих формах: определение размеров кредитования промышленности и транспорта для военных нужд; совместное решение проблем в отношении объёмов военных заказов и поставок стратегических материалов; финансовая и технологическая взаимная помощь в интересах развития военной промышленности.

Французский капитал уже активно проникал в Россию с конца XIX в. Франция регулярно предоставляла России крупные денежные займы, получая от этого доход больший, чем от национальных ценных бумаг. Россия с помощью французских капиталов смогла качественно изменить свою военную промышленность, увеличив как саму промышленную базу, так и долю акционерного капитала в ней. На этом фоне Франция получала преимущества и во внешней торговле, поскольку импорт французских товаров в Россию возрос в несколько раз. К началу первой мировой войны сумма французских инвести-

ций составляла 31,2% общих капиталовложений, тогда как 24% принадлежали Англии и 19% — Германии. Одновременно с этим французская промышленность получила весьма крупные заказы на производство вооружений для России.¹³

Для развития теории и практики военного строительства между Францией и Россией предусматривались: организация совместных работ по оперативному и мобилизационному планированию; выработка единых подходов к структуре и организации вооружённых сил; определение перспектив военного строительства; сотрудничество в подготовке театра военных действий; обмен опытом в реорганизации и перевооружении армий; взаимное изучение системы военного образования; обмен боевым опытом.

Особого внимания заслуживает взаимодействие в области подготовки военных кадров, которое предусматривало обмен военными делегациями, изучение опыта работы высших военных учебных заведений, обучение офицеров союзной армии в военных заведениях Франции и России. Знакомство с системой подготовки офицеров в русской и французской армиях началось после русско-японской войны. В 1907 г. полковник Беляев был прикомандирован в Высшую военную школу для прохождения курса «Штабы и службы в армейском корпусе». Одновременно в Николаевскую академию Генерального штаба для изучения русского курса были направлены французские преподаватели полковники Жарден и Рено.¹⁴ Начиная с 1908 г., между Высшей военной школой в Сен-Сире и Николаевской академией Генерального штаба в Петербурге устанавливаются тесные контакты. В целях обмена опытом преподавания, сближения и корректировки содержания двух направлений высшего военного образования и налаживания личных контактов между профессурой двух стран организуется система регулярного прикомандирования французских профессоров к русской академии, а русских — к французской.¹⁵ Например, в 1909 г. во французской военной академии работали русские профессора полковники Беляев и Головин.

Российские офицеры, побывавшие в то время в командировках во Франции, вспоминают о своих посещениях берегов Сены с теплотой: «Отношение к русскому офицеру всегда было очень любезным и сердечным даже со стороны совершенно незнакомых людей. В глухих деревушках во время манёвров русскому офицеру приходилось как в мэрях, так и в частных домах видеть картины из русской жизни, и отзывы всех о России дышали искренним расположением и симпатией. Даже дети и те знали, что русские их друзья и союзники»¹⁶.

К началу войны сложилась определённая система взаимного обмена офицерами — слушателями офицерских училищ союзных армий. Для углубления знаний и обмена опытом в военные училища союзника направлялись, как правило, офицеры, уже имевшие опыт служебной деятельности по той или иной специальности. Для изучения системы подготовки унтер-офицеров и рядового состава офицеры прикомандировывались в воинские части на срок от 6 месяцев до 1 года. Они решали задачи не только изучения вышеуказанной системы, но и помогали оценивать её, а также боевой и морально-психологический потенциал армии союзника. Помимо этого, прикомандирование офицеров к воинским частям способствовало обмену боевым опытом, который обе армии в достаточной степени приобрели в различных войнах.

Сближению военной культуры российской и французской армий во многом способствовал процесс взаимного изучения теории и практики ведения боя. С этой целью был налажен обмен уставами, наставлениями и другими нормативными документами. В 1912 г. французы переслали в русскую армию 4 тома «Устава боевых действий кавалерии», 2 тома «Устава артиллерии пехоты», Наставление по фортификационным работам и Инструкцию действий пехоты.¹⁷ В 1907 — 1908 гг. в России были переведены французские труды графа Ланжерона «Война с Турцией 1808 — 1812 гг.» и подполковника Гранмезона «Тактика массовых армий».¹⁸ Всё это способствовало изданию новых боевых документов для русской армии. В частности, в 1912 г. вышел в свет «Полевой устав», а в 1914 г. — «Положение об управлении войсками». Во Франции был переведён обширный труд русской военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны 1904 — 1905 гг.

Взаимный обмен военно-практической информацией позволил военным учёным добиться успехов в области развития военной теории. В этот период в России издаются «Стратегия» Н.П.Михневича, «План войны» А.А.Незнамова, «Очерки стратегии» А.Г.Елчанинова и другие труды по военной стратегии.

Взаимоуважение Франции и России проявилось в заботе о павших на полях сражений солдатах. Отечественная война 1812 г. и Крымская война 1853 — 1856 гг. оставили немало могил французских воинов в России. В свою очередь заграничные походы русской армии в 1814 г. принесли немало потерь русским войскам. И та, и другая сторона считала своим долгом проявить заботу об обустройстве могил французских и русских солдат и об установке памятников на полях сражений. В 1912 г. французская делегация во главе с гене-

ралом Ланглом де Кери присутствовала на торжествах по случаю юбилея Отечественной войны 1812 г. Памятник павшим на Бородинском поле французским воинам был сооружён на деньги, собранные французскими частными обществами.¹⁹ В свою очередь полковником Ознобишиным в 1913 г. было установлено наличие и состояние памятников русским воинам на полях Франции в 1814 г. Офицеры военно-исторического отдела Главного управления Генерального штаба поддерживали в исправном состоянии памятники и кладбища в городах Краонн, Монмераль и Шапобер.²⁰

Таким образом, следствиями взаимодействия военных культур Франции и России (главным образом на уровне военной культуры государства и военной культуры армии) явились результаты первой мировой войны. К несомненным достижениям надо отнести следующие факты: координация действий в сфере планирования позволила Франции избежать разгрома в 1914 г., а России — завершить мобилизацию в относительно благоприятных условиях; военная экономика в достаточной степени сумела обеспечить фронт вооружением и боеприпасами, а подготовленные стратегические пути позволяли доставлять пополнение материальных средств фронту; русская армия выстояла во многом благодаря внедрению в войска передовых достижений военно-технической мысли.

Своеобразие взаимодействия военной культуры Франции и военной культуры СССР ярко проявилось в годы второй мировой войны. Как и в первую мировую, Франция и Россия оказались перед лицом одного и того же врага — Германии. Однако к началу второй мировой войны французы опирались лишь на союзнические обязательства Англии,²¹ не располагая поддержкой со стороны СССР. С учётом идеологических и политических причин взаимодействие военных культур государств было формально-номинальным. Франко-советский договор 1935 г., имевший перспективу спасения Франции, оказался недействительным. «В силу своей классовой слепоты французские правящие круги оторвали свою страну от того единственного союзника, который мог оказать ей действительную помощь и избавить от разгрома и оккупации, — Советского Союза», — отмечал советский историк А.З.Манфред. Как бы вторя ему, Пьер Кот, лидер левых французских радикалов, выступая в парламентской комиссии по расследованию событий минувшей войны, подчёркивал: «Мы проиграли войну, вернее, битву в 1940 г. не по причинам технического характера, мы проиграли её по причинам политического порядка... В 1939 г. мы не имели поддержки со стороны Советского Союза и ничем не могли заменить эту поддержку... Мы были побеждены не

потому, что нам не доставало трёх или четырёх сотен самолётов, ведь после перемирия осталось больше тысячи вооружённых и оборудованных самолётов... Спросите себя, сделали ли мы перед Мюнхеном и после него всё, что следовало, чтобы иметь поддержку Красной Армии и Советского Союза»²².

Подлинное взаимодействие французской и советской военных культур проявилось позже, хотя нельзя сказать, что процесс налаживания связей не вызывал никаких противоречий. После нападения Германии на Советский Союз правительство Виши ревностно и активно проводило антисоветскую политику. В июне 1941 г., когда советский посол и его сотрудники были высланы из Франции, произошёл разрыв отношений «официальной» Франции с СССР.²³ Вишисты проявляли видимое для фашистов усердие в борьбе против России, отправив на советско-германский фронт «легион французских добровольцев против большевизма». Но, с другой стороны, они понимали, «что слишком откровенная поддержка Германии может вызвать взрыв недовольства в народе»²⁴. Позиция правительства кабинета Петена ясно сформулирована в одном из выступлений главы кабинета министров Лавалля: «Я желаю победы Германии, потому что без этого завтра повсюду утвердится большевизм»²⁵.

Между тем большинство французского народа не разделяло подобную точку зрения коллаборационистов. С начала Великой Отечественной войны не желающие примириться со своим положением французы стремились к тесному сотрудничеству с Советским Союзом. В ноябре 1941 г. глава «Свободной Франции» генерал де Голль заявил, что «он больше всего хотел бы, чтобы французы сражались против немцев вместе с советскими войсками»²⁶. В 1942 г. в соответствии с соглашением между СССР и командованием «Сражающейся Франции» в составе 303-й авиационной дивизии из французских лётчиков была сформирована эскадрилья «Нормандия — Неман». Это имело большое политическое значение как для укрепления взаимосвязей между двумя государствами — Советским Союзом и Францией, так и для Франции как державы, которая воевала против Германии, оккупировавшей её территорию. Представитель Национального комитета «Свободной Франции» в СССР Гарро отметил: «Может быть, это капля воды в океане, но сердца всей французской нации с нашими солдатами, которые будут сражаться вместе со своими русскими братьями. Братство наших народов на поле битвы имело бы большое значение не только для Франции, но и для всей Европы»²⁷. Боевое содружество французских лётчиков на территории СССР подкреплялось участием советских людей во французском

движении Сопротивления. К 1944 г. на территории Франции вместе с французскими партизанами воевали 30 партизанских отрядов, состоящих из советских солдат, бежавших из фашистского плена.²⁸

Словом, взаимодействие Франции и России в годы второй мировой войны во многом было вынужденным. В борьбе против единого врага идеологические противоречия отошли на второй план, уступив место взаимному пониманию и сотрудничеству. Взаимосвязь военных культур двух государств способствовала победе над фашизмом.

Таким образом, следует подчеркнуть, что российско-французские культурные связи во многом обусловлены объективно складывающимися, преимущественно дружественными отношениями между двумя достойными друг друга государствами. В общей структуре социокультурных взаимоотношений значимое место занимают военно-культурные связи. К основным условиям развития взаимодействия военных культур России и Франции можно отнести: единство интересов; существование общих угроз и опасностей со стороны остального мира; единство фундаментальных ценностей; экономический рост; достаточно полная открытость взаимодействующих сторон.

¹ Москвич А. Времена клопов. — М., 1992. — С. 278.

² Хомяков А.С. Соч. в 2 т. Т.1. Работы по историософии. — М., 1994. — С. 517, 525.

³ Николаев А.И. На переломе веков // Независимое военное обозрение. — 2001. — № 1.

⁴ Хомяков А.С. Указ. соч. — С.452.

⁵ Розанов В.В. О себе и жизни своей. — М., 1990. — С. 421.

⁶ Россия и Европа: Кто мы? — М., 1998. — С. 32.

⁷ Дубинин Ю.В. Дипломатическая быль: Записки посла во Франции. — М., 1997. — С. 227.

⁸ Гренье Ф. 50 лет франко-советских отношений // Французский ежегодник. — 1974. — С. 38.

⁹ См.: Коробов Ю.М. Опыт сотрудничества штабов России и Франции в 1906 — 1914 гг. / Автореф. дис. канд. ист.наук. — М., 1997.

¹⁰ См.: Бovyкин В.И. Из истории возникновения первой мировой войны. — М., 1961; Зайончковский А.М. Подготовка России в мировой войне в международном отношении. — М., 1927; Манфред А.З. Образование франко-русского союза и его историческое значение. — М., 1975; Мишон Ж. Русско-французское соглашение. 1891 — 1917. — Париж, 1927; Рыбаченок И.С. Русско-французские отношения. — М., 1974;

Тарле Е.В. Франко-русский союз // Россия и её союзники в борьбе за цивилизацию. — М., 1916.

¹¹ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6918, л. 94.

¹² РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 351, л. 233.

¹³ См.: К о р о б о в Ю.М. Опыт сотрудничества штабов России и Франции в 1906 — 1914 гг. / Автореф. дис. канд. ист.наук. — М., 1997.

¹⁴ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 924, л. 53.

¹⁵ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6764, л. 50.

¹⁶ Франция: Очерк внутреннего быта французской пехоты // Сб. ГУГШ. — 1914. — Июнь. — Вып. 61. — С. 55.

¹⁷ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3406, л. 78.

¹⁸ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3355, л. 5.

¹⁹ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3394, л. 51–52.

²⁰ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3428, л. 12.

²¹ См.: М а н ф р е д А.З. Очерки истории Франции. — М., 1961. — С. 598.

²² Les événements survenus en France de 1933 à 1945 // Témoignages et documents recueillis par la commission d'enquête parlementaire. — P., 1951. — Vol. I. — P. 285.

²³ Б о г о м о л о в А.Е. На дипломатическую работу в годы войны // Международная жизнь. — 1961. — № 8. — С. 97 — 104.

²⁴ М а н ф р е д А.З. История Франции. — М., 1973. — Т. 3. — С. 248.

²⁵ А r o n R. Histoire de Vichy. — P., 1954. — P. 491.

²⁶ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 // Документы и материалы в 2 т. — М., 1983. — Т. 1. — С. 57.

²⁷ Там же. — С.75.

²⁸ См.: К о к о р и н М.А., С т р у ч к о в А.А. О боевой деятельности советских патриотов на территории Франции в 1943 — 1944 годах // Вопросы истории. — 1960. — № 3. — С. 88 — 110; Против общего врага // Советские люди во французском движении Сопротивления. — М., 1972; Les Soviétiques dans la résistance française // Cahiers du communisme. — 1960. — № 3.

Восстановление памятников культуры и зодчества Москвы после пожара 1812 г.

*СМИРНОВА Александра Геннадиевна,
и.о. доцента кафедры региональной
истории и краеведения ИАИ РГГУ,
кандидат исторических наук*

В процессе своего многовекового развития Москва менялась и продолжает меняться. Интенсивность архитектурно-градостроительного процесса исторически была обусловлена расширением и усложнением функций города, той особой ролью, которую Москва традиционно играла в российской истории, постоянным ростом территорий и населения и прочими объективными факторами. Частота и масштабы московских пожаров, вплоть до XIX в., также в немалой степени этому способствовали. Для Москвы, как и для любого исторического города, важнейшей проблемой (а для современной Москвы проблемой болезненной) является возможность сохранения исторического облика, т.е. своего собственного, уникального лица, которое отличает его от всех прочих городов. Уважительное отношение к традициям, корректное вмешательство в сложившуюся городскую архитектурную среду, не нарушающее (а тем более не разрушающее её!) понимание «души города» — вот те основы, которые должны определять направления архитектурно-градостроительной политики в исторических городах. Реконструкция Москвы, проводившаяся в XX в., и особенно интенсивно идущая в наши дни, характеризуется необратимыми процессами уничтожения её исторического облика, потерей ценной застройки (нередко и мемориальной!), грубым вторжением в складывавшуюся веками городскую планировку, нарушением традиционных эстетических канонов московского градостроительства и архитектуры. Всё это — следствие неуважения к историческому прошлому города. И до XX в. Москва подвергалась реконструкциям, в результате которых город терял те или иные характерные черты, но ни одна предшествующая эпоха в истории московского градостроительства не была связана с отрицанием его национальных исторических основ. В связи с этим нам кажется исключительно важным обращение к накопленному опыту, его изучение и осмысление.

Одной из интереснейших страниц в многовековой истории московского градостроительства является восстановление города пос-

ле 1812 г. Первые шаги по осуществлению централизованной политики в области московского градостроительства были сделаны ещё в XVIII в. Серьёзные попытки провести крупные градостроительные мероприятия в Москве предпринимались в последней четверти этого столетия. Реализация же широкой программы реконструкции пришла уже на первую треть XIX в. и была связана с одной из самых трагических страниц в истории города — с Великим московским пожаром 1812 г.

Пожар Москвы стал точкой отсчёта не только в истории освобождения древней столицы, а затем и России от французского нашествия, но и в истории восстановления и реконструкции города, хронологически охватившей второе и третье десятилетия XIX в. Известно, что первые очаги пожара появились уже в ночь на 2 сентября,¹ после того как Москву полностью покинули русские войска. Наибольшей силы огонь достиг 3 — 6 сентября и бушевал до 8 сентября. Сильнее всего пострадали Пятницкая, Пречистенская, Таганская, Городская, Сретенская, Яузская, Басманная, Якиманская и Рогожская части города.²

После ухода из Москвы французов 7-8 октября в город стали возвращаться жители. Но то, что осталось на месте одной из красивейших столиц мира, трудно было описать словами. До пожара московская застройка насчитывала 9158 домов, из них 6591 — деревянных и 2567 — каменных; уцелело лишь 2626 домов. Из 8521 торговой лавки осталось лишь 1368. Из 556 различных предприятий пожар пережили не более 40.³ Казённые здания пострадали несколько меньше, чем жилой фонд: из 387 строений уцелела половина.⁴ Примерно вдвое сократилось и число постоянных дворов.⁵

Было ясно, что для восстановления Москвы нужны планомерные централизованные действия. В феврале 1813 г. министру финансов было дано указание о выделении казной денежных средств⁶, а московскому главнокомандующему графу Ф.В.Ростопчину поручалось заняться созданием специального учреждения. Указ о Комиссии для строений в Москве был подписан императором 5 мая 1813 г.⁷ 7, 11 и 14 июня 1813 г. в «Московских ведомостях» было помещено объявление о начале работы Комиссии с 5 июня.⁸ Газета также сообщала: «Комиссия для строений в Москве объявляет, что желающие производить или вновь отделявать, или исправлять старые строения, могут подавать в оную объявления для получения за сие позволение планов и фасад»⁹. Находившийся при армии Александр I писал о Комиссии московскому главнокомандующему, что основное её назначение — оказать помощь пострадавшим москвичам, а также «доста-

вить столице сей лучшее устройство и порядок в расположении ее улиц и кварталов»¹⁰.

В Москве впервые появилось учреждение, сосредоточившее в своих руках все функции по осуществлению строительно-планировочной деятельности¹¹ и в задачи которого входило: восстановление московской застройки (в первую очередь жилой); наблюдение за производством строительных работ; перепланировка и реконструкция Москвы; контроль за соответствием построек проектным планам и образцам; организация кирпичного производства, управление промыслами по заготовке строительных материалов; поощрение частного предпринимательства в области производства строительных материалов в соответствии со стандартами; стабилизация и снижение цен на стройматериалы; помощь населению деньгами и стройматериалами в форме беспроцентных ссуд.¹² Из сферы деятельности Комиссии исключался Кремль как особая городская территория, подведомственная дворцовым учреждениям.¹³

Учреждение возглавлял московский генерал-губернатор (или главнокомандующий), а высшей инстанцией являлся Комитет министров. На посту председателя Комиссии последовательно сменились 3 московских главнокомандующих: граф Фёдор Васильевич Ростопчин (1763 — 1826) возглавлял её с 1813 по 1814 гг.; герой войны 1812 г., командующий 3-й Западной армией, генерал граф Александр Петрович Тормасов (1752 — 1819) занимал этот пост с 1814 по 1819 гг.; герой войны 1812 г., сражавшийся на Бородинском поле, участник кампаний 1813 — 1814 гг., генерал от кавалерии князь Дмитрий Васильевич Голицын (1771 — 1844) председательствовал с 1820 по 1844 гг. Деятельность председателей отнюдь не была номинальной. И хотя на долю каждого пришёлся различный объём работ, отличались темпы, условия и направления деятельности Комиссии, тем не менее московские генерал-губернаторы сыграли серьёзную роль в организации процесса восстановления и реконструкции второй столицы. Председатель Комиссии координировал все работы, лично утверждал планы строительства и образцовые проекты, которые затем передавались на рассмотрение Комитета министров (в некоторых случаях деятельность Комиссии контролировал император лично — например, разработку генерального плана Москвы 1816 г.).

Как и большинство учреждений того времени, Комиссия состояла из присутствия, канцелярии и исполнительного органа — чертёжной, имевшей 2 отделения: 1-е — землемеров, 2-е — архитекторов. Именно на плечи землемеров и архитекторов легла непосредственная работа по восстановлению и реконструкции Москвы. В обязан-

ности первых входило измерение всей Москвы и её отдельных частей (улиц, переулков и т.д.), «сочинение» геометрических планов и «по вновь прожектированному плану назначение в натуре линий, улиц, площадей, казённых и обывательских владений к построению и по другим случаям»¹⁴. Архитекторы контролировали качество строительных работ, их соответствие планам и соблюдение правил, установленных Комиссией. Важнейшей их обязанностью было «сочинение фасада», т.е. разработка образцовых и индивидуальных проектов зданий.

Документы донесли до нас имена чиновников, землемеров, зодчих, работавших в Комиссии, многие из которых остались неизвестными для потомков, несмотря на тот огромный вклад, который они внесли в историю Москвы. Другие известны хорошо, но далеко не всегда их творчество рассматривается в связи с Комиссией для строений. Имя Осипа Ивановича Бове занимает особое место в истории архитектуры и градостроительства послепожарной Москвы. Выпускник архитектурной школы при Экспедиции Кремлёвского строения О.И.Бове с конца первого десятилетия XIX в. активно участвовал в архитектурно-строительных работах в московском Кремле и в Твери. В 1812 г. он вступил в московское ополчение, а в сентябре 1813 г. начал работу в Комиссии для строений в качестве архитектора 4-го участка.¹⁵ Вскоре к нему перешло руководство «фасадической частью» городской застройки, проектированием и постройкой всех казённых, общественных и жилых зданий — он возглавил архитектурное отделение чертёжной, став по существу главным архитектором города. Эту должность О.И.Бове занимал до своей смерти в 1834 г. Ему принадлежит огромная заслуга в создании и оформлении исторического центра Москвы. Именно под его руководством был проделан основной объём работ по восстановлению жилой застройки и осуществлены мероприятия по реконструкции города. К сожалению, до нас дошла лишь малая доля того, что было создано этим зодчим (одно из его лучших творений — особняк князя Н.С.Гагарина на Новинском бульваре, разрушен в июле 1941 г. при бомбардировке Москвы). Но такие сооружения, как Градская больница, Александровский сад, Триумфальная арка, в полной мере характеризуют разносторонний талант О.И.Бове, представителя последнего поколения московских зодчих эпохи классицизма, и являются частицей неповторимого облика старой послепожарной Москвы.

Вообще, 30-летняя деятельность Комиссии была связана с творчеством таких выдающихся зодчих, как В.А.Балашев, А.Г. и Д.Г.Григорьевы, Д.И.Жилярди, Ф.М.Шестаков и др. И сегодня мы имеем

возможность наслаждаться их произведениями, в числе которых Университет на Моховой, здание Екатерининского института благородных девиц на Суворовской площади, дом Лунина на Никитском бульваре, дом Гагарина на Поварской (Д.И.Жилярди), Вдовий дом в Кудрине, здание Опекунского совета на Солянке (А.Г.Григорьев совместно с Д.И.Жилярди), особняки Хрущёвых-Селезнёвых, Лопухиной-Станицкой на Пречистенке, собственный дом в Милютинском переулке (А.Г.Григорьев), здание университетской типографии на Б.Дмитровке (Д.Г.Григорьев), дом купца Протопопова на Николо-Ямской улице (В.А.Балашев совместно с О.И.Бове), Троицкая церковь на Пятницком кладбище (В.А.Балашев совместно с Ф.М.Шестаковым), особняк вдовы П.И.Глебова в Колымажном переулке (Ф.М.Шестаков), Провиантские склады на Зубовском бульваре (типовой проект В.П.Стасова с доработками Ф.М.Шестакова) и др.

Если говорить об участии правительства в восстановлении Москвы, то оно не ограничивалось лишь высшим надзором. Существенную роль должны были сыграть казённые ссуды москвичам (стройматериалами и денежными), но они начали выдаваться лишь с осени 1815 г., когда объём восстановительных работ в жилом фонде уже стал сокращаться, а условия получения ссуды практически исключали из системы кредитования средне- и малообеспеченные слои домовладельцев (т.е. как раз наиболее нуждавшихся в нём). Ассигнованные 5 млн. рублей поступали в Комиссию с большим опозданием и нерегулярно, и сумма эта была явно недостаточной. Комиссии приходилось проявлять изобретательность, объявляя конкурсы на дешёвые подряды, снижая цены на кирпич и другие стройматериалы. Характерен пример со строительством Градской больницы. Не добившись увеличения средств (казённых 50 тыс. рублей, городских денег и пожертвований москвичей не хватало), Комиссия объявила конкурс на самые дешёвые подряды, а архитекторы и строители выполнили работу почти бесплатно. Только благодаря этому 14 октября 1833 г. больница начала приём больных.

К планировочным и строительным работам Комиссией в качестве дополнительной силы привлекались специально сформированные 2 мая 1816 г. 2 военно-рабочих батальона из рекрутов соседних с Московской губерний¹⁶, солдаты 4-х пехотных полков и в наиболее напряжённые моменты — арестанты (например, при реконструкции Красной площади).

Комиссия ввела новые правила застройки, которые строго соблюдались. Например, в августе 1817 г. А.П.Тормасов приказал всем архитекторам, каждому по своему участку, тщательно проверить, как

выкрашены дома (разрешёнными ли красками светлых тонов и одинаково ли выкрашены разные части дома) и «к отвращению неприличия от сего происходящего» перекрасить.¹⁷ Все прошения о строительстве или ремонте тщательно изучались, предполагаемые объекты увязывались с окружающей застройкой и общегородским планом, приводились в соответствие с противопожарными и иными требованиями. Только после этого полиция по согласованию с Комиссией выдавала разрешения на строительство, а архитекторы разрабатывали проекты зданий. В первую очередь поощрялось каменное строительство (только в этом случае при прочих условиях выдавались ссуды). Не в центральных частях города разрешалось возводить деревянные вторые этажи и мезонины на каменных первых этажах, отделявая их под каменные. Для каждого типа постройки устанавливались свои размеры, место определялось по «проектированным» красным линиям (хотя на деле московская традиция свободной постановки зданий на участке всё же нередко одерживала верх), крыши разрешалось крыть только железом, выходящие на улицу заборы должны были иметь чугунные решётки. В Китай-городе и Белом городе дозволялось делать деревянные заборы на каменных столбах, но решётки оформлять под чугунные и «красить пристойно»¹⁸ (ещё одна официальная уступка традиционной любви москвичей к деревянному строительству и возможность послаблений в зависимости от достатка заказчика). Постройки, по материалу, размерам и прочему не соответствующие правилам, подлежали сносу и перестройке (особенно в Китай-городе и Белом городе; с удалением от центра допускалось делать некоторые отступления от правил — например, в Земляном городе дома, превышающие установленную длину, при условии, что они не нарушают «проектированных» линий, разрешалось не ломать, а лишь оштукатуривать и покрывать железной крышей¹⁹). Комиссией разрабатывались ставшие уже традиционными альбомы с типовыми проектами фасадов домов. Кроме того, было организовано изготовление стандартных дверей, рам, лепнины (по которой сегодня легко узнать послепожарные постройки). Всё это ускоряло процесс строительства и позволяло добиваться единообразия типов построек и набора декоративных деталей, не уменьшая при этом возможностей индивидуальной трактовки каждого отдельного проекта или целого ансамбля архитектором с учётом вкусов и возможностей заказчика, правил Комиссии, конкретных условий городской среды.

Наибольший объем восстановительных работ пришёлся на первые 3 года: с 1813 по 1816-й. Это неудивительно, поскольку жилой

фонд, пострадавший более всего, следовало восстанавливать в кратчайшие сроки. С 1816 г. основное внимание уже уделялось строительству казённых и общественных зданий, с 1825 г. — постройке казарм, складов и прочих хозяйственных объектов. Тогда же были развёрнуты широкомасштабные работы по благоустройству города, реконструкции и оформлению его парадного центра, продолжавшиеся до начала 1840-х гг.

Проектно-планировочной деятельностью Комиссия для строений занималась все 30 лет. Ею не был принят предложенный из Петербурга план архитектора В.И.Гесте, так как он носил поверхностно-академический характер.²⁰ К февралю 1814 г. были сделаны необходимые исправления и замечания,²¹ мотивированные необходимостью избежать лишних перепланировочных мероприятий, не обусловленных объективными потребностями развития городского организма или нарушающих московские традиции (отказ от создания большинства новых площадей был вызван тем, что рядом с местами, указанными в проекте Гесте, издавна существовали торговые и иные свободные пространства, и перенос их в угоду геометрической правильности плана признавался необоснованным; другие места, намеченные под площади, издревле служили москвичам местами традиционных гуляний и празднеств, и Комиссия не считала возможным нарушать эти традиции). В то же время членами Комиссии была одобрена и развита идея усиления в планировочном отношении кремлёвского и китайгородского ядра, предполагавшая раскрытие ансамблей центра и благоустройство прилегающих территорий.

Уже в феврале 1814 г. были подготовлены и отправлены в Петербург материалы генерального плана и выполненные О.И.Бове виды Москвы. Но лишь в январе 1816 г. Александр I потребовал доклада, и землемером Н.Горчаковым был представлен план «с показанием всех проектов..., также строений, уцелевших от пожара, отстроенных вновь и поправленных, с обозначением улиц и проулков, предполагаемых вновь по местной надобности к открытию, а некоторых по ненадобности к уничтожению. ... Вместе с сим представил двадцать два плана площадям, вновь проектированным от Комиссии и по плану архитектора Гесте признаваемым быть ненужными»²². К плану прилагались спроектированные О.И.Бове новые фасады лавок на Красной площади и вдоль восточной стены Китай-города. Через 3 месяца план был утверждён Комитетом министров.

Программа реконструкции была обширной: отделка Петровского театра, казарм, каменных зданий, находящихся на примечательных, видных местах и принадлежащих несостоятельным хозяевам, покупка

и отделка домов под полицейские съезжие дворы, нивелирование (спрямление, придание геометрически правильных форм) улиц и площадей, устройство скатов в реки Москву, Яузу, Неглинную и в Пречистенские пруды, отделка их камнем и чугунной решёткой, закрытие кирпичным сводом канала и бассейна реки Неглинной, создание парадного кольца площадей вокруг Кремля, бульваров вдоль Кремлёвской стены и отделка бульваров по линии бывших стен Белого города, широкомасштабное озеленение, прокладка проезда по Земляному валу (будущее Садовое кольцо), разборка китайгородской стены и ремонт её башен и ворот, чтобы «могли на вечные времена оставаться памятниками древнего великолепия Московской столицы»²³.

Благоустройство города предполагало замощение улиц, создание тротуаров, устройство водосточных канав, усовершенствование инженерного оборудования городских территорий. Москвичам было рекомендовано устраивать стоки с крыш их домов через специальные желоба²⁴ или трубы под тротуары, чтобы не создавать опасных ситуаций для пешеходов. С 1825 г. до конца 30-х гг. велись работы по устройству водосточных канав у ворот Белого города. В начале 30-х гг. осушалось Зарядье, в 1834 г. осушалась и мостилась Болотная площадь.

Одним из крупнейших градостроительных мероприятий в послепожарной Москве стало устройство Садового кольца (проект, задуманный ещё в 70-е гг. XVIII в., но так и не осуществлённый). На месте древнего вала и рва предполагалось образовать вокруг города 15-верстовую (1 верста = 1,0668 км) улицу. В обязательном порядке предписывалось «...отвести обывателям на Земляном валу улицу и садики так, чтобы улица была посередине, а садики с обеих сторон равной глубины...»²⁵. Работы начались с августа 1818 г. и велись до конца 30-х гг.

С 1814 г. занялись реконструкцией Красной площади по проекту и под руководством О.И.Бове. В первую очередь снесли лавки, загоравшие собор Василия Блаженного, и сгоревшие ряды.²⁶ Вдоль Кремлёвской стены также снесли лавки и срыли петровские земляные укрепления, на их месте посадили ряд деревьев. К 1817 г. был засыпан ров между Никольскими и Спасскими воротами.²⁷ Были восстановлены Верхние торговые ряды. В это же время архитекторам Комиссии было специально поручено заняться пострадавшими зданиями в Кремле.²⁸

После 1816 г. начались работы по созданию ансамбля Манежной площади. К 1817 г. было выстроено здание Манежа. С 1817 по 1819 гг.

восстанавливался Университет по проекту Д.Жиллярди. После торжественного открытия главного корпуса в июле 1819 г. университетским архитектором был назначен Д.Г.Григорьев. В 1822 г. им было построено здание университетской аптеки на Моховой (не сохранилось). С 1820 г. приступили к созданию Александровского сада²⁹ по проекту и под руководством О.И.Бове.

С 1823 г. Комиссия занималась отделкой Бульварного кольца. Первыми благоустраивались Тверской³⁰ и Никитский бульвары³¹, выравнивалась местность, засыпалась щебнем центральная дорога, устанавливались ограды, скамейки, высаживались деревья и кустарники. Посадки были исключительно разнообразны. На Тверском бульваре, например, преобладали липы, берёзы, ели, были посажены сосны, ясени, лиственницы (самый дорогой посадочный материал), дубы, тополя, рябины. Украшали бульвар и «цветошные разные воздушные кустарники» в количестве 300 штук, и белая сирень, и кустовая рябина, и калина. Был устроен бульвар вдоль китайгородской стены, здесь особенно выделялись посадки осины, орешника и акации.³² Интересно, что 10 тыс. молодых липок для озеленения бульваров были куплены в Лосином Острове, на что было дано специальное разрешение.³³ В 1839 г. Комиссия для строений вновь приводила их в порядок и дополнительно обсаживала низко подстриженными акациями, душистыми кустарниками (шиповником, сиренью), деревьями, устраивала клумбы, «дабы бульвары походили на сады»³⁴.

С 1826 г. разрабатывался проект каменных триумфальных ворот на Тверской под руководством О.И.Бове. 1 апреля 1829 г. последний вариант был утверждён Николаем I, и 17 августа произошла торжественная закладка памятника. Недостаток денежных средств и невнимание к строительству со стороны правительства затянули постройку на 5 лет. Только 20 сентября 1834 г. уже после смерти Бове состоялось открытие Триумфальной арки.

Последние крупные перепланировочные мероприятия проводились Комиссией по плану 1841 г. К этому времени основная задача восстановления и реконструкции Москвы была уже выполнена. 2 июля 1843 г. Комитетом министров было принято решение об упразднении Комиссии для строений в Москве, и 2 декабря она завершила свою работу.

Проработав в Москве 30 лет, сочетая в своей деятельности многовековой опыт русского градостроительства и новые приёмы и методы планировки и застройки, отвечающие требованиям и эстетическим предпочтениям эпохи классицизма, Комиссия в короткие сроки восстановила Москву, сохранив характерные черты её пла-

нировки и застройки и придав им более правильный регулярный порядок. Следуя современным архитектурным и градостроительным канонам, зодчие всё же оставались верными традициям, тонко чувствуя особенности городской среды, архитектурного и природного ландшафта. Архитектурная централизация и даже унификация никоим образом не обезличили город. Ампи́р послепожарной Москвы характеризуется яркой самобытностью, выразительностью и парадной застройкой центра города, и скромных московских особнячков (нередко деревянных), составивших основную массу жилого фонда. До сегодняшнего дня опыт Комиссии для строений по организации и осуществлению процесса реконструкции города остаётся уникальным.

¹ Даты приводятся по старому стилю.

² История Москвы. — М., 1954. — Т.2. — С.144.

³ Б е с к р о в н ы й Л.Г. Отечественная война 1812 г. — М., 1962. — С.429.

В литературе эти цифры незначительно варьируются.

⁴ История Москвы. — М., 1954. — Т.3. — С.110.

⁵ Там же. — С.144.

⁶ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ) в 45 т. Собр. 1-е. — СПб., 1830. — Т. 32. — № 25377.

⁷ Там же.

⁸ Московские ведомости. — 1813. — Июнь. — №№ 46, 47, 48.

⁹ Там же. — № 49.

¹⁰ Письмо Александра I графу Ростопчину из Главной квартиры княжества Варшавского (г. Калиш, 14 февраля 1813 г.) // Сборник Археологического института. — СПб., 1879. — Кн.II. — С.62.

¹¹ В 1775 — 1782 гг. существовал Каменный приказ, ставший прообразом Комиссии для строений, и хотя тогда не удалось осуществить реконструкцию города, опыт его работы, организационные начала, на которых он был создан, и основы самой реконструкции, заложенные в Первый московский проектный (генеральный) план 1775 г., безусловно, были учтены и использованы Комиссией.

¹² ПСЗ в 45 т. Собр. 1-е. — СПб., 1830. — Т. 32. — № 25377.

¹³ Руководство планировочными и строительными работами в отношении Кремля и вообще императорских резиденций в Москве осуществляла Экспедиция кремлёвского строения.

¹⁴ ПСЗ в 45 т. Собр. 1-е. — СПб., 1830. — Т. 32. — № 25377.

¹⁵ Москва была поделена на 4 участка. В 1-й входили Пятницкая, Якиманская, Серпуховская, Пречистинская, Хамовническая городские части, во 2-й — Сретенская, Сущёвская, Мещанская, Басманная, Покровская, в 3-й —

Мясницкая, Яузская, Таганская, Рогожская, Лефортовская, в 4-й — Городская, Тверская, Арбатская, Пресненская, Новинская (ПСЗ в 45 т. Собр. 1-е. — СПб., 1830. — Т. 32. — № 25377).

¹⁶ ПСЗ в 45 т. Собр. 1-е. — СПб., 1830. — Т. 33. — № 25252.

¹⁷ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 163. Оп. 4. Д. 50. Л. 761–762.

¹⁸ Там же. — Д. 35. Л. 273 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Гуляницкий Н.Ф. Архитектурно-градостроительное развитие Москвы в эпоху классицизма // Архитектурно-градостроительное развитие Москвы / Сб. статей. — М., 1997. — С. 129.

²¹ ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 4. Д. 8. Л. 127 — 156.

²² Там же. — Д. 31. Л. 348 — 371.

²³ Там же. — Д. 35. Л. 270 об.

²⁴ Там же. — Д. 100. Л. 230 — 231 об.

²⁵ Там же. — У4 Д. 50. Л. 757 — 758.

²⁶ Там же. — Оп. 2. Д. 9.

²⁷ Там же. — Оп. 4. Д. 35. Л. 44 — 46.

²⁸ Там же. — Л. 235 — 236.

²⁹ Там же. — Оп. 2. Д. 21; Оп. 3. Д. 8.

³⁰ По сути дела Тверской бульвар, первый из всех московских бульваров, был сформирован ещё в 90-е гг. XVIII в. Однако в 20-е гг. XIX в. потребовались существенные усилия для приведения его в порядок.

³¹ ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 3. Д. 9. Л. 3.

³² Там же. — Л. 91 об., 106 — 106 об.

³³ Там же. — Л. 7.

³⁴ Там же. — Д. 50. Л. 101 — 101 об.

Теория ценностей в социологии

*МОРОЗОВ Сергей Борисович,
старший научный сотрудник
Московского института
социально-культурных программ,
аспирант ИС РАН*

Ценностная проблематика является центральной на протяжении всей истории гуманитарного знания. Традиционно полагают, что учение о ценностях восходит к греческой философии, и в первую очередь к этике ценностей Аристотеля. Таким образом, изначально это поле науки было закреплено за философией и этикой. В 20-е годы XX века М. Хайдеггер назвал науку о ценностях — *аксиологию* — «культурной философией современности». В России разработка проблемы ценностей была свойственна преимущественно философам, этикам, эстетикам и культурологам. Следует особо отметить публикации А.С.Ахиезера¹, Ю.М.Лотмана и Г.С.Кнабе². Заслуга Ю.М.Лотмана в изучении ценностей заключается в оригинальном подходе к их динамике в системе культуры. Он предполагает, что конкретные ценности могут перемещаться с периферии в центр или охватывать всю систему («тернарные» и «бинарные» системы) под воздействием «взрыва»³. А.С.Ахиезер писал о необходимости учёта конфликта ценностных систем при проведении реформ в России.⁴

В зарубежной социологии проблему ценностей затрагивали практически все наиболее авторитетные представители этой науки. Большинство из них признавали за ценностями бытие, считая их «социальным фактом», отражением сущности самой социальной реальности (Э.Дюргейм, О.Конт, Г.Зиммель). Детальная разработка этой проблемы в XX веке связана с категорией «идеальных типов» М.Вебера. В 1910 году была опубликована диссертация Ф.Знанецкого «*Проблема ценностей в философии*», а позже совместный труд с У.Томасом «*Польский крестьянин в Европе и в Америке*» (1918–1920), где содержится первое инструментальное социологическое определение термина «ценности». П.Сорокин и Т.Парсонс отводили определяющую роль культурным и «предельным» ценностям при объяснении социальных действий индивида.⁵ М.Рокич, Ш.Шварц внесли существенный вклад в разработку шкал по измерению ценностей. Главной миссией их исследований была попытка сравнения универсальных человеческих ценностей на большом количестве выборок. Особый интерес вызывает модель Дж.Ритцера, разобла-

чающая общемировую тенденцию «американизации». В основе его схемы *ЕСРС* лежит идея о том, что под видом глобализации в мире происходит навязывание всем обществам единого набора ценностей.⁶ Р.Будон, которого часто называют последователем Э.Дюргейма, в работе «*Происхождение ценностей*»⁷ детально рассматривает классические и современные аксиологические теории.

Что же такое ценности?

Восприятие ценностей как составляющей внутренних моральных границ — относительно недавнее явление. К 1960-м годам ценности были явным центром почти всех социально-научных дисциплин, за исключением, возможно, экономики (М.Хечтер, 1993). Вероятно, самое влиятельное определение ценностей восходит к К.Клакхону (1951): «Ценность — это явное или скрытое, отличающее индивида или характерное для группы представление о желаемом, которое определяет выбор способов, средств и целей действия из ряда возможных»⁸. Это определение было крайне влиятельным во времена бихевиоризма, так как в его центре предусмотрены «и действие, и вознаграждение», а также потому, что оно распространялось как на индивида, так и на группы. Р.Листиг и Г.Мурз (2000) убеждали, что Клакхон применил функционалистскую, детерминистическую точку зрения, где ценности являются культурными императивами (предписаниями), которые необходимо приводят к определённым действиям. Более того, он рассматривал ценности как прямой мотив деятельности. Они противопоставили эту точку зрения другой общепринятой дефиниции ценностей Рокича: «Ценности — это устойчивое убеждение в том, что определённая модель поведения личностно или социально более предпочтительна, чем противоположная или обратная модель поведения или конечная цель существования» (М.Рокич, 1973, р.5). Несмотря на некоторую схожесть этих определений, исследователи отмечают и главное их различие. Оно заключается в следующем: «Клакхон придавал особое значение самому действию, а Рокич делал акцент на то, что ценности придают значение действию»⁹. В конечном счёте, суть разногласий Рокича и Клакхона заключалась в роли, которую выполняют ценности по отношению к действию. Клакхон верил, что ценности являются непосредственным мотивом деятельности, а Рокич — что они являются убеждением, которое придаёт действиям людей конечную цель жизни (*терминальные ценности*) или выбранную модель поведения (*инструментальные ценности*).

С.Шварц и В.Билски (1987) выявили 5 общих признаков для большинства дефиниций ценностей: «Ценностями являются: (а) представления или убеждения (b) о желаемом завершении поведений, (с) которые выходят за рамки ситуации, (d) направляют выбор поведения и событий и (е) упорядочены относительной важностью»¹⁰. Шварц (1992) подчёркивал, что ценности являются когнитивным отображением 3-х универсальных человеческих требований: (а) биологического — основных потребностей организма; (b) потребностей социального взаимодействия; (с) потребностей, связанных с благосостоянием и выживанием группы».¹¹

Таким образом, ценности — это «оценочные убеждения, состоящие из аффективных и когнитивных элементов, служащие ориентирами людей в мире, в котором они живут» (М.М.Марини, 2000). С.Хитлин отмечал, что современные исследователи часто трактуют ценности как статичные духовные структуры и игнорируют их роль внутри действия.¹²

Ценности и смешанные с ними понятия

Современная социология далеко продвинулась в изучении ценностей как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Но на пути развития социологии в этом направлении сегодня обнаруживается то, что *с ценностями часто отождествляют такие понятия, как нормы, установки, черты, потребности*¹³ и *интересы*. В связи с этим при изучении поведения группы или индивида часто некорректно используют этот термин. Сами социологи, изучающие мотивы, личностные черты, социальные нормы и установки, склонны апеллировать к ценностям, называя ими то, что ими не является. Поэтому обращение к теории ценностей необходимо для корректного использования этой категории на практике.

Ценности и нормы. Необходимо отметить, что термины «нормы» (norms) и «ценности» (values) не тождественны. Это отмечает ряд исследователей данной проблемы, которые выступают против смешения подобных понятий. В социологической литературе есть попытка сравнения ценностей и норм (М.М.Марини, 2000).¹⁴ Известно, что Ф.Знанецкий и У.Томас были склонны отождествлять нормы и ценности на эмпирическом уровне. Согласно концепции У.Томаса эти понятия относились к объективным параметрам социальной ситуации, в то время как к субъективным параметрам относились установки группы, индивида и определение ситуации индивидом.¹⁵ Ю.Хабермас полагал, что ценности могут претендовать лишь на роль вырази-

теля социальных норм. Но такое представление крайне упрощает механизм усвоения и структуру ценностей. Т.Парсонс, напротив, понимал ценности в качестве «трансцендентных» системе действия смыслов для культурных образцов подсистемы культуры. Согласно его схеме *AGIL* ценностно значимые образцы культуры в процессе институционализации превращаются в источник нормативных образцов социальной подсистемы, а посредством социализации — в нормативные ориентации действующих.¹⁶ Ещё одно отличие норм от ценностей отмечают С.Хитлин и Дж.А.Пилявин: «Нормы заданы локально, а ценности вне-ситуативны». Хотя ценности, как и нормы, являются феноменом группового уровня, требующим общего согласия, на практике они измеряются как феномен индивидуального уровня. Кроме того, нормы захватывают чувство «долга», а ценности — личный и культурный идеал. Люди, действующие в соответствии с ценностями, не чувствуют себя напряжёнными, как это происходит под давлением норм. На стыке этих 2-х крайних представлений о природе ценностей Р.Тернер выделяет два типа людей, по-разному адаптирующихся к ценностям: *импульсивисты* — это люди, которые видят социальный порядок как установление принуждающих норм; и *институционалисты*, которые, напротив, воспринимают порядок как установление общих, стимулирующих ценностей.¹⁷

Не вызывает сомнений, что при изучении той или иной социальной группы внимание исследователя должно быть обращено как на нормы (формальные и неформальные), так и на ценности (групповые и индивидуальные). Изучение норм в отрыве от ценностей может стать большим просчётом, так как из вида ускользает ключевой фактор бытия индивидов, представляющих группу или целый класс.

Ценности и установки. Ценности (*values*) являются более абстрактными, чем установки (*attitudes*) (М.Рокич, 1973, Р.М.Вильямс, 1979), которые представляют собой одобрительные или неодобрительные оценки (*evaluations*) какого-либо объекта (А.Х.Игли и С.Чайкен, 1993). Ценности сосредоточены на идеалах, а установки употребляются преимущественно по отношению к конкретным социальным объектам. Некоторые исследователи (Д.Бем, 1970) придерживаются взгляда, что ценности — просто особый вид установки на объект, хотя и более эфемерный вид, и поэтому может стать частью исследования установок (Х.Шуман, 1995). Д.Катц (1996) относит выражение ценности к одной из четырёх функций установок, прибегая к установкам, выражающим центральные для Я-концепции ценности. Г.Р.Мэйно и Д.М.Олсон (1994) полагают, что ценностно-экспрессивные установки демонстрируют более тесную связь между ценностями и установ-

ками, чем это делают другие типы установок. К.Н.Кристиансен и М.П.Занна (1991) считают, что установки могут либо выражать ценности, либо оказывать влияние на их восприятие — «эффект ореола». Г.Р.Мэйо и Д.М.Олсон (2000) обнаружили эмпирическую связь между ценностями и установками, опосредованную тем, что они обозначили *целе-экспрессивными* установками, выражающими базовую ценностно-мотивационную структуру. При этом главное согласие исследователей состоит в том, что ценности занимают более высокое место в иерархии духовных оценок, чем установки. В частности, Р.Эриксон (1995), С.Хитлин (2003) и М.Смит (1991) сравнивали ценности с установками и пришли к выводу, что ценности занимают более важное место в ценностно-оценочной структуре личности и менее прямо включены в поведение (Ш.Шварц, 1996). Более того, М.А.Конти и К.К.Данхам (1997) доказали, что ценности и установки демонстрируют разную степень устойчивости в течение жизни и что ценности более устойчивы во времени, чем установки.¹⁸ Ценности, как правило, относятся к идеалам, в то время как установки нередко представляют собой *склонность* индивида к какому-либо объекту или действию. Последний тезис подтверждает определение, данное Д.Узнадзе: «Социальная установка» — это фиксированная в социальном опыте личности (группы) *предрасположенность* воспринимать и оценивать социально значимые объекты, а также *готовность* личности (группы) к определённым действиям, ориентированным на социально значимые объекты.¹⁹

Ценности и черты. Черты (traits) (характера) представляют собой неизменные стороны личности. Поведение, основанное на личных чертах, часто смешивают с поведением, основанным на ценностях. Тем не менее ценностно-ориентированное поведение предполагает более осознанный контроль индивида над действиями (С.Роккас, 2002). Индивид может иметь агрессивное расположение к кому-либо (черта), но не может быть сильна его ценностная агрессия (С.Эпштейн, 1989). Роккас предлагает следующие отличия этих понятий: «Черты являются устойчивыми диспозициями, ценности — устойчивыми целями. Черты могут быть позитивны или негативны, ценности считаются *a priori* позитивными. Люди обращаются к ценностям — когда оправдывают своё или чужое поведение. Ценности, а не черты служат стандартами для осуждения чужого (и собственного) поведения». Рокич (1973) обосновывает тезис, что полезнее видеть людей как констелляцию ценностей, чем как носителей неизменных черт, потому что последний подход предполагает вероятность того, что изменения в социальных условиях могут привести к изменению

человека.²⁰ В работе И.Гофмана «Стигма» детально рассмотрена эта проблема. Часто те или иные черты индивида становятся в глазах других определяющими «всю суть человека», и окружающие создают стереотип, на основе которого воспринимают обладателя черт(ы) как чужака — носителя «стигмы», а не как человека, обладающего ценностями и духовным миром.²¹

Эта мысль особенно актуальна сейчас. Судить о человеке нужно не столько по его аффективным поступкам, сколько по ценностям, составляющим его внутренний мир. Очевидно и то, что оказать наиболее сильное влияние на человека возможно путём воздействия на его систему ценностей. Поэтому пристальное внимание к ценностям общества и социальных групп стало приоритетным при разработке наиболее прогрессивных маркетинговых, рекламных, политических и геополитических стратегий.

Ценности и потребности. Потребности (needs) не менее часто отождествляют с ценностями, чем перечисленные выше понятия. Но ценности, как уже сказано, на несколько порядков выше и потому более абстрактны. Если ценности являются «устойчивым убеждением индивида или группы», то под потребностями подразумевают влияния биологического плана, которые ощущаются на уровне рефлексов. Кроме того, ценности существуют только в социальной жизни. По мнению Рокича, они выступают в качестве социально приемлемых, предписанных культурой способов выражения потребностей. Например, потребность в сексе может соответствовать культурно воспроизводимой ценности любви (духовной или телесной близости с любимым человеком). Следовательно, выражение и удовлетворение большинства биологических потребностей можно найти в культурно-предписанных ценностях, но тем не менее такие ценности не являются потребностями.²²

Ценности и интересы. Очевидно, что ценности обладают неким универсальным, т.н. надконъюнктурным значением, а интересы (interests) относятся к личностному или групповому уровню. Ценности сосредоточены на идеалах, интересы ориентированы в первую очередь на материальное благо и реализацию личностных (групповых) мотивов. Социальный интерес, в самом общем смысле, — это реальная причина социальных действий, событий, свершений, стоящая за непосредственными побуждениями — мотивами, помыслами, идеями и т.д. участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, сообществ. По А.Г.Здравомыслову, «социальные интересы» — это не просто социальное положение; это положение,

рефлексирующееся в сознании, и вместе с тем сознание, *переходящее в действие*».²³ Иными словами, *интересы* в отличие от ценностей более *прямо связаны с действием*, но при этом обусловлены ситуацией и внешним побуждением.

Изучение ценностей на эмпирическом уровне

Социология и, разумеется, социальная психология обладают приоритетом в изучении ценностей на эмпирическом уровне. Инструментарий социологических исследований, направленный на измерение ценностей, имеет тенденцию к постепенному развитию.

На сегодняшний день ценности и поиск способов их достоверного измерения, по мнению современных американских социологов, чрезвычайно популярная тема для научных прений. С.Хитлин и Дж.А.Пилявин используют термин «балканизация», чтобы подчеркнуть теоретико-методологические противоречия, которые разделяют это поле науки.²⁴ М.Хечтер утверждает, что анализ ценностей содержит несколько похем: (а) ценности незримы; (b) современные теории не предлагают каких-либо ориентиров, чтобы понять, как ценности формируют поведение; (с) поведенческие истолкования являются неубедительными, так как сам процесс формирования ценностей неизвестен; (d) существуют серьёзные проблемы с измерением ценностей.²⁵ Кроме того, (е) ценности часто отождествляют с другими социально-психологическими феноменами и (f) ценности имеют историческое и культурное непостоянство в своём содержании.²⁶ Следует отметить, что измерение ценностей, как и многих других, рассмотренных выше понятий, признаётся неточным. Существует определённая трудность стандартизации между эмпирическим и теоретическим исследованиями. Более того, целый ряд специалистов исследуют установки, убеждения или мнения и при этом рассматривают свои работы как изучение ценностей.²⁷

Необходимо также отметить, что фактически с собственно понятием ценности в социологии (во всяком случае, в «классической») на прикладном уровне, как правило, не работают. Чаще всего с измерением ценностей отождествляют изучение ценностных ориентаций (или ценностных установок), представляющих производную из оценок, даваемых индивидами кому-либо или чему-либо.²⁸

Ценности и ценностные ориентации (установки). Что касается истории исследования «ценностных ориентаций» в социологии, то пионерами здесь, бесспорно, стали Ф.Знаецкий и Н.Томас. Само понятие ценности встречается ещё в ранних работах Ф.Знаецкого,

но приоритет в исследовании роли установок (в соотношении с ценностной ориентацией личности — в социальном плане) принадлежал Н. Томасу. В работе *«Польский крестьянин в Европе и в Америке»* ценности и установки приобрели значение социологических категорий и эмпирического инструментария. Иными словами, Знанецкий и Томас «приземляют» неокантианскую (философскую) категорию абсолютных ценностей, пытаясь привлечь её к осмыслению социальной практики (юристов, политических активистов, социальных работников и вообще специалистов, занятых в публичной сфере). Без учёта роли ценностного фактора в общественной жизни, по мнению Знанецкого, социальные теории оказываются «привязанными» к эмпирии, неспособными дать широкие обобщения и предложить решения, которые бы не сводились к шаблонным, стереотипным рецептам. Именно Томас и Знанецкий включили впервые в категориальный аппарат социологической науки эмпирические категории «социальные ценности» и «социальные установки», но употребляли их чаще в сокращенном варианте — «ценности и установки». *Социальную ценность* Томас и Знанецкий определяют как *«данность, обладающую доступным для членов социальной группы эмпирическим содержанием и тем значением (meaning), в отношении которого она является или может являться объектом деятельности»*. Благодаря тому значению, которое приобретает ценность, она всегда связана с деятельностью членов социальной группы. Установка — это «процесс индивидуального сознания, который определяет реальную или возможную деятельность индивида в социальном мире... Социальная установка — является, таким образом, своеобразным двойником социальной ценности в личностном аспекте: деятельность, в какой бы форме она ни осуществлялась, это всегда связующее звено между ними»²⁹.

Необходимо обратить внимание на то, как отечественные социологи аргументируют сближение терминов «ценности» и «ценностные ориентации». А.Г.Здравомыслов отмечает: «Ценности — это материальные или идеальные предметы, обладающие значимостью для данного социального субъекта с позиций удовлетворения его потребностей и интересов. В такой обобщенной формулировке можно представить те многочисленные определения ценностей, которые существуют в отечественной науке. Производные же от них ценностные ориентации есть установки личности на ценности материальной и духовной культуры»³⁰. Таким образом, под ценностями А.Г.Здравомыслов понимает всё то, что значимо, с точки зрения конкретных интересов и потребностей личности, а под «ценностными ориента-

циями» — установки на тот или иной объект культуры. Как видно, здесь понятие «ценности» не только сужается до интересов и потребностей, но и отождествляется с установками (аттитюдами) на эмпирическом уровне. Ценностные ориентации в книге В.А.Ядова и А.Г.Здравомыслова «Человек и его работа» (1967) операционализируется как признак, характеризующий некоторые общесоциальные особенности личности. В данном исследовании термин «ценностные ориентации» был использован в широком смысле, близком к психологическим категориям «установка», «направленность», «отношение», «потребность» и «интерес». ³¹ В этом труде можно найти и такое определение: «Общественные ценности в объективном плане есть совокупность жизненных благ, идеалов, создаваемых общественно-исторической практикой человечества. В общественном сознании ценности выступают как предметы, цели и средства, связанные с потребностями общества как социального организма» ³².

Но по приведённому примеру нельзя говорить о несоответствии отечественного и зарубежного опыта в изучении ценностей. В «Стратегии социологического исследования» можно обнаружить ссылку на шкалу ценностей М.Рокича. Вклад В.А.Ядова в социологическое исследование ценностей заключается в том, что он совместно с А.Гоштаусом и А.А.Семёновым адаптировал метод М.Рокича к российским условиям. ³³

Кроме этого, Ядов описывает упомянутые термины, рассматривая в качестве разных уровней (а) интересы и систему ценностных ориентаций, (б) систему обобщённых социальных установок и (в) поведенческую готовность к действию в конкретных жизненных ситуациях. ³⁴

Как следует из вышесказанного, существующие споры терминологического характера, связанные с изучением ценностей, присущи в равной степени и западной, и отечественной социологии. Теперь отметим положительные тенденции в изучении ценностей в России:

— существует достаточно обширный набор методов изучения «ценностных ориентаций», установок и интересов личности;

— появляется множество теоретических и эмпирических исследований ценностей, которые способны отвечать требованиям, предъявляемым к современным исследованиям западными социологами.

В качестве примеров эмпирико-социологических исследований ценностей, методологических пособий и теоретических работ могут служить работы В.А.Ядова, А.Г.Здравомыслова, И.Ф.Девятко, С.А.Белановского, О.И.Шкаратана и многих других отечественных специа-

листов. Особенно популярны в этом отношении работы, посвящённые изучению ценностных ориентаций в профессиональной сфере человеческой деятельности. В частности, А.Г.Здравомыслов и В.А.Ядов в книге «Человек и его работа» (1967) и Г.Н.Соколова обратились к этим проблемам.³⁵ Одним из наиболее поздних является исследование С.Б.Абрамовой, выявившее роль денег в ценностных ориентациях. Она пришла к следующему выводу: «Деньги как жизненная ценность во всех группах (кроме подростков) занимают позицию ниже пятой. Они оцениваются не как самоцель, а как необходимый элемент для нормальной жизнедеятельности, как средство удовлетворения соответствующих возрасту актуальных потребностей»³⁶.

Как было отмечено выше, измерение ценностей не является точным. В России эту проблему затрагивал Г.С.Батыгин в статье «Как невозможна социология морали», в которой, ссылаясь на А.Гоулднера³⁷, он писал: «Несмотря на активный интерес к проблеме ценностей со стороны социологов, так и не было создано социологии морали, которую обещал создать Э.Дюргейм. Несмотря на то, что интерес к моральным ценностям являлся центральным в социологии М.Вебера, а также в «волютаристской» теории действия Т.Парсонса, до сих пор не существует такой области исследований, которую можно было бы назвать «социологией моральных ценностей»³⁸. Тем не менее саму идею создания социологии морали, предметом которой является анализ общественных условий формирования моральных явлений, анализ морали различных эпох и социальных групп воплощала польский философ и социолог М.Оссовская, интенсивно работая над реализацией этого плана, выпуская одну книгу за другой.³⁹ Её монография «Рыцарь и буржуа» представляет собой фундаментальный труд по истории моральных ценностей и достоин пристального внимания тех, кто так или иначе захвачен аксиологической проблематикой.

Подводя итог, отметим, что изучение ценностей не стоит на месте, всё больше выходит работ, где роль ценностей в культурной и политической жизни общества признаётся ключевой. На сегодняшний день в разработке социологического инструментария по изучению ценностей наиболее популярны подходы М.Рокича и Ш.Шварца, ставшие классическими. В данной статье рассмотрены не только достижения, но и проблемы, связанные с изучением ценностей. В первую очередь это неоднозначная трактовка самого понятия «ценности», несправедливое отождествление его с интересами, потребностями, влечениями, чертами характера, социальными нормами и установками. Также нередко зарубежные и отечественные учёные высказывают сомнения

по поводу аргументации, на основании которой концепт «ценности» переносится из теоретической в эмпирическую социологию. В России проводилось множество социологических исследований, посвящённых изучению ценностей различных социальных групп. И тем не менее, несмотря на достаточный накопленный опыт в этой области, имеется значительное количество проблем, связанных ещё и с определением валидности шкал, по которым производится измерение ценностей. Последнюю проблему нужно рассматривать отдельно, оставив на методологических сложностях, возникающих у исследователей при измерении ценностей на практике.

¹ А х и е з е р А.С. Россия: Критика исторического опыта //Социокультурная динамика России. Теория и методология / Словарь. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

² К н а б е Г.С. Знак. Истина. Круг. Ю.М.Лотман и проблема постмодерна / Лотмановский сборник. — М., 1995. — Т. 1. — С. 266 — 277.

³ Л о т м а н Ю. М. Культура и взрыв. — М.: Гносис, 1992. — С. 258.

⁴ А х и е з е р А.С. Ценности общества и возможности реформ в России // Общественные науки и современность. — М., 1994. — С. 20.

⁵ Д е в я т к о И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. — М.: Аванти плюс, 2003. — С.128 — 129.

⁶ R i t z e r G. The McDonaldization Thesis: Explorations and Extensions. — Lnd., 1998.

⁷ В u d o n R. The Origin of Values. — Lnd.: Transaction Publishers, 2001.

⁸ H i t l i n S., P i l i a v i n J.A. Values: Reviving a Dormant Concept //Annual Review of Sociology, 2004. — ABI/INFORM Global. — P. 362.

⁹ Ibid.

¹⁰ S h w a r t z S.H., B i l s k y W. Toward a psychological structures of human values // Journal of Personality and Social Psychology. — 1987. — Vol. 53. — P. 551.

¹¹ H i t l i n S., P i l i a v i n J.A. Values: Reviving a Dormant Concept //Annual Review of Sociology, 2004. — ABI/INFORM Global. — P. 362.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. — P. 360.

¹⁴ Ibid. — P. 361.

¹⁵ С о к о л о в а Г.Н. Томас (Thomas) Уильям Айзек // Социология / Энциклопедия. — Мн.: Книжный Дом, 2003.

¹⁶ Д е в я т к о И.Ф. Методы социологического исследования.— Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. — С.129.

¹⁷ H i t l i n S., P i l i a v i n J.A. Values: Reviving a Dormant Concept //Annual Review of Sociology, 2004. — ABI/INFORM Global. — P. 361.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Булытко Д.М. Социальные установки // Социология / Энциклопедия. — Мн.: Книжный Дом, 2003.

²⁰ Hitlin S., Piliavin J.A. Values: Reviving a Dormant Concept // Annual Review of Sociology, 2004. — ABI/INFORM Global. — P. 361

²¹ Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. 1990. — New Jersey: Prentice-Hall Inc., 1963.

²² Ibid. — P. 361 — 362.

²³ Соколова Г.Н. Социальный интерес // Социология / Энциклопедия. — Мн.: Книжный Дом, 2003.

²⁴ Hitlin S., Piliavin J.A. Values: Reviving a Dormant Concept // Annual Review of Sociology, 2004. — ABI/INFORM Global. — P. 359.

²⁵ Hechter M., Nadel L., Michod R. The Origin of Values // Aldine Transaction, 1993.

²⁶ Ibid. — P. 360.

²⁷ Ibid. — P. 365.

²⁸ Абушенко В.Л. Ценность // Социология / Энциклопедия. — Мн.: Книжный Дом, 2003.

²⁹ Ганджа А.О., Зотов А.А. Гуманистическая социология Флориана Значенского // Социс. — 2002. — № 3. — С. 115 — 116.

³⁰ Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. — М.: Политиздат, 1986. — С. 197.

³¹ Человек и его работа в СССР и после // Учебное пособие для вузов / А.Г.Здравомыслов, В.А.Ядов. 2-е изд. — М.: Аспект Пресс, 2003. — С. 40.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 7-е изд. — М.: Добросвет, 2003. — С. 306 — 311.

³⁵ Социология в России / Под ред. В.А.Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. — М.: Изд. ИС РАН, 1998. — С. 224.

³⁶ Абрамова С.Б. Деньги как социальная ценность: Поколенческий срез проблемы // Социс. — № 7 — С. 40.

³⁷ Gouldner A. The coming crisis of Western sociology. — New York: Avon Books, 1971. — P. 140 — 141.

³⁸ Батыгин Г.С. Как невозможна социология морали // http://2001.isras.ru/Publications/Batygin/Sociologyof_moral.htm.

³⁹ Оссовская М. Рыцарь и Буржуа: Исследования по истории морали // Пер. с польского К.В.Душенко. Под ред. А.А.Гусейнова. — М.: Прогресс, 1987. — С.5.

Информационная безопасность личности в современном мире

*КСЕНОФОНТОВ Александр Владимирович,
кафедра международного права
Российского университета дружбы народов*

Духовная жизнь общества в современных условиях ведёт к формированию не просто иного социума, но и новой социально-психологической реальности. Личность приобретает в условиях духовной жизни и процесса информатизации в ней значительно большее влияние на общество. Причём такое влияние имеет как позитивный, так и негативный векторы: с одной стороны, увеличиваются возможности для духовного, интеллектуального становления человека, с другой — человек рискует стать объектом информационного манипулирования.

Одним из главных вопросов обеспечения информационной безопасности является защита персональных, конфиденциальных данных. Согласно Резолюции 428 Консультативной ассамблеи Совета Европы в случае противоречия между правом на свободу информации и на уважение частной жизни приоритет отдаётся последнему. Однако процесс информатизации общества представляет серьёзную угрозу «приоритету» частной жизни.

Представленные в электронном виде персональные сведения, например биографические, медицинские и др., во-первых, стали намного объёмнее и касаются каждого гражданина и, во-вторых, доступнее. В настоящее время благодаря кредитным карточкам можно отслеживать сделанные человеком покупки, по базам данных телефонных компаний — с кем он разговаривал по телефону и т.д.

Следует заметить, что в «Декларации прав человека», принятой ООН, в конституциях большинства стран утверждается, что каждый человек имеет право на личную жизнь, или, как это интерпретируется в США, — право «остаться одному» (right to be alone). Прежде всего это касается защиты от наблюдения и защиты персональных данных. Помимо государственных баз данных, многочисленные сведения о человеке вносятся в банк данных по месту его работы, к ним добавляются персональные данные, собранные страховыми агентствами, фондами, телефонными компаниями и т.д.

В наше время ситуацию усугубляет рост компьютерной преступности. В каждой информационно развитой стране ныне существует

«компьютерное подполье», в котором действуют 3 группы «специалистов»: хакеры, фрикеры и пираты, которые обладают знаниями, позволяющими им получать несанкционированный доступ к базам данных и совершать противоправные действия по отношению к информации государственных и коммерческих учреждений.

Государственный департамент здоровья и образования США выпустил так называемый Кодекс доверительных правил, принципы которого были распространены на все системы обработки персональных данных. Эти принципы звучат следующим образом:

1. Не должно существовать секретных баз с персональными данными;

2. Должны быть определены механизмы, которые позволили бы отдельным гражданам проверить, какая информация личного характера находится в соответствующих базах данных и как она используется;

3. Должны быть определены методы, позволяющие отдельным гражданам предотвратить использование информации, собранной в базах персональных данных для одних целей в других целях без их согласия;

4. Должны быть разработаны процедуры, позволяющие индивидуумам скорректировать или отменить информацию о себе в базах с персональными данными;

5. Организации, создающие, хранящие или передающие третьей стороне идентифицируемые персональные данные, должны обеспечить и быть уверенными в том, что эти данные используются только для определённых целей, и принять меры предосторожности для предотвращения их злоумышленного использования.

Указанные 5 принципов являются базисом «Акта о защите личной жизни США», принятого в 1974 г. Позже они были взяты за основу при разработке международных правил и рекомендаций. Основной набор таких правил был разработан Организацией международного экономического сотрудничества и развития (ОЭСД) в 1980 г. Он включает нижеследующие правила.

Ограничение сбора. Данные должны быть собраны только для определённых целей и в строгом соответствии с законом.

Качество данных. Данные должны соответствовать требованиям, быть точными, полными и вовремя обновлёнными.

Определение целей. Цели, для достижения которых собираются и обрабатываются персональные данные, должны быть определены и утверждены до начала деятельности, а полученные в результате деятельности данные должны использоваться только в этих целях.

Ограничение использования. Персональные данные не могут быть использованы в других целях, кроме определённых заранее и утверждённых, если субъект данных соглашается или в других случаях, предусмотренных законом.

Защита данных. В системах учёта персональных данных должны быть внедрены механизмы, предотвращающие их потери или неправильное (либо злоумышленное) использование.

Открытость. Деятельность организаций, ведущих базы персональных данных, должна быть в этом плане открытой. Организации должны быть готовы ответить в любой момент на вопрос, что они делают с такими данными, и позволить контролирующим органам это проверить.

Индивидуальное участие. Индивидуумы должны иметь право узнать, какие данные о них хранятся и обрабатываются в системе обработки персональных данных, требовать, чтобы при необходимости они были изменены.

Учёт. Держатели данных должны быть подконтрольными для обеспечения соблюдения настоящих принципов.

Необходимо подчеркнуть, что Совет Европейского Сообщества принял 27 июля 1990 г. «Директиву относительно защиты граждан в плане обработки информации личного характера», призванную дополнить и уточнить положения Соглашения Совета Европы о защите личности при автоматической обработке информации личного характера от 28 января 1981 г. Наиболее важные из них следующие.

Принцип 11. «...обработка данных личного характера должна быть легальной, ... эта легальность должна основываться на согласии данной личности, на правах Сообщества или на национальных законодательствах».

Принцип 13. «...важнейшим признаком, согласно которому строится система компьютерного учёта населения (государственная или частная), является возможность каждого учённого лица получить в той или иной форме сведения о себе, которые определены законом».

Принцип 15. «... заинтересованная личность должна иметь право доступа с тем, чтобы иметь возможность убедиться в легальности обработки данных, касающихся её, и качестве этой информации».

Принцип 17. «... защита частной жизни в плане данных личного характера требует принятия соответствующих мер безопасности при выработке как концепции, так и технологии обработки данных с тем, чтобы полностью устранить возможность несанкционированной обработки данных».

Принцип 20. «... в случае несоблюдения положений, предусмотр-

ренных данной директивой, ведущий картотеку должен рассматриваться при ущербе интересам как ответственный за этот ущерб; должны быть разработаны меры наказания для обеспечения эффективной защиты».

Принцип 23. «... наличие у каждого государства-члена независимого контролирующего органа является важным элементом защиты личности в плане автоматизированной обработки информации личного характера; ... на уровне сообществ должна быть создана группа по защите данных личного характера, выполняющая свои функции совершенно независимо».

Сходное правовое обеспечение должны получить и граждане РФ. В нашей стране пока не так широко распространены кредитные карточки или телешоппинг, но ясно, что процесс информатизации российского общества актуализирует проблему защиты персональных данных. Поэтому так важно, чтобы наблюдение и доступ к персональным сведениям осуществлялись строго по закону и надёжно контролировались обществом.

Проблема обеспечения доступа к информации, защиты персональных данных и другие вопросы информационной безопасности личности имеют важное значение. Однако самый злободневный сегодня вопрос — это информационно-психологическая безопасность личности. Данная проблема анализируется главным образом по 3-м темам: во-первых, защита человека от манипулирования его сознанием; во-вторых, защита его психического здоровья; в-третьих, защита от культурной, интеллектуальной деградации. Обеспечение информационно-психологической защиты человека в этих трёх плоскостях тесно взаимосвязано.

К приёмам информационно-психологического воздействия относятся:

— манипулирование достоверной информацией (truth projection), в том числе тенденциозное изложение фактов, преподнесение части достоверной информации как всей информации;

— технология «рефлексивного управления»;

— нейролингвистическое и символическое программирование, воздействие на подсознание через слух, зрение. Методика «связывает» определённые звуки, слова, символы со сформированной ранее программой (доминантные зоны возбуждения) в подсознании;

— нацеленное дезинформирование;

— использование СМИ для передачи информации, в которой описано нужное поведение объекта воздействия, доведения до сведения общества (группы, индивида) угроз, ультиматумов;

— использование слухов, выгодных высказываний авторитетных лиц, оскорбительных метафор;

— создание имиджа объективного, независимого, хорошо осведомлённого, авторитетного источника информации.

Каждый человек имеет свой уровень предрасположенности к информационному воздействию. Опыт предвыборных кампаний показывает, что в российском обществе значительна доля людей, неспособных к самостоятельному, осознанному выбору информации, склонных к конформизму, подражательству, повышенной внушаемости, что в целом делает общество восприимчивым к технологиям манипулирования сознанием.

Другим негативным последствием информатизации общества считается опасность ухудшения психического здоровья населения. Согласно статистическим данным, ухудшение психического здоровья населения наблюдалось и до информационного «взрыва», причём во всемирном масштабе. Выборочные исследования в 125-ти странах мира выявили эту тенденцию: в 1992 г. в среднем приходилось 284 человека с психической патологией на тысячу жителей, в 2010 г. прогнозируется увеличение этого показателя до 360 человек. Одним из факторов ухудшения психического здоровья населения считается фактор информационно-психологического риска.

Известный американский исследователь интернет-зависимости К. Янг выделила 5 главных подтипов диагноза, которые характеризуют, к чему именно пристрастился человек:

киберсексу — непреодолимое влечение к посещению порносайтов и занятию киберсексом;

виртуальным знакомствам — избыточность друзей, знакомых в Сети;

онлайнным биржевым торгам и азартным играм — непреодолимая потребность в покупках, участии в аукционах, онлайн-азартных играх;

навязчивому серфингу — информационная перегрузка, бесконечное путешествие по Сети, выискивание информации по базам данных и поисковым сайтам;

компьютерным играм — постоянное участие в компьютерных играх.

Социальными последствиями интернет-зависимости становятся социальная изоляция, склонность к депрессии, неудачи в учебе, на работе, финансовые трудности. Социологи полагают, что освобождение от такой зависимости аналогично лечению от алкоголизма и наркомании. Интернет-зависимость представляет модель негатив-

ного влияния информатизации на психическое здоровье человека.

Помимо манипулирования и провоцирования психических заболеваний, негативному информационному воздействию может быть подвергнут духовный потенциал человека. Основных источников воздействия на него три: СМИ; система образования и воспитания; компьютерные сети, прежде всего тот же Интернет.

В России интенсивно идёт становление СМИ в новых рыночных условиях, и здесь наблюдается несколько тревожных для информационной безопасности граждан тенденций: во-первых, тенденция монополизации СМИ крупнейшими финансово-промышленными группами; во-вторых, снижение качества передаваемых материалов, преобладание примитивной, низкопробной информации; в-третьих, явный «вестернизированный» уклон информации СМИ; в-четвёртых, чрезмерное увлечение распространением информации, отражающей девиантные стороны общества, причём зачастую идёт пропаганда насилия и вседозволенности. Специального внимания заслуживает реклама в СМИ. По своему функциональному назначению реклама должна воздействовать на психику человека, и в этой связи рекламная деятельность особенно нуждается в правовой регламентации.

Не меньше сложностей испытывает сейчас, с точки зрения обеспечения информационно-психологической безопасности человека, система образования и воспитания. В настоящее время сосуществуют несколько видов педагогических практик: традиционное образование, дистанционное, религиозное и др. Информационные потоки теперь почти не контролируются со стороны государства и системы образования. Напомним, какое неоднозначное восприятие в обществе имеет проект «Половое воспитание российских школьников», реализуемый различными министерствами РФ, учебными и научными учреждениями. Этот проект, по мнению многих специалистов, не учитывает культурных особенностей российского общества, роли нравственных и эстетических ценностей в нём и, кроме того, в правовом аспекте противоречит положениям Конвенции о правах ребенка.

Важное значение для обеспечения информационной безопасности в условиях современного состояния духовной жизни России приобретает религиозный аспект. Он проявляется в деятельности так называемых тоталитарных сект, деструктивных культов, экстремистских конфессиональных течений.

Необходимо заметить, что, как правило, их деятельность имеет прочную финансовую и организационную поддержку из-за рубежа.¹ Известно, что ежегодно сторонниками различных сект, экстремист-

ских течений становятся десятки тысяч молодых людей. Например, в течение последних лет активно действуют сторонники секты «Свидетели Иеговы». Они построили под Санкт-Петербургом управленческий центр, в компьютерную базу которого введены анкетные сведения обо всех членах секты в нашей стране. Территории ими поделены на «обрабатываемые участки» в виде собраний по 150-200 человек в каждом. Руководители собраний, иностранные наблюдатели фактически подчиняют своему диктату образ жизни, психику, поведение членов секты, причём информационное воздействие носит выраженную антисоциальную направленность.²

Содержание информационных угроз, исходящих от компьютерных сетей Интернета, сходно с негативным влиянием СМИ, системы образования и воспитания. Однако Интернет официально, в юридическом аспекте, является источником информации, существенно отличающимся от традиционных СМИ, и проблема защиты от опасной информации, негативного психологического, аморального воздействия в Сети почти не урегулирована. Сейчас только идёт процесс осмысления, как вписать глобальную Сеть в национальные правовые пространства. Но пока Интернет представляет идеальную возможность для предоставления информации, носящей антисоциальную направленность, разрушающей сложившиеся в обществе представления о приличиях, пристойности. Конфиденциальность и анонимность посещения сомнительных по содержанию сайтов делают эти возможности ещё более привлекательными.

В качестве одной из мер усиления воспитательного контроля за навигацией детей в Интернете является применение постоянно обновляющихся «программ-фильтров», блокирующих обращение к определённым адресам. Правда, это не решает проблемы. В США в 1996 г. Конгресс принял «Акт о соблюдении пристойности в средствах связи» (Communications Decency Act — CDA), согласно которому несовершеннолетние должны быть ограждены от «непристойной и несущей явно оскорбительный характер» информации в Интернете. Но осуществить цензуру в «киберпространстве» оказалось крайне сложно как с технической, так и с политической точки зрения.

Сходные проблемы встают перед всеми странами, вошедшими в «киберпространство». Так, в Германии, где принцип свободы слова не рассматривается в качестве высшего приоритета, был принят закон, не разрешающий распространение в Интернете данных, которые запрещены в СМИ.

Но положение остаётся спорным: многие немецкие, международные организации выступают против этого закона, а главное — ин-

формация очень часто хранится на сайтах в других странах, где законодательство не регулирует ответственность провайдеров за содержание информации.

Помимо установления контроля над распространением порнографии, в разных государствах имеются дополнительные ограничения на свободу передачи информации. Так, в Германии к числу запрещённых относится пропаганда неонацистских и иных экстремистских воззрений. Во Франции законы предписывают снабжать все источники информации, включая сайты, даже если они представляют собой не более чем «зеркальное отражение» зарубежных информационных ресурсов, текстами на французском языке.

В России также делаются попытки усиления правового регулирования деятельности пользователей и провайдеров Интернета.³

Кроме информации, негативно влияющей на духовное, интеллектуальное становление личности, в Интернете широко представлена ложная информация, используемая в мошеннических целях, так как и в нём, в отличие от СМИ, нет ответственности за помещение ошибочных, вредных материалов и не соответствующих действительности. Поэтому в Интернете много рекомендаций, рецептов, выгодных предложений, которые могут представлять угрозу для человека. Остаётся нерешённым вопрос о защите интеллектуальной собственности в Сети.

Таким образом, в условиях современного развития мира, усиления информационного и культурного обмена в нём возрастает потребность в глубоком и критическом осмыслении духовной информации. Всё это приобретает особо острое значение применительно к сложным и противоречивым процессам духовной жизни российского общества, к формированию нравственных ценностей у каждого гражданина и молодого человека в особенности.

¹ См.: Традиционные и нетрадиционные религиозные объединения в столице // Пульс.— 1998.— №16.

² К р и в е л ь с к а я А. Тоталитарные секты, свобода совести, здоровье и безопасность // Безопасность.— 1997.— № 1–2.— С. 115 — 119.

³ См.: А д р у с е н к о Л. Минпечати обещало заняться Интернетом // Независимая газета.— 2000.— 15.04. По непроверенным данным, разрабатывается новейшая система ведения оперативно-розыскных мероприятий в глобальных компьютерных сетях. См.: Власть поставит Интернет под тотальный контроль. // Московский комсомолец.— 2000.— 7.08.

Состояние и перспективы российской цивилизационной динамики

*КАРПОВА Любовь Ильинична,
заведующая кафедрой гуманитарных и
социально-политических наук
Московского государственного
технического университета
гражданской авиации,
кандидат исторических наук, доцент*

В условиях начала третьего тысячелетия самой актуальной проблемой, которая дискутируется отечественными обществоведами, остаётся проблема места российской цивилизации в мире и путей её дальнейшего развития.

Российская локальная цивилизация представляет собой сложное социокультурное образование. Она имеет гетерогенную структуру, которая детерминируется многоконфессиональностью, полиэтничностью, географическим положением, охватывающим значительные пространства Европы и Азии. Доминантой её идентичности является государственность. В связи с этим мы рассматриваем Россию как страну-цивилизацию, ареал которой совпадает с государственными границами. На этой концептуальной установке базируются анализ, основные рассуждения и выводы в данной статье.

После распада СССР Россия понесла огромные геополитические потери. Если после первой мировой войны от неё отошли Прибалтика, часть Польши, Молдавия, то результатом распада Советского Союза стало сокращение территории Российской Федерации более чем на 5 млн. км², на $\frac{1}{2}$ снизилась численность населения. Россия превратилась в континентальную страну, имеющую ограниченные выходы к Чёрному и Балтийскому морям.

Известный английский учёный-геополитик Маккиндер утверждал, что континентальные массы Восточной Европы («хартленд») — наиболее удачная территория для контроля над всем миром. Поэтому неслучайно геополитическое пространство бывшего Советского Союза стало мегаполем, на которое стремятся распространить своё экономическое, политическое, идеологическое влияние государства с Востока, Запада и Юга.

Распад СССР дал возможность США внедрить своё политическое

присутствие в новых постсоветских государствах вплоть до границ с Китаем, а также на окраинах Евразии. Возникли проблемы с Прибалтикой, Китаем, Японией и другими государствами.

На юге Россия вынуждена играть роль защитника Европы от исламского фундаментализма. Она оказалась на переднем крае борьбы с международным терроризмом и экстремизмом.

Радикальные изменения, произошедшие в ходе неолиберальных реформ в экономическом строе России, привели к утрате позиций государственной собственности и процессу возрождения частной собственности на основе самых грубых форм первоначального накопления капитала. В условиях резкого экономического спада Россия по уровню производства ВВП на душу населения оказалась в одной группе с такими развивающимися странами, как Алжир, Египет, Иордания.

Роль российской экономики в современном мировом хозяйстве объективно мала. Падение курса рубля или его рост практически не влияет на курсы ведущих мировых валют. Котировка акций крупнейших российских компаний не оказывает ощутимого влияния на состояние мирового рынка.

Следует подчеркнуть, что экономика не относится к числу системообразующих цивилизационных факторов. Она представляет собой особую форму бытия цивилизации, способную структурировать или деструктурировать цивилизационную целостность. В условиях восходящего развития цивилизации она создаёт основы для укрепления её системной целостности, а в цивилизационных системах с нисходящей динамикой выступает в качестве дополнительного механизма разрушения.

За годы реформ Россия практически превратилась в сырьевой придаток развитых стран мира. Около 60% её экспорта составляют нефть, газ, металлы [7, с. 62]. Нефть и природный газ обеспечивают 35-40% валютных доходов страны. Их вывоз обеспечивает профицит госбюджета и является основой выплаты внешнего государственного долга. На экспорт поставляются алмазы, медь, никель [5, с. 108].

По мнению специалистов, экономический рост, наблюдавшийся в России с 1999 г., был вызван августовским кризисом 1998 г. Тогда начался некоторый подъём производства в отраслях перерабатывающей промышленности, отмечалась финансовая стабилизация кредитного рынка, шло наращивание производства сырьевых отраслей. Положительная макроэкономическая динамика достигла своего максимума в 2000 г. После этого она стала угасать: величина прироста

ВВП, произведённого в 2002 г., была уже на 27,7% меньше ВВП 1990 г. [7, с. 61].

В условиях экономического спада ухудшилось материальное благосостояние россиян, почти 45% населения оказались за чертой бедности.

Результаты общероссийского социологического исследования «Богатые и бедные в современной России», проведённого ИКСИ РАН показали, что две трети бедных испытывают ощущение несправедливости всего происходящего; более половины полагают, что так дальше жить нельзя, и одновременно чувствуют собственную беспомощность из-за невозможности изменить положение. Исследователи пришли к выводу, что если ухудшение материальной ситуации бедных, не способных обеспечить самостоятельную адаптацию, будет продолжаться, «то углубление их социальной деградации и маргинализации, а следовательно, рост угрозы тех или иных кризисов и социальных конфликтов в российском обществе неизбежны» [9, с. 83].

После распада тоталитарной системы власти формирование новой модели российского политического и государственно-правового устройства началось и продолжается в условиях кризиса права, механизма его реализации и разгула преступности. Если на весь Советский Союз с его 250-миллионным населением регистрировалось в год до 700 тыс. преступлений, то в настоящее время только в Российской Федерации совершается их в год более 3 млн., а с учётом латентной преступности — от 10 до 15 млн. Специалисты прогнозируют дальнейший рост преступности, причём агрессивной и организованной, включая терроризм [2, с. 3].

В условиях слабой социальной защищённости, криминогенной обстановки ухудшается социальное самочувствие российского общества: 70% его населения живёт в состоянии затяжного психоэмоционального стресса, вызывающего рост депрессии, тяжёлых неврозов и психосоматических расстройств. Это свидетельствует об исчерпании адаптационных ресурсов основной массы населения по отношению к реформируемой российской действительности [3, с. 54].

Идёт процесс истощения духовно-интеллектуального потенциала общества, который выражается в старении научных кадров и «утечке мозгов». Только с 1991 по 1999 гг. научный потенциал России сократился более чем в 3 раза. Ежегодно покидают страну от 5 до 7 тыс. научных сотрудников и около 30 тыс. выезжают по договорам и

контрактам, увозя с собой результаты своей творческой деятельности, а иногда и продукты интеллектуальных усилий целых коллективов и научных групп. На привлечении одного иностранного учёного-обществоведа США, например, экономят 235 тыс. долларов, инженера — 253, врача — 646, специалиста научно-технического профиля — 800 тыс. долларов. Россия же, по разным подсчётам, теряет ежегодно от эмиграции специалистов и научных кадров от 30 до 60 млрд. долларов [4, с. 53].

Важную роль в цивилизационной динамике играет менталитет. В данном контексте мы рассматриваем его как систему ценностей российского суперэтноса, которая проявляется в мышлении, характере, социально-политическом поведении и представляет собой одну из важных отличительных характеристик российской цивилизации.

В России исторически сложилась определённая система ценностных ориентаций, которая характерна для большинства населяющих её народов.

В условиях переходного периода под воздействием проводимых реформ развернулся активный процесс пересмотра системы ценностей, которыми россияне руководствуются в своих действиях, поступках и решениях. В этой связи начался распад ценностно-смыслового ядра российского менталитета, под которым подразумеваются определённые, в первую очередь духовные, ценности и их приоритетная иерархия.

Эти ценности определяют своеобразие мироощущения, мировосприятия и мировоззрения, а также самобытность образа жизни носителя менталитета (народа, социальной группы, общности, личности) [8, с. 170].

Исследователи в иерархии ценностей российской ментальности в качестве приоритетных традиционно выделяли: духовность, коллективизм, государственность или державность, патриотизм. Эти духовно-нравственные ценности исторически формировались под влиянием природно-географических и геополитических факторов.

Процессы трансформации (переход к новому социально-политическому строю, рыночной экономике и др.), происходящие в современной России, оказывают влияние на общественное сознание и менталитет.

В российской ментальности появилась новая особенность — признание ценностей западной цивилизации: индивидуализма, приоритета личных ценностей над государственными и общественными. Стала очевидной утрата значительной частью общества традици-

онного российского патриотизма, устойчиво проявилась тенденция падения престижа государственной и военной служб.

Происходящее под влиянием реформ изменение ценностных установок создаёт предпосылки для трансформации российского менталитета.

Технология возможной трансформации ментальности была описана в своё время известным французским социологом и психологом Г.Лебоном сквозь призму возникновения, утверждения и исчезновения идей в развитии цивилизации [6, с.14 — 15]. Контекст осуществлённых и продолжающихся социально-экономических и политических преобразований в России не совпадает с менталитетом социума. В подобных ситуациях возникает опасность формирования кризисного менталитета (или дезинтегрированного сознания), являющегося выражением распада устойчивых прежде социально-политических представлений и образов, определяющих поведение людей, структуру их сознания и психику.

Трансформация ментальности тесным образом связана с судьбами российской цивилизации. Потеря сущностных черт менталитета россиян приведёт к изменению качественных духовно-нравственных характеристик отечественного социума, потере самобытности российской цивилизации и одного из важнейших её идентификационных признаков.

Существенную роль в судьбе цивилизации играет демографический фактор, так как он относится к явлениям биосоциальным, где природные и социальные процессы находятся в тесном взаимодействии.

Доминирующий этнос российской цивилизации — русские. Они составляют около 80% её населения и являются государственно и цивилизационно образующим этносом [10, с. 50]. Русская культура играет роль общецивилизационного начала, способствующего формированию надэтнического единства в национально-разнородной структуре российского социума. Это обусловлено тем, что в русской культуре доминирующее значение имеют не собственно этнические и национальные ценности и смыслы, а общечеловеческие, универсальные, охватывающие самые различные варианты российского жизнеустройства.

Гуманистическому содержанию русской культуры присуще признание локальных и инородных культур как проявлений особого уклада жизни. В соответствии с цивилизационной парадигмой в случае сокращения численности доминирующего этноса и быстрого

демографического роста в одной из групп может произойти изменение самого субъекта исторического процесса через постепенное снижение числа людей, принадлежащих к иной культуре и ценностно-нормативной системе.

В тот момент, когда инкорпорированная этническая группа по численности превзойдет доминирующий этнос в цивилизации, наступит смена её социокультурных детерминант.

Именно такие процессы произошли в Косово, где за несколько десятилетий резко изменилось соотношение численности населения этнических групп. Албанцы, для которых более характерны многодетные семьи, стали доминирующим этносом в крае, в результате чего изменилась социокультурная ориентация региона [12, с. 132].

В России не исключено доминирование мусульманской культурной компоненты. В Москве, например, около 1 млн. жителей относят себя к мусульманской общине [10, с. 94]. В мусульманских семьях наиболее высокий уровень рождаемости, которая может существенно изменить систему внутреннего структурирования российского общества, приоритеты внутренней и внешней политики. Таким образом, этнодемографические процессы могут существенно повлиять на социокультурный облик России. Изменение демографических процессов, по мнению ряда исследователей, имеет внеэкономическую основу и находится в сфере нравственного и эмоционального состояния общества. Всегда существует взаимосвязь между ухудшением нравственно-эмоционального состояния общества и ростом заболеваемости, смертности, самоубийств [1, с. 59].

В своё время О. Шпенглер и Л.Н. Гумилёв доказали, что фазы цивилизационного надлома и распада характеризуются особым состоянием человека. В социуме начинают доминировать умонастроения апатии, безысходности, нарастание форм асоциального поведения, падает рождаемость, цивилизационная система теряет базовые духовные принципы. Деятельность индивидов в таких условиях регулируется не нравственными убеждениями, а обстоятельствами выживания.

Институт социально-политических исследований РАН, обобщив мировой опыт, разработал концепцию предельно критических показателей развития общества, выход за которые приведёт к энтропии социальных процессов. По всем основным параметрам Россия уже переступила критическую черту: уровень безработицы в мировой практике считается опасным при значении 8-10%, у нас — 15% (с учётом скрытой безработицы); условный коэффициент депопуляции —

1, у нас — 1,63; суммарный коэффициент рождаемости — 2,14-2,15, у нас — 1,39; уровень потребления алкоголя — 8 л абс., у нас — 14,5 л; число суицидов на 100 тыс. населения — 20, у нас — 38 [4, с. 52].

Социальная цена неолиберальных реформ оказалась слишком высокой для российского общества.

Приведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. За время неолиберальных реформ существенные изменения в России претерпели политическая и социально-экономическая системы, получив новое качественное состояние. Однако экономическая и социальная сферы общества не вышли из кризисного состояния.

2. Причины, по которым не сработали неолиберальные преобразования, обусловлены тем, что реформировали экономическое бытие народа, исходя из формационного подхода, в отрыве от самого народа, без учёта исторической памяти и особенностей российской цивилизации (природно-климатических, культурных, ментальных и др.). В реформах делался упор не на социокультурную ориентацию части населения, а на низменные интересы личной наживы и благополучия, на обещания очень скоро прийти к стандартам западной жизни через простой способ смены собственника средств производства.

3. Крушение старых общественных идеалов и ценностей, процессы социального расслоения привели к духовному кризису, который нашёл своё выражение в кризисе науки, культуры, нравственности. Этот кризис отбросил российское общество на десятки лет назад, так как духовные потери трудновосполнимы.

4. От того, как пойдут демографические процессы в России, зависит её будущая социокультурная детерминация. Относительная убыль русской этнической группы как носителя ценностно-культурной ориентации может привести к потере идентичности и смене российской цивилизационной парадигмы.

5. Огромные геополитические, экономические, демографические потери, которые понесла Россия, сравнимы с последствиями мировых войн. Весьма интересны рассуждения известного философа А. Зиновьева, подтверждающие этот печальный вывод: «Бомба западной цивилизации, взорванная в России, произвела в ней неслыханные ранее опустошения не только в сферах государственности, экономики, идеологии и культуры, но и в самом человеческом материале общества. В таких масштабах и в такие сроки это до сих пор ещё не удавалось сделать никаким завоевателям и никаким оружием» [3, с. 1].

6. В начале XXI в. российская цивилизация пребывает в крити-

чески опасном состоянии надлома и угрозы потери идентичности. Наблюдается нисходящая динамика её структурирующих основ.

Совершенно логично возникает вопрос: возможен ли позитивный сдвиг в условиях кризисного состояния российского социума и цивилизационного надлома?

На этот вопрос можно ответить положительно: в России имеются все необходимые предпосылки для возрождения. Она располагает большой территорией — свыше 17 млн. км², занимает выгодное геополитическое положение, так как является своеобразным связующим звеном между Западом, Востоком, Севером и Югом. По запасам природных ресурсов Россия представляет собой одну из самых богатых стран мира. На её долю приходится 40% мировых запасов угля, 23% — нефти, 33% — природного газа. Она занимает лидирующее положение на планете по суммарным запасам железной и медной руды и по многим другим видам минерально-строительных материалов. Стоимость природных ресурсов в России в 3,5 раза выше, чем в США [11, с. 11].

Наша страна располагает вторым в мире (после США) по мощности ядерным потенциалом, что заставляет считаться с ней в международной политике.

Россия наряду с Великобританией, Китаем, США, Францией является постоянным членом Совета Безопасности ООН, решения которого обязательны для всех стран. Кроме того, Россия принимает участие в ежегодных встречах высших руководителей стран «большой восьмёрки», а с 2006 г. становится председателем этой организации, что также способствует росту её авторитета в мировом сообществе.

С приходом правительства во главе с президентом В.В. Путиным проявляется стойкая тенденция к укреплению внутреннего и международного положения Российской Федерации. В экономике осуществлены важные преобразования: ослаблен налоговый пресс, введён единый 13%-ный налог на доходы физических лиц и 24%-ный на прибыль предприятий и организаций. Страна отказалась от внешних займов, начала выплачивать долги по международным обязательствам.

Правительством определены приоритетные направления государственной политики: здравоохранение, образование, жилищное строительство, сельское хозяйство.

В июле 2001 г. Россия стала третьей страной в мире (после США и Японии), разработавшей суперкомпьютер, выполняющий 1 трлн. операций в секунду. Это открывает перспективы для разработки но-

вейших технологий и средств коммуникации, играющих большую роль в развитии отечественного научного потенциала.

Изменилась российская внешнеполитическая доктрина. Руководство страны более чётко, чем прежде, стало определять свои собственные интересы в отношениях с США, странами СНГ и Западной Европы. Позитивное стратегическое партнёрство установлено с Китаем, Индией, Монголией, Вьетнамом. Возобновились отношения на высшем уровне с Кубой и КНДР. Президент России принимает участие во всех крупнейших международных форумах.

Возрождение России зависит от правильного определения стратегии её развития.

Сегодня российское общество стоит перед историческим выбором альтернативы:

1) пойти по пути воспроизводства ценностей западной цивилизации;

2) выработать свою парадигму развития на основе учёта исторических особенностей и опыта российского социума.

Второй путь связан со стратегией саморазвития, поиском путей возрождения, сохранения и совершенствования собственных социокультурных форм жизнедеятельности.

Стратегическим вектором для России должно стать достижение положительной динамики устойчивого развития на базе укрепления государственных и структурообразующих цивилизационных основ.

Литература

1. Гундаров И.А. Духовное неблагополучие и демографические катастрофы // *Общественные науки и современность*. — 2001. — № 5.

2. Дегтярёв С.В. Тянем под уздцы Троянского коня // *Советская Россия*. — 2004. — 28 октября.

3. Идёт война информационная // *Литературная газета*. — 2003. — 15–21 октября.

4. Киселёв А.И. Экологическая ниша России: Риски и шансы // *Россия в глобальном мире / Труды Всероссийской научно-теоретической конференции*. — СПб: СПбГПУ, 2003.

5. Козырев Г.И. Международный политический процесс // *Социально-гуманитарные знания*. — 2003. — № 4.

6. Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб., 1995.

7. Любимцев С.В. Национальная экономика в глобальном мире // *Россия в глобальном мире / Труды Всероссийской научно-теоретической конференции*. — СПб: СПбГПУ, 2003.

8. Р е д е л ь А.И. Российский менталитет: От политическо-идеологических спекуляций к социологическому дискурсу // Социально-гуманитарные знания. — 2000. — № 5.

9. Россия: Новая социальная реальность. Богатые, бедные, средний класс. — М., 2004.

10. Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты. — М.: Республика, 2001.

11. П р о с к у р и н С.А., К у з ь м и н Д.С. Некоторые направления стратегии выхода России за пределы индустриального общества // Социально-гуманитарные знания. — 2004. — № 1.

12. С е р г е е в а О.А. Особенности современных цивилизационных процессов. — М., 2002.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**Сопредседатели совета**

- Иванов В. Н.** Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, вице-президент Российской академии социальных наук, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор
- Сергеев В. К.** Директор Московского института социально-культурных программ, действительный член Российской академии социальных наук, Академии безопасности, обороны и правопорядка, доктор социологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Члены совета

- Андреев Э.М.** Главный научный сотрудник ИСПИ РАН, профессор кафедры социологии и политологии ИППК МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Академии педагогических и социальных наук, Международной педагогической академии, Академии политической науки, доктор философских наук
- Васильева Т. А.** Председатель Комитета общественных связей города Москвы, кандидат исторических наук
- Засурский Я. Н.** Декан факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор
- Красногорский В.И.** Военный комиссар города Москвы, генерал-майор
- Маршак А. Л.** Заведующий кафедрой социологии и гуманитарных дисциплин Российской академии предпринимательства, доктор философских наук, профессор
- Мионов А.В.** Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор
- Сосунова И. А.** Руководитель Центра социально-экологических исследований НИА «Природа», действительный член Международной академии экологии, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор
- Худяков С. И.** Председатель Комитета по культуре города Москвы, кандидат философских наук
- Швецова Л.И.** Первый заместитель мэра Москвы в Правительстве Москвы, руководитель Комплекса социальной сферы, кандидат политических наук
- Шкондин М.В.** Заведующий кафедрой теории и практики печати факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор
- Яновский Р. Г.** Член-корреспондент Российской Академии наук, руководитель Центра социальной безопасности ИСПИ РАН, доктор философских наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

БОГАЧЁВА И.Б.	Молодёжное движение Республики Беларусь в контексте социальной политики Союзного государства по поддержке талантливой молодёжи	3
СЕРГЕЕВ В.В.	Актуализация проблемы безопасности духовной культуры в российском обществе	19
САВЕЛЬЕВ В.В.	Культурное пространство Союзного государства: позитивные тенденции развития	34
МАРАП О.И.	Православие как духовная общность в культурном пространстве России и Белоруссии	45
СОСУНОВА И.А.	Экологическое воспитание для устойчивого развития	51
КСЕНОФОНТОВ В.Н.	Детерминанты политической стабильности российского общества: содержание и особенности управления	59
БЕССОЛИЦЫНА Н.А. ДОНСКОЙ В.Г.	Культурный облик столицы (социологические заметки)	76
ТАРАСОВ Б.Н.	Тютчевская историософия: содержание и специфика	87
КЛИМОВ С.Н.	Культура России и Франции: исторический аспект	99
СМИРНОВА А.Г.	Восстановление памятников культуры и зодчества Москвы после пожара 1812 г.	109
МОРОЗОВ С.Б.	Теория ценностей в социологии	120
КСЕНОФОНТОВ А.В.	Информационная безопасность личности в современном мире	132
КАРПОВА Л.И.	Состояние и перспективы российской цивилизационной динамики	140

«ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура». Выпуск № 2 (15), июнь, 2007 г.
Научный сборник

Главный редактор — доктор социологических наук В.К.Сергеев
Ответственный за выпуск — В.Г.Донской
Редактор-корректор — Л.А. Ильина

Учредитель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы
«Московский институт социально-культурных программ»
109012, г. Москва, Старопанский пер., 1/5, стр.1

Издатель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы
«Московский институт социально-культурных программ»
109012, г. Москва, Старопанский пер., 1/5, стр.1

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых информации и охране культурного
наследия Центрального федерального округа. Свидетельство о
регистрации ПИ № ФС1 — 01933 от 6 октября 2005 года.

Выпуск ежеквартальный. Подписка с III квартала 2007 г.

Индекс по Каталогу агентства «Роспечать» — 36938.

Адрес редакции

109012, г. Москва, Старопанский пер., 1/5, стр.1

Телефон редакции: (8-495)-628-78-83

Факс: (8-495)-628-65-27 **E-mail:** miskp@mail.ru **http://**www.miskp.ru

Распространение

Журнал «ПОИСК» направляется членам Правительства Москвы,
депутатам Государственной Думы от Москвы, депутатам Московской
городской Думы, центральным органам власти Российской Федерации,
представительствам субъектов Федерации в Москве, департаментам,
комитетам и управлениям Правительства Москвы, руководителям 125
районов Москвы, учреждениям культурно-досуговой сферы Москвы.

Сдано в набор 07.06.07. Подписано в печать 26.06.07.

Формат 60x84/16. Гарнитура «Таймс».

Тираж 550 экз. Заказ №

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5

Издательство «Серебряные нити»

129224, Москва, Варсонофьевский пер., 8

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП МО «Коломенская типография»
140400, Московская обл., Коломна, ул. III Интернационала, 2а